

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Д. М. НАСИЛОВ

ПРОБЛЕМЫ ТЮРКСКОЙ АСПЕКТОЛОГИИ

Акциональность

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Э. Р. ТЕНИШЕВ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1989

Рецензенты:

д. ф. н. В. М. ПАВЛОВ, к. ф. н. Е. А. КУЗЬМЕНКОВ

Научное издание

Дмитрий Михайлович Насилов
ПРОБЛЕМЫ ТЮРКСКОЙ АСПЕКТОЛОГИИ
АКЦИОНАЛЬНОСТЬ

*Утверждено к печати
Институтом языкознания Академии наук СССР*

Редактор издательства *Н. А. Никитина*
Художник *Г. В. Смирнов*
Технический редактор *Р. А. Кондратьева*
Корректоры *Г. А. Александрова* и *Т. М. Гейдур*

ИБ № 44013

Сдано в набор 18.07.88. Подписано к печати 18.01.89. Формат 84×108/32.
Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 10.92. Усл. кр.-от. 11.13. Уч.-изд. л. 11.54. Тираж 1000,
Тип. зак. № 615. Цена 2 р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука». Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

Н 4602020400-514 421-89
042 (02)-88

© Издательство «Наука», 1989 г.

ISBN 5-02-027870-X

ПРЕДИСЛОВИЕ

На координационном совещании по грамматике тюркских языков (Алма-Ата, 1956 г.) проблема глагольного вида в этих языках впервые подверглась многоплановому научному обсуждению, в итоге которого она была определена как одна из наиболее актуальных проблем тюркского языкознания, требующих углубленного исследования. Минувшие с тех пор тридцать лет — срок вполне достаточный для того, чтобы критически осмыслить результаты сделанного, обобщить теоретические и практические разработки тюркологов, поскольку они представляют интерес также для теории грамматики и общей аспектологии. При этом нельзя упускать из виду, что за последнюю четверть века общая аспектология достигла значительных успехов, особенно в уточнении исходных (базовых) аспектологических понятий и соответствующих терминов, в методике анализа языковых фактов и определении аспектуальной семантики, в описании аспектуальных контекстов. Вот почему важно оценить, как эти достижения учитываются тюркским языкознанием. Наконец, необходимо на основе выводов сделать новый шаг в развитии одного из существенных разделов тюркской аспектологии — учения о способах действия глагола. Именно указанные задачи выдвигаются на передний план в предлагаемой работе. Таким образом, актуальность исследования определяется прежде всего тем местом, которое занимает аспектология в теории тюркской грамматики (и одновременно с этим — в грамматиках других алтайских агглютинативных языков), а также практическими выводами, касающимися соответствующих разделов грамматик этих языков, поскольку категориальное значение глагола во многом обусловлено аспектуальной семантикой.

Проблемы тюркской аспектологии рассматриваются ниже в русле того определенного направления функциональной грамматики, которое занимает центральное место в научных разработках отдела теории грамматики и типологических исследований ЛО ИЯ АН СССР. Функциональная грамматика, направленная на описание функционирования языковых единиц в их разноуровневом взаимодействии, особое внимание уделяет соотношению грамматических категорий и функционально-семантических полей (Теория грамматики 1987).

Основной составляющей функционально-семантического поля аспектуальности в тюркских языках являются специализированные формы, передающие способы действия глагола. Они широко представлены как в письменных памятниках, так и в современных языках. Указанное поле обслуживают также отдельные видовременные формы, связанные с качественной и количественной аспектуальностью. Особый ярус поля образуют лексические средства. Одной из целей настоящей работы является выяснение связей между компонентами функционально-семантического поля аспектуальности на примере одного тюркского языка — узбекского (отчасти в сопоставлении с другими тюркскими языками). Большое внимание будет уделено описанию семантической сущности способов действия, как ядерных элементов поля, а также определению их функциональной нагрузки. В узбекском языке, равно как и в других языках, прослеживается историческая связь между формами способов действия и видовременными формами. Чтобы объяснить эту зависимость и понять парадигматизацию отдельных аспектуальных форм, необходимо обратиться к диахроническому рассмотрению данных явлений и таким образом дополнить в некоторых разделах работы синхронное описание фактов их диахронической интерпретацией. Актуальность выяснения места указанных явлений внутри поля аспектуальности очевидна.

Типологический анализ способов действия и других компонентов рассматриваемого поля осуществляется в двух направлениях. Во-первых, при функционировании грамматических категорий внутри поля наиболее естествен путь их описания «от содержания к форме», т. е. выявление набора формальных средств реализации

в языке определенных смыслов. В данном случае это характеристика средств, передающих те или иные свойства и особенности действия в тюркских языках. Здесь выявляются и обобщаются смысловые константы, которые представлены в описаниях, идущих по пути «от формы к содержанию»; могут быть приняты во внимание также и данные других языков, в том числе иной структуры. Последнее предполагает учет универсалий (скорее — языковых фреквенталий) и построенных на них исчислений.

Во-вторых, большая структурная и материальная близость тюркских языков, а также значительные структурные схождения этих языков с другими алтайскими (особенно с монгольскими) позволяют контролировать правомерность принятия отдельной смысловой константы, находящей морфолого-синтаксическое воплощение, определять меру смысловых различий сходных означающих и уточнять круг означающих, служащих реализации близких смысловых заданий в языках агглютинативного типа.

В настоящей работе в качестве иллюстративного привлекается материал узбекского литературного языка, представленного в произведениях современной литературы, в словарях и грамматиках; факты других тюркских и алтайских языков берутся, как правило, из словарей и соответствующих грамматических описаний.

Первая глава книги — общетеоретического плана; в ней дается освещение основных проблем современной аспектологии в применении к тюркским языкам, рассматриваются подходы тюркологов к лексико-семантическим группировкам глаголов, связанным с отражением аспектуальных различий, приводится общая характеристика направлений в изучении тюркской аспектуальности и ее более узкого раздела — акциональности, т. е. способов действия тюркского глагола (о содержании термина «акциональность» см. ниже), и акциональных значений лексем.

Во второй главе рассматривается семантическая структура глагольной лексемы, в которой закрепляются отраженные сознанием объективные признаки разной степени абстрагированности, в том числе и поднимающиеся до уровня категориальных обобщений. Для аспектологии важны прежде всего две стороны значения

глагола: его «вещественное» содержание и языковой категорпальный признак «процессности». Именно они теснейшим образом связаны с содержанием аспектуальности как отражением особенностей структуры процесса, обозначаемого глагольной лексемой.

В третьей главе базовые аспектологические понятия, выработанные в современной аспектологии, необходимость использования которых в тюркологии не подлежит сомнению, освещаются с точки зрения их ономастологической природы. В разделах этой главы затрагиваются разные стороны представления аспектуальных и акциональных характеристик процесса в языке, особое внимание обращается на определение семантической зоны акциональности и на средства ее выражения на разных языковых уровнях.

Глава четвертая посвящена рассмотрению функциональных связей лексической и морфологической акциональности в узбекском языке. Здесь описывается качественная модификация глагольной лексической акциональности, выявляемой в двух основных группах глаголов — неопределенных и предельных лексемах, а также в переходных между ними глаголах развития. Затрагиваются отдельные моменты и особенности количественной детерминации процесса. Глава заканчивается описанием способов представления вторичного состояния, или результата.

Автор выражает свою признательность всем коллегам, принявшим участие в заинтересованном и очень полезном для него обсуждении рукописи книги, рецензентам Л. В. Дмитриевой, Е. А. Кузьменкову и В. М. Павлову, а также редактору Э. Р. Тенишеву, замечания которых содействовали улучшению содержания данной монографии.

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АСПЕКТУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Конструктивная установка Ю. С. Маслова, сообразно которой «при любом аспектологическом исследовании важно не только разграничивать вид и способ действия, . . . но и правильно понимать характер связи и взаимодействия между одним и другим явлением в системе языка» [Маслов 1959, с. 191], очень точно отражает устремления современной аспектологии и поэтому может быть принята как исходная теоретическая посылка при изучении аспектуальности и в тюркских языках. Плодотворность разграничения вида, аспекта (Aspekt) как отчетливо грамматикализованной категории (т. е. категории, внутри которой различаются по грамматическому содержанию формы одного слова) и способа действия (Aktionsart) как явления лексико-грамматического порядка (т. е. группировки слов, объединенных общностью привносимого формой грамматического содержания) проявилась в более точном и четком определении объема данных понятий, что позволило расширить базу сопоставительной аспектологии [Маслов 1978]. Между тем асимметрия содержательной и выразительной сторон языка заставляет искать компромиссный подход к выделению грамматических категорий.

Так, применительно к указанным аспектуальным явлениям Ю. С. Маслов обращает внимание на следующие моменты: «. . . для признания какого-либо грамматического различия в том или ином языке видовым (аспектуальным) . . . существенны не внешние формы выражения этого различия, не то, выражается ли оно строением глагольной основы, окончаниями, аналитическими средствами и т. д., а в первую очередь его содержательная сторона. . . Приходится признать, что на данном этапе развития аспектологии мы еще не мо-

жем уверенно разделить аспектуальные значения на такие, которые выражаются. . . в формах грамматической категории вида, и такие, которые. . . не получили подобного грамматического выражения. . . . Соответственно решение вопроса об отграничении вида от всей прочей аспектуальности остается целиком в области плана выражения» (разрядка моя. — Д. Н.) [Маслов 1978, с. 5, 24]. Как видно, основой выделения и разграничения аспектуальных явлений в отдельном языке считается их семантика; здесь важен план содержания, означаемые, в то время как план выражения (означающие) на этом этапе менее существен. С другой стороны, квалификация выделенного конкретного аспектуального содержания в отношении категориальной принадлежности основывается прежде всего на формальных моментах, приписываемых грамматической (морфологической) категории вообще и категории вида (аспекта) в частности; здесь на первое место выдвигаются план выражения и закономерности поведения означающих в морфологических категориях. При этом и категория аспекта, и способы действия, и другие аспектуальные формы должны, как предполагается, охватываться единством содержания.

Несмотря на указанные трудности именно в области изучения способов действия в разных языках и в связи с этим уяснения собственно аспектуальной семантики, добилась больших успехов современная аспектология. Уже применительно к фактам языков многих типов, охватывавшихся ранее «безликим» обобщенным термином «вид», широко используется понятие способа глагольного действия, содержательно противостоящее понятию аспекта, а также понятие предельности (терминативности) действия, важное при изучении функционирования форм вида и способа действия. Многие фундаментальные теоретические положения современной аспектологии базируются на указанных трех основных понятиях (разные направления используют для них различные термины), и в то же время расхождения отдельных аспектологических концепций связаны именно с толкованием данных понятий. Отсюда представляется полезным кратко изложить отношение тюркологов к теоретическим позициям общей аспектологии, что, естественно, наиболее наглядно проявляется в использовании трех выделенных понятий применительно

к фактам тюркских языков. При этом наша цель — не раскрыть историю изучения аспектуальной семантики в том или ином тюркском языке (это сделано в целом ряде обобщающих работ и тем более в частных исследованиях на материале отдельных языков), а определить в общих чертах главнейшие направления в данной области, наметившиеся в последние десятилетия.

Достаточное количество семантических и формальных оснований для расчленения в тюркских языках «видовых» явлений на способы действия и аспект связывается с открытием последних десятилетий в этой области на материале славянских и других языков. В то же время повышенное внимание к тюркскому «виду» определено возникло под влиянием славянской аспектологии и прежде всего видовости русского языка.

В. И. Вербицкий, М. А. Невский и Н. И. Ильминский — авторы «на редкость превосходной» (Е. Д. Поливанов) «Грамматики алтайского языка» — отметили в ней, что «отдельный глагол в алтайском языке как само по себе не означает положения действия, т. е. начала, окончанности и т. п. . . . Положение действия определяется сочетанием глагола с дееспричастием» [Грамматика алтайского языка 1869, с. 184]. Именно такие сочетания «выражают те понятия, для которых в русском языке существуют виды глаголов и сложные с глаголами предлоги, чего нет в алтайском языке» [Там же, с. 184].

Вообще следует сказать, что в известнейших и авторитетных старых грамматиках тюркских языков так или иначе затрагивались вопросы о выражении в языках различных характеристик протекания глагольного действия с помощью синтетических или аналитических средств. При этом авторы, как правило, не поднимали вопроса о наличии категории вида в тюркских языках. [Обзоры см.: Серебренников 1958, с. 12—30; Ганиев 1963, с. 9—19; Насилов 1976в].

Проблема «вида» особенно стала волновать отечественных тюркологов в период широко развернувшегося в нашей стране преподавания родного и русского языков в тюркоязычной аудитории, когда возникла потребность объяснения учащимся сущности русских видов, а также при написании учебников. По сведениям Ф. А. Ганиева, первое упоминание о виде в татарском языке встречается в практической грамматике этого

языка, написанной М. Курбангалшевым и Р. Газизовым в 1925 г. [Ганиев 1963, с. 10]. В учебнике уйгурского языка А. К. Боровкова, изданном в 1935 г., есть параграф «Понятие о видах глагола в уйгурском языке», где приведены формы трех «видов»: «многократного», «совершенного» и «несовершенного». В 40—50-е годы появляются специальные работы, описывающие «виды» в тюркских языках [Серебренников 1958, с. 14—26; Сайкиев 1973, с. 214—227; Шакирова 1974, с. 73—87].

Другая линия изучения тюркской аспектуальности связана или с отрицанием форм вида в этих языках, или с признанием наличия у них таких форм, которые хотя и могут быть названы «видовыми», но семантически не сопоставимы полностью с русскими. Именно сторонниками последнего направления была воспринята мысль о необходимости разграничить «вид» и «способ действия» и описывать их в тюркских языках по отдельности. В 1936 г. казахский языковед Х. Жубанов отметил, что казахский язык характеризуется обилием времен и особых форм «уточнений хода и условия действия, которые напоминают виды славянских языков, но не тождественны им» [Жубанов 1966, с. 76].

Одним из первых, кто попытался теоретически обосновать наличие специальных форм с семантикой способов действия глагола и отсутствие в тюркских языках видов (как грамматической категории), аналогичных русским совершенному и несовершенному видам, был В. М. Насилов. Он выделил два типа значений у сочетаний с вспомогательными глаголами: они 1) либо передают «пространственную характеристику действия», 2) либо «приобретают значение видовой категории в других языках», указывая на особенности развития действия как такового, т. е., как бы мы сказали теперь, обладают, по сравнению с пространственными параметрами, более обобщенными значениями грамматических способов действия [Насилов В. 1947]. Сходных позиций придерживаются также Н. И. Ашмарин, С. А. Аманжолов, А. Н. Кононов, Б. А. Серебренников, М. З. Закиев, П. И. Кузнецов, Н. Н. Джанашина, Ф. А. Ганиев, Д. Г. Тумашева, А. Н. Тихонов, А. Ходжиев, Н. Оралбаева, Х. М. Сайкиев, Р. М. Бирюкович, Л. Юхансон, автор данных строк и ряд других тюркологов [Шакирова 1974, с. 82—94; Кузнецов 1975; Johanson 1971; Schönig 1984].

На алма-атинской конференции (1956 г.) счет был 9 : 8 (при 3 «воздержавшихся») в пользу сторонников признания тюркского вида [Кузнецов 1966, с. 213]. Ее участники широко пользовались термином «вид»; «способ действия» в терминологическом смысле еще не применялся, хотя отдельные выступавшие говорили (например, Х. Х. Махмудов), что в тюркских языках представлены «различные способы выражения протекания способа действия, причем и над этими „видовыми“ значениями надо еще подумать» [Вопросы грамматики 1958, с. 68]. Это и естественно, поскольку в те годы такого четкого терминологического противопоставления данных аспектологических категорий не было и в отечественной русистике, всегда питавшей идеями тюркологов.

Б. А. Серебренников основное содержание своего доклада на этой конференции направил на доказательство того, что в тюркских языках вид как грамматическая категория не представлен и что выделяемые там видовые значения не сопоставимы со значениями совершенного и несовершенного вида русского языка. Такое направление доклада, как кажется, определило ход полемики на совещании и выдвижение его участниками соответствующих контраргументов. Глаголы в сочетании с различными вспомогательными глаголами Б. А. Серебренников предложил называть «видовыми классами», поскольку они не проявляют свойств грамматической категории (тотальность, оппозиционность, универсальность) и значения совершенности или длительности осложнены в них дополнительными лексическими значениями [Вопросы грамматики 1958, с. 30].

Более развернутое положительное решение проблемы предлагается этим автором в книге о видовременной системе финно-угорских языков. Здесь Б. А. Серебренников анализирует материал и тюркских языков, он заключает, что «наиболее типичной особенностью вида является выражение способа протекания действия» [Серебренников 1960, с. 23]. С его точки зрения, «видовые классы — это своего рода осколочные виды. . . они, не имея тотального распространения, явно тяготеют к образованиям лексического порядка. Видовые классы — это результат капризной игры закона избирательности в грамматике, когда характеристика гла-

гольного действия у незначительного числа глаголов почему-то получает грамматическое выражение, а у остальных не получает» [Там же, с. 25—26]. Если сравнить данное им выше толкование видового класса с распространенным определением способа действия, то можно видеть, что они фактически совпадают, в частности, и в плане противопоставления видового класса категории вида. Графически эти классы Б. А. Серебренников представляет в виде непересекающихся кругов различного размера. Здесь уместно привести соответствующую метафору Ю. С. Маслова: «Словом, если применить образное сравнение, можно сказать, что система способов действия того или иного языка напоминает не шкаф с полочками и ящиками, а скорее лист бумаги, исчерченный кругами разной величины, частично покрывающими или перекрывающими друг друга» [Маслов 1959, с. 188]. В то же время интересно, что Б. А. Серебренников относится скептически к разграничению аспекта и способа действия и употреблению последнего термина [Серебренников 1960, с. 22—23]; однако проводить различие между «видом» (аспектом) и «видовым классом» он считает совершенно необходимым.

Часть аналитических образований с вспомогательным глаголом *бол-* 'стать' — так называемые перифрастические формы тюркского глагола — были отнесены нами к средствам выражения способа протекания действия (Aktionsart), поскольку они показывают характер перехода к новому действию или состоянию и, следовательно, их семантика не является собственно видовой [Насилов 1960, с. 95]. Интересно отметить, что Л. Юхансон перифрастические формы («комбинации») тур. *-miş ol-/bulun-*; *-ir ol-* предлагает квалифицировать не как грамматические элементы, а как «расширения лексем», которые несут «регулярные лексические модификации — относительно способов действия (aktionsartmäßig) — содержания глагольной лексемы» [Johanson 1971, с. 20].

В ряде последующих работ мы старались показать структурные и семантические особенности тюркских и шире — алтайских — способов действия глагола, выражаемых, в частности, с помощью глагольных конструкциями (дефинитив + вспомогательный глагол-модификатор) или сложными / состав-

ными глаголами, а также аффиксами [Насилов 1971; 1976а, 1976б; 1978; 1984].

Одним из первых в тюркологии Ф. А. Ганиев отнес значения, реализуемые в татарском языке сложновербальными конструкциями, к категории характера протекания действия глаголов, или же к категории способов действия, и дал их описание на этой теоретической основе [Ганиев 1963, с. 116—172; Ганиев 1971, с. 377—382; Насилов 1976в, с. 119]. Он также широко использовал в своей монографии понятие предельности/непредельности глаголов, рассматривая ее в татарском как лексико-семантическое явление. Категорию способов действия он квалифицирует как лексико-грамматическую. Автор выделяет в татарском языке предельные глаголы (*капларга* 'закрывать', 'закрывать'; *төшергә* 'спускаться', 'спуститься'; *табарга* 'находить', 'найти'; *сындырырга* 'ломать', 'сломать'; *жимерелергә* 'разрушаться', 'разрушиться' и др.), непредельные (*уйланьрга* 'думать', *эзләргә* 'искать', *түзәргә* 'терпеть', *аңкырга* 'пахнуть' и др.) и нейтральные, или двойственные, которые в разных контекстах бывают предельными и непредельными (*уқырга* 'читать', 'прочитать'; *язарга* 'писать', 'написать'; *утырырга* 'сидеть', 'сесть'; *ятарга* 'лежать', 'лечь' и др.). Аналогично распределяются и сложные, составные, глаголы (аналитические образования), причём «предельность и непредельность составного глагола... зависит от вспомогательного глагола, если вспомогательный глагол предельный, то и составной — предельный, если же вспомогательный глагол непредельный, и составной — непредельный» [Ганиев 1963, с. 104].

В монографии о видовой характеристике татарских глаголов и в последующих работах Ф. А. Ганиев подчеркивает особую роль контекста и лексического значения глагола в реализации этой характеристики. В то же время он считает, что «вопрос об отношении временных форм к глагольному виду и в татарском языкознании до сих пор остается нерешенной спорной проблемой» [Ганиев 1980, с. 51]. Настаивая на строгом разграничении семантики вида и способа действия, Ф. А. Ганиев обращает внимание на разнообразие акциональных значений, число которых, по его мнению, в «татарском языке доходит до сотни», однако их можно сгруппировать в восемь групп: 1) начинательность,

2) направленность, 3) длительность, 4) многократность, 5) частичное развитие действия, 6) внезапность, 7) результативность, 8) завершенность [Ганиев 1980, с. 55]. Способы действия выражаются тремя грамматическими приемами: аффиксацией, редупликацией и аналитическими составными глаголами с участием вспомогательных глаголов.

Термин «способ (глагольного) действия (Aktionsart)» используют в своих работах П. И. Кузнецов, А. Н. Тихонов, М. П. Чхаидзе, Х. М. Сайкиев, Н. Оралбаева, Л. Юхансон, Э. Р. Тенишев, Р. М. Бирюкович, Д. Г. Тумашева и ряд других тюркологов [Насилов: 1976в; Ганиев 1980, с. 40—64].

К сожалению, в нашей тюркологии прошли почти незамеченными работы М. П. Чхаидзе и статья М. Г. Сейфулина. М. П. Чхаидзе, решая проблему «спаренных глаголов» в марийском языке, уделил известное место и рассмотрению бивербальных конструкций в тюркских языках. Глаголы, выступающие в этих конструкциях в финитной форме и названные им «модификаторами» (этот термин использован впервые в тюркологии в 1944 г. А. И. Харисовым), разбиты на две группы: «целеустремленные» (т. е. предельные) и «нецелеустремленные» (т. е. непредельные) глаголы [Чхаидзе 1960, с. 31—36; Чхаидзе 1967, с. 21]. Основную функцию «спаренных глаголов» автор видит «не в выражении вида (аспекта), а в выражении способа или характера протекания действия, передаваемого главным глаголом спаренного сочетания», т. е. акционсарта [Чхаидзе 1967, с. 19—20]. Он признает, что «совершенного вида славянского образца решительно нет ни в одном из обследуемых языков» [Там же] и что в этих языках при выражении аспектуальных значений «устанавливается приоритет контекста над формой». М. П. Чхаидзе затронул также и некоторые проблемы типологии глаголов-модификаторов в финно-угорских, алтайских, дравидийских и некоторых других языках, высказав предположение о происхождении моделей в различные языки из некоего исходного центра.

М. Г. Сейфулин отметил, что «вид и способ действия характеризуют глагол одновременно, но с разных сторон» и что «видовые значения, значения способа действия и лексические значения должны четко различаться» [Сейфулин 1963, с. 190, 193]. По его мнению, резуль-

татом «произвольного понимания семаснологической природы вида явилась искусственно поднятая проблема вида в современной тюркологии» [Там же, с. 192]. Видовую семантику он связывает с внутренней завершенностью процесса действия, с его предельностью; лексические характеристики глагольного действия и указание на особенности его протекания, которое в тюркских языках осуществляется с помощью вспомогательных глаголов, относятся к иному семантическому плану и входят в сферу лексики и словообразования. Автор указывает, что, хотя тюркские вспомогательные глаголы как-то сопоставимы с русскими приставками, совершенно недопустимо «отождествлять русские приставочные глаголы с тюркскими сложными во всех их лексических и грамматических проявлениях» [Там же, с. 195], но именно в таком направлении и шли некоторые тюркологи в то время [см.: Сайкпев 1973, с. 214—227].

Турецкие бивербальные конструкции с глаголами-модификаторами, менее распространенные в этом языке по сравнению с другими тюркскими языками, П. И. Кузнецов отнес к «видовым аспектам» глагола, где «видовой» употреблено в смысле Aktionsart [Кузнецов 1966, с. 218—219]. Позднее он отказался от термина «видовой аспект» как неудачного, поскольку в нем не отражено «главное членение категории вида — на аспект (или собственно вид) и акционал» [Кузнецов 1975, с. 71], причем акциональные формы привносят в содержание основного глагола характеристики развития действия (длительности, интенсивности, внезапности и пр.). Термином «акционал» он заменяет термин «способ действия» ввиду лаконичности и удобства первого. «Видовые разряды» П. И. Кузнецов выделяет в рамках форм изъявительного наклонения, их два — «законченного» и «незаконченного действия» [Кузнецов 1968]. Эти формы находятся между собой в отношении полной или частичной дистрибуции и различаются, принадлежа одному из временных планов, видовой (аспектуальной) семантикой. Таким образом, П. И. Кузнецов, относя аспектуальную семантику к видовременной системе турецкого глагола, противопоставляет ей в целом акциональную семантику, выражаемую в синтактико-морфологических комбинациях с модифицирующими глаголами (-iver-, -ip dur-, -ip/-a kal-, -ip git- и др.).

В отношении видовой семантики временных форм и их противопоставлений П. И. Кузнецов развивает идеи, сходные с подходом Л. Юхансона [Кузнецов 1983, с. 20—22].

Н. Оралбаева использует три понятия: «характер протекания действия», «способ совершения действия», «стадия, или фаза, действия» [Оралбаева, 1971а, 1971б]. Первое понятие — более широкое, оно объединяет два других, поскольку они отражают частные черты осуществления действия. К каждой из трех выделенных ею фаз действия — начальной, развития (протекания) и завершения — могут относиться отдельные способы действия, которые указывают, «как совершалось или совершается то или иное действие» [Оралбаева 1971б, с. 98]. Автор устанавливает в казахском языке 12 способов действия: притворное, недостаточное (прерванное), целеустремленное, совершенное с особым старанием, совершенное с безразличием, неожиданное, мгновенно-семельфактивное, совершенное с особым усилием, продолжительное, ограничительное, неспешное действие и действие, готовое к совершению [Там же, с. 98; Оралбаева 1979, с. 130—180]. Указанные способы действия выражаются в языке аналитическими конструкциями. Н. Оралбаева настаивает на различении категории вида и категории характера протекания действия.

Р. М. Бирюкович выделяет в чулымском языке несколько форм выражения способов глагольного действия [Бирюкович 1981, с. 32—43]. Автор указывает, что «семантика глагольной основы такова, что позволяет определенные модификации выражаемого действия. Следовательно, способы действия предопределены семантикой глагольной основы, содержащей семы времени или интенсивности» [Там же, с. 35]. Р. М. Бирюкович особое внимание уделяет семантической структуре вспомогательных глаголов (признаки предельности, произвольности, динамичности действия и др.), поскольку в конкретных бивербальных конструкциях при выражении разных способов действия активизируются и реализуются те определенные семы, которые сохраняются «в лишенном лексического значения» вспомогательном глаголе.

По мнению Н. Н. Джанашиа, аналитические (составные) глаголы в турецком языке служат для выражения

определенных характеристик действия, в том числе и видовых. Здесь автор прежде всего выделяет «стадии протекания действия», или «модально-стадиальные характеристики протекания действия по отношению к моменту речи» [Джанашиа 1981, с. 210—222]. Они выражаются «составными глаголами перифрастического типа -yog/-ar/-acak/-miş/-mekte + ol-» [ср. интерпретацию этих форм: Кузнецов 1956; Михайлов 1965]. Содержательно эти формы передают длительную, моментальную, привычную, результативную стадии действия, а также стадию намерения; кроме того, большинство этих стадий может быть представлено как имеющие «кажущийся характер протекания» (типа -yog gibi ol-/-miş gibi ol-). Поскольку указанные перифрастические формы образуют бинарные оппозиции к исходным, Н. Н. Джанашиа допускает наличие в турецком глаголе системы форм внутри категории «стадиально-видовой характеристики действия» [Джанашиа 1981, с. 211—213].

Что касается составных глаголов с модификаторами dur-, ver-, kal-, то их Н. Н. Джанашиа относит к формам, имеющим категориальное значение «интенсивности протекания действия» [Там же, с. 222—234]. С помощью этих глаголов выражается интенсивность «мгновенная, продолжительная и оцепенения», причем две последние представлены несколькими семантическими подтипами. Таким образом, Н. Н. Джанашиа признает видовую семантику только у перифрастических форм турецкого глагола, под понятие «интенсивности» у него подводится фактически понятие способа действия.

Новейшей работой, посвященной специальному изучению бивербальных конструкций в одном из тюркских языков как средства выражения способов действия, является монография Клауса Шёнига о вспомогательных глаголах в татарском языке [Schönig 1984]. Автор четко различает аспект (вид) и способ действия (Aktionsart), принимая за отправное определение В. Порцига, который, как и Г. Якобзон, видел в аспекте точку зрения на протекающий процесс (течение—событие), а в способе действия — отображение того, как протекает само действие или событие [см.: Вопросы 1962, с. 41=IF, XLV, 1, 1927, с. 152], т. е. признавал, что «способ действия и вид являются двумя различными измерениями глагольного значения» [Там же, с. 42].

В своей монографии К. Шёниг продолжает, развивает и углубляет идеи Ларса Юхансона [Johanson 1971], который, в свою очередь, опирался на концепцию скандинавской аспектологической школы (Нурен, Рундгрэн и др.). Но если монография Юхансона посвящена описанию видовой (аспектной) семантики видовременных форм турецкого глагола и поэтому в ней вопросы способов действия освещаются лишь попутно, то Шёниг центр своего исследования перенес именно на акциональную семантику, выражаемую в татарском языке в конструкциях с дееспричастиями на *-п* или на *-а* и с вспомогательными глаголами *тор-* 'стоять', *утыр-* 'сидеть', *ят-* 'лежать', *йөр-* 'ходить', *ал-* 'брать', *бир-* 'давать', *куй-* 'ставить', *сал-* 'класть', *ташла-* 'бросать', *ыргыт-* 'бросать', *жит-* 'достигать', *житкер-* 'доводить', *бет-* 'кончатся', *бетер-* 'кончать', *башла-* 'начинать', *кал-* 'оставаться', *жибәр-* 'отправлять', *жит-* 'уходить'. В работе автор опирается на труды своих предшественников и прежде всего на исследования Ф. А. Ганиева и А. А. Юлдашева.

В концепции К. Шёнига наиболее значимыми являются понятия, связанные с членением отображаемых действий на фазы. Основной понятийный аппарат организуется преимущественно по принципу контрадикторности.

Автор исходит из того, что действие/процесс располагается в двух границах — начальной (инициальной) и конечной (финальной). В своем осуществлении отдельные процессы для достижения финала должны обязательно пройти максимум, вершину своего развития, после чего завершиться (типичный пример — турецкая лексема *öl-* 'умирать'); другие процессы идут минуя этот максимальный подъем, и поэтому их конечные границы четко не выделены (типа тур. *оупа-* 'играть', *иç-* 'пить') [Schönig 1984, с. 35]. Движение процессов к своему финалу может характеризоваться двумя особенностями: одни из них подходят к нему через вершину развития постепенно, реализуя тем самым фазу, предшествующую конечной границе (типа тур. *уکیل-* 'обрушиваться'); другие достигают финала за столь малый промежуток времени, что он почти не вычленяется и финал наступает как бы сразу, мгновенно (типа тур. *раһла-* 'лопаться', 'взрываться') [Там же, с. 33—37, 263—265]. В этой трехчленной фазовой схеме обращает

на себя внимание уточнение типов достижения финальной границы действия/процесса. Другой особенностью схемы является сопряжение в ней собственно фазовых признаков с признаком максимального развития процесса, преодоление которого подводит к абсолютному финалу. Этот последний признак непосредственно связан с определением действий как предельных. Таким образом, в схеме Шёнига полная фазовая структура процесса предстает в таком обобщенном виде:

[начальная граница (*terminus initialis*)] — (1) начальная, инициальная фаза (*initiale Phase*, или *i-Phase*) — (2) срединная фаза, или фаза состояния, — ее границы обычно не обозначены (*zuständliche Phase*, или *s-Phase*) — (3) конечная, финальная фаза (*finale Phase*, или *f-Phase*) — в ней максимум, вершина развития процесса (*Desinenz*) и собственно его конец, подход к которому или постепенный, градуальный (*präliminär*), или скачком, моментальный (*momentan*) — конечная граница (*terminus finalis*) — (4) результативная, посттерминальная фаза (*Postterminalität*) [этот этап может наличествовать не только после финальной границы, но и после начальной].

В соответствии с таким подходом автор различает действия, с одной стороны, десинентные, которые в своем осуществлении проходят высшую точку и достигают конечного пункта (границы) развития (*Desinenz*), такие действия являются к тому же трансформативными и в данном случае — финально-трансформативными (*finaltransformative*), а с другой стороны, — недесинентные, т. е. действия, которые не содержат в себе ясной конечной границы развития, они нетрансформативные. Среди трансформативных действий помимо финально-трансформативных существуют и инициально-трансформативные, в которых семантика десинентности свойственна только начальной фазе развития действия (типа тур. *yat* — 'ложиться', но 'лежать' — срединная фаза недесинентного действия). Таким образом, два типа трансформативных действий противостоят нетрансформативным.

Последние два термина использует Ф. Рундгрэн, деление трансформативных действий на два подтипа предложил Л. Юхансон. К. Шёниг, применяя эти понятия, стремится их развить и углубить. В целом, полу-

чается такая дихотомия типов действий/процессов: трансформативные : нетрансформативные и инициально-трансформативные : финально-трансформативные. Одним из важнейших их различительных признаков выступает конечный пункт, граница развития действия/процесса [Schönig 1984, с. 33—37, 263—268]. Как видно, используемые понятия трансформативности и десинентности перекликаются с понятием предельности и с другими, аналогичными ему по содержанию. Эту схему, по мнению К. Шёнига, можно уточнять, вводя дополнительные семантические признаки, характеризующие фазовое строение действия. В то же время следует помнить, что фазовая структура может изменяться под влиянием контекста и различных обстоятельственных уточнителей.

Все фазовые значения К. Шёниг относит, вслед за Л. Юхансоном, к акционсартовым, акциональным, но не к видовым, аспектным, так как в них передаются «объективные» свойства действий, при этом следует учитывать, что эти характеристики выступают не столько сами по себе, сколько в сочетании с другими языковыми средствами.

Вспомогательные глаголы К. Шёниг рассматривает в качестве спецификаторов (модификаторов) выражаемого деепричастной формой действия, а в целом бивербальная конструкция служит передаче способа действия глагола — целостного значения, которое, однако, дополнительно уточняется в рамках высказывания, или «акциональной фразы», т. е. в контексте. В принципе спецификация действия предопределяется особенностями его фазовой структуры (начало — течение — завершение), поэтому акциональную семантику можно определить также как «спецификацию фазовой структуры» действия или акциональной фразы в целом [Schönig 1984, с. 49]. Таким образом, присоединение определенного вспомогательного глагола ведет к изменению структуры выражаемого действия: подчеркиванию «объективного» содержания самого действия, которое становится отличным от исходного. Способы действия служат, следовательно, уточнению семантики передаваемого глаголом процесса, ее конкретизации и актуализации. В работе значительное место уделено анализу конкретного использования в текстах тех или иных форм способов действия.

Всего в татарском языке К. Шёниг выделяет три группы способов действия, выражаемых бивербальными конструкциями, — две трансформативные (типы А и Б) и одну нетрансформативную. Последняя воплощается вспомогательными глаголами *тор-*, *утыр-*, *ят-* и *йөр-*; другие вспомогательные глаголы обслуживают трансформативные способы действия.

Финально-трансформативные способы действия типа А акцентируют заключительную точку трансформации действия/процесса, границу его развития. В этом типе семантически выделяется ряд конструкций, отличающихся по дополнительным значениям. Одна часть конструкций подчеркивает десинентность и дополнительно указывает на пространственное ограничение действия или на его интенсивность. Здесь используются бивербальные конструкции *-п ал-*, *-п бир-*, *-п куй-*, *-п ташла-* и др.

Другая группа конструкций обозначает границу продолженного процесса (*präliminar-finaltransformativ*), в нее входят сочетания *-п жит-*, *-п житкер-*. Третья группа выражает границу полностью исчерпанного действия; сюда включены формы *-п бет-* и *-п бетер-*.

Трансформативные способы действия типа Б передают действия, границы которых четко не определены. К таковым отнесены конструкции *-п жибәр-*, *-п кит-*, *-п кал-*.

Нетрансформативные способы действия, обозначаемые указанными выше вспомогательными глаголами, часто сопровождаются дополнительными импликациями многократности (серийности) действий или их постоянства.

В работе анализируется также ряд других бивербальных конструкций татарского языка типа *-п башла-*, *-а тор-*, *-а торып-*, *-мый тор-* и др. Все конструкции рассматриваются в разнообразных контекстах.

Как видно, автор определяет в татарском языке ограниченное число способов действия. Сочетания с разными вспомогательными глаголами, принадлежат к одному из указанных типов, отличаются друг от друга вторичными импликациями, определенными коннотациями. Именно здесь дают о себе знать лексические значения вспомогательных глаголов, хотя вообще Шёниг считает, что для определения функций вспомогательных глаголов их собственные значения или рас-

пределение их по семантическим типам не играют существенной роли [Schönig 1984, с. 40—44]. Более важным для общего значения глагольного сочетания он считает семантический тип основного глагола: глаголы перемещения (переходные), движения, звучания и т. п.

Трансформативность и соотносительные с ней понятия можно отнести к семантической сфере «качественной аспектуальности» [Маслов 1978, с. 10]. Количественные способы действия в данной концепции не представлены как отдельные сущности, однако количественная характеристика действия автором описывается как дополнительная при основном значении. Так, значение серийности действий (Serialität), т. е. представление их в качестве цепи отдельных событий, рассматривается как одна из семантических манифестаций нетрансформативного способа действия.

В монографии К. Шёнига реализована одна из современных концепций способов действия глагола, опирающаяся на представление о сложной фазовой структуре действия и возможных типах ее спецификации. Эту работу отличает стройность понятийного аппарата, четкое логичное изложение теоретических положений и глубокий функциональный анализ примеров.

Последовательное различение вида и способов действия становится достоянием и грамматик отдельных тюркских языков. Например, А. Н. Кононов в свою грамматику языка орхоно-енисейских памятников ввел раздел «Категория способа действия», в котором описываются сложновербальные конструкции с глаголами-модификаторами и аффиксальные образования с аффиксами-модификаторами [Кононов 1980, с. 197—200]. А. Н. Кононов одним из первых в отечественной тюркологии использовал в грамматике конкретного языка понятие «характер протекания действия», отделив его от понятия «вид» [Кононов 1960, с. 263]. В грамматике саларского языка и грамматике сарыг-югурского языка Э. Р. Тенишев соответствующие разделы называет «Категория вида», хотя здесь же указывает, что точнее эту категорию следует называть «категорией Aktionsart'a» [Тенишев 1976а, с. 169—170; Тенишев 1976б, с. 103—106].

Однако в целом термин «способ действия» с трудом приживается в тюркологических работах. Вот две новейшие академические грамматики — башкирского

языка и якутского языка, в которых авторы ставили себе цель учесть все ценное и значительное, что достигнуто в области тюркологии и общего языкознания за последние десятилетия. Лексико-семантическая модификация глагольной лексемы отнесена в грамматике башкирского языка к области внутривглагольного словообразования. С семантической стороны эти модификации характеризуются, по мнению авторов, «чрезвычайной разветвленностью, не укладывающейся ни в какие схемы глагола (вроде аспектов или способов глагольного действия) языков иных систем» [Грамматика башкирского языка 1981, с. 211. — Курсив мой. — Д. Н.]. Сложноглагольные конструкции, которые здесь определяются как «внутривглагольные сложения», как объект «деривационной морфологии», если они образуются по стереотипной деривационной модели, относятся к «организованному сложению». Оно сводится «главным образом к так называемому видообразованию, под которым ныне уже принято, наконец, понимать словообразование, а не собственно грамматическую категорию вида, в конечном итоге связанную со словообразованием даже в русском языке, где она получила наибольшее развитие и грамматикализацию» [Там же, с. 213]. Понятие «способ действия» здесь не используется, хотя, как представляется, описываемые «глагольносложительными моделями» модификации лексем семантически подводимы под данное аспектологическое понятие. С другой стороны, совершенно верно, что словосложительные модели в башкирском языке, как и в других тюркских, используются также для выражения иных значений, помимо способов действия глагола.

В грамматике якутского языка выделен особый раздел «Виды глагола», который написан на основе известной работы Л. Н. Харитонова [см.: Харитонов 1960]. Авторы дают следующее определение: «Вид глагола является объективной характеристикой способа, особенностей протекания действия, выражаемого глаголом» [Грамматика якутского языка 1982, с. 274]. Далее отдельно описывается «видовая характеристика» глаголов трех семантических групп — действия, состояния и изобразительных (звукоподражательных и образных), при этом подчеркивается, что, «поскольку видовые значения являются непосредственным отражением объективных особенностей способа протекания действия, возможности

видообразования ограничены лексическим значением глагольных основ» [Там же, с. 275]. В Грамматике рассматривается, например, «множественно-многократный вид», «ускорительный», «начинательный», «длительный», «законченный», «кратковременный», а также характеризуются глаголы «однократного и повторного звучания», «равномерно-длительного и учащенно-длительного звучания», образные глаголы «раздельной и учащенной кратности» и т. п. Особенностью якутского языка является также и то, что в нем кроме аналитических образований широко представлены и синтетические (аффиксальные) формы модификации действия. «Эти два ряда форм (аффиксальные и аналитические) взаимно дополняют друг друга и образуют единую систему видовых форм. Основная часть аналитических форм вида имеет всеобщий, универсальный характер» [Там же, с. 275].

Как видно, и в башкирской, и в якутской грамматике аспектуальные характеристики действия описываются в лучшем случае через призму «широкого» понимания «вида», которое совпадает фактически с общим содержанием самой аспектуальности. Попытки же избежать более точной квалификации этих явлений, объективно существующих в тюркских языках, либо отнесением их в разряд сугубо словообразовательных, либо поисками критериев «достаточной» грамматикализованности форм оборачиваются искусственным классификаторством и не способствуют раскрытию сущности описываемых фактов.

Следует специально отметить то направление в изучении тюркского аспекта, в рамках которого собственно аспектуальная семантика связывается исключительно с временными формами и поэтому каждая форма времени рассматривается как видовременная (с признанием в качестве доминирующего либо аспектного, либо темпорального содержания). Пионером такого подхода следует считать у нас, несомненно, И. А. Батманова, который стремился теоретически обосновать, почему «к категории времени, передаваемой формой, даже в позиции сказуемого, примешивается еще и характер действия (эпизодичность, длительность, достоверность, недостоверность, категоричность, неопределенность и т.п.)» [Батманов 1934, с. 28], хотя его попытки были, возможно, во многом спорны. Кстати, И. А. Батманов вы-

двинул также идею о возникновении форм настоящего конкретного времени на основе форм аориста и о связанном с этим явлением «перерождении», «обновлении» аориста («современные атрибуты категорий должны находиться в преемственной связи с первичными») [Там же, с. 51 и сл.], что перекликается с положениями, развиваемыми Ф. Рундгреном.

Включение аспектного содержания в темпоральные формы характерно для работ Н. К. Дмитриева, А. А. Юлдашева, Б. А. Серебренникова, П. И. Кузнецова, Ф. А. Ганиева, С. Н. Иванова, А. М. Щербака, Э. А. Груниной, Н. Н. Джанашиа, Л. Юхансона. Так, Б. А. Серебренников считает, что «видовое значение не связано с обязательным наличием в языке грамматического вида. Часто случается, что отдельные глагольные времена могут отличаться от других времен тем, что они характеризуются наличием определенного видового значения» [Серебренников 1960, с. 26].

Именно данное направление нашло свое законченное воплощение в монографии Л. Юхансона, который опирался на концепцию Ф. Рундгрена, провозгласившего, что «аспекты представляют первичный фактор, „время“ с точки зрения языка — второстепенное дело» [Rundgren 1963, с. 85]. Ф. Рундгрэн также считает, что «в глагольной форме, подвергшейся грамматически темпорализации, аспект уже не может проявлять себя в полной мере, но он там не отсутствует. В результате темпорализации аспектуальных корреляций аспектуальные оттенки не исчезают, а принимают иной характер именно благодаря тому, что временная определенность и аспектуальная семантика вступают в единство» [Там же, с. 58]. Идя этим путем, Л. Юхансон представил видовременные формы турецкого глагола как систему бинарных оппозиций по четырем основным признакам, реализующим «аспектуальные идеи». Семантически маркированные формы, будучи членами разных оппозиционных рядов, выражают — каждая по-своему — аспектные значения, которые в соответствующих речевых реализациях взаимодействуют с другими семантическими компонентами «акциональной фразы». Л. Юхансон четко разделяет семантику «аспектуальной фразы», т. е. аспектное содержание, передаваемое видовой (видовременной) формой глагола (центром предикации), и семантику «акциональной фразы»,

т. е. содержание конкретного способа действия (Aktionsart), передаваемого глагольной лексемой совместно с другими конкретизаторами особенностей развертывания действия. Таким образом, автор в своей концепции функционального анализа, четко различая аспект и способ действия (Aspekt : Aktionsart), допускает их взаимодействие внутри высказывания, фразы.

Аспектные признаки турецкого глагола семантически разнородны: один связан с фазовой структурой обозначаемого глаголом действия (интерминальность), второй — прегнанция — выражает актуализацию, фокус отображаемого действия, третий признак характеризует особенность представления результата предшествующего действия (посттерминальность), четвертый проявляет себя при обозначении актуализированных событий среди прочих событий повествовательного текста (определенность) [Johanson 1971, с. 114, 134, 283, 306; Кузнецов, 1975; Грунина 1975б; Щербак 1981, с. 71]. Как видно, указанные признаки, могущие к тому же комбинироваться внутри аспектуальной фразы (описание их комбинаций, а также взаимодействий с акциональными детерминаторами — существенная часть монографии Юхансона), объединяются не столько общим значением, сколько единством назначения, т. е. функционально. Все они — средства аспектной интерпретации передаваемого действия, ибо аспект (Aspekt, вид) автор определяет как категорию субъективного представления действия [Johanson 1971, с. 46]. Автор использует здесь положение Г. Якобсона, высказанное еще в 1926 г.: аспектные формы суть «субъективные формы восприятия действия, выражающие то, как представляет себе говорящий его протекание» [Вопросы 1962, с. 39]. Ссылается Л. Юхансон и на определение Г. Енсена: эти формы выражают то, как «говорящий относится к процессу или как он хочет представить его слушающему» [Jensen 1958, с. 275]. Признание аспекта субъективной, или интерпретационной, категорией [ср.: Бондарко 1976, с. 47—50; Степанов 1978, с. 336—340], а способа действия (Aktionsart) — категорией объективной дает Л. Юхансону возможность не только «противопоставить» их семантически, но и описать их взаимодействие и взаимосвязанность в конкретных реализациях в тексте (автор избирает тексты, в которых наиболее ясно проявляются

дистинктивные признаки системы — актуальное высказывание и повествование). Финитные формы глагола в цельной фразе сигнализируют, как отмечает автор, о точке локализации действия или о точке ориентации, т. е. о темпоральной характеристике действия как такового или его отнесенности к иному темпоральному плану в сравнении с моментом речи. Для автора основными темпоральными понятиями, существенными для описания видовременной системы турецкого языка, являются понятия «теперь» (nunc) и «тогда» (tunc) [Johanson 1971, с. 51, 55, 234]. Таким образом, в концепции автора сопрягаются в финитных формах аспектные и темпоральные значения при безусловной доминанции первых. Следует отметить, что аспект, в понимании Л. Юхансона, выступает как явная морфологическая категория турецкого глагола, в которой отдельные формы противопоставляются при единстве лексического значения исключительно по аспектуальным грамматическим признакам (во вторичном сопряжении с темпоральными), и поэтому в каждом высказывании обязательно представлена аспектная (видовая) семантика. Отсюда следует, что Л. Юхансон критически относится к взглядам тех тюркологов, которые «темпорализуют» систему глагола, и тех, которые не различают категории аспекта и способа действия и тем самым растворяют аспектуальную семантику в широко толкуемом понятии «вида». Л. Юхансон в своей работе проводит анализ ряда акциональных признаков, которые оказываются значимыми во взаимодействии с аспектными, касается он также и проблем семантической классификации глагольных лексем. Указанные вопросы мы будем рассматривать ниже, здесь же отметим, что монография Л. Юхансона является сейчас наиболее полным и глубоким системным описанием аспектных значений турецких временных форм в функциональном плане, т. е. во взаимодействии с лексическим наполнением фразы-высказывания в разных ситуационных типах использования. Отличительная черта работы — четкий и логически упорядоченный понятийный аппарат.

Конечно, Л. Юхансон в своем исследовании опирался на длительную традицию, представленную нашими отечественными и зарубежными тюркологами, которые выделяли под самыми различными названиями

аспектные значения у форм времени. Свое отношение к точкам зрения представителей разных школ автор ясно эксплицирует в монографии, показывая их неполноту или ошибочность, хотя их общим недостатком является, видимо, несистемное описание фактов языка. В то же время избранная Л. Юхансоном методика бинарных оппозиций страдает очевидными изъянами, исключая для ряда форм наличие собственного положительного значения.

В советской тюркологии углубленный анализ аспектуальной семантики временных форм турецкого глагола представлен в работах П. И. Кузнецова [Кузнецов 1968; 1983 — см. выше] и Э. А. Груниной [Грунина 1975а] (в последних исследованиях учитывается также и концепция Л. Юхансона). Э. А. Грунина исходит из посылки, что в турецком индикативе сопряжены категории наклонения, времени и аспекта (вида); основной анализ она сосредоточивает на взаимодействии времени и аспекта, причем аспект рассматривается как «нерархически подчиненная категория» в сложном семантическом комплексе категориальных значений. Аспект трактуется как «анализирующая категория», дающая «перспективу на действие», т. е. представление последнего в его процессе или же в его целостности, что проявляется в двух аспектных разновидностях: имперфективной и перфективной [Грунина 1975а, с. 12—15] (в этом отношении позиция автора сближается со взглядами П. И. Кузнецова, который тоже видит два проявления аспекта в турецком языке: «действие незаконченное и законченное» [Кузнецов 1968, с. 101]). «Аспект тем самым выступает как категория дейктического характера, устанавливающая „взгляд“ говорящего на действие» [Грунина 1975а, с. 13]; как категория указанного типа аспект неслучайно сопряжен с категорией времени, которую также можно отнести к дейктическим, актуализационным.

Онтологическую основу аспекта, по мнению Э. А. Груниной, составляют качественно-количественные характеристики действия-процесса. Их актуализация (подчеркивание акциональности) является функциональной базой аспекта, взаимодействующей также с другими семантическими составляющими конкретной временной формы, в том числе и с лексическим содер-

жанием глагола (предельность действия, его фазовая структура, семантический класс). Поэтому аспектуальность оказывается функционально нагруженной в контекстах, часто больших, чем отдельное высказывание, предложение. В сфере повествования она организует последовательность действий, участвует в передаче таксисных отношений, в сфере диалога она создает «акциональное напряжение» (Prägnanz).

Рассматривая функционирование видовременных форм на синхронном срезе, Э. А. Грунина строит иерархическую схему их признаков: формы индикатива дифференцируются по темпоральным признакам, внутри этого членения дальнейшее деление проходит по «аспектным» и «акциональным» признакам, являющимся релевантными для темпоральных микросистем индикатива. В работе Э. А. Груниной исследуется также путь становления современной системы турецкого индикатива, которая на протяжении длительного исторического развития сохраняет описанный выше принцип своей организации. В нем прослеживается «тенденция к сохранению количественно-качественной основы аспектуальности», а также «цикличность процессов актуализации на определенных участках системы» [Грунина 1975а, с. 57].

Интересно отметить, что именно на материале турецкого языка в отечественной и зарубежной тюркологии выполнены исследования в русле современных аспектологических идей. Видимо, это определяется давней научной традицией изучения этого языка (начиная с первой грамматики 1612 г.), к которому обращались тюркологи разных лингвистических школ и направлений. Но турецкий язык относительно беден бивербальными конструкциями со значением действия.

Одним из важнейших аспектологических понятий является понятие о предельности/непредельности выражаемого глаголом действия. Как уже указывалось, на его роль, а также на роль семантического типа глагола в формировании аспектуальных значений специально обращали внимание Ф. А. Ганиев, А. Н. Тихонов, П. И. Кузнецов, Э. А. Грунина, Р. М. Бирюкович, Л. Юхансон, К. Шёниг и др. (при этом использовались различные термины). Особое место отводилось указанному явлению А. А. Юлдашевым в целом ряде его работ. Начиная с монографии о спряжении башкир-

ского глагола [Юлдашев 1958] он последовательно проводит мысль о том, что образование целого ряда глагольных форм связано с особенностями семантического содержания производящей основы. Он отметил неоспоримый факт обусловленности грамматических категорий лексикой и связанной с этим ограниченности сферы их распространения [Там же, с. 72—73]. Рассматривая аналитические формы с аспектуальной семантикой, А. А. Юлдашев обращает внимание на возможности их образования от основ разной семантики и на связанные с этим особенности их значений; например: «При глаголах разного характера содержание сложной морфемы *-n бар-* оказывается различным. Основное ее значение — указание на приближение конечного этапа в развитии процесса. . . Это свое значение форма на *-n бар-* закономерно обнаруживает лишь в глаголах, обозначающих переход из одного состояния в другое. . . Из глаголов активного действия в форме на *-n бар-* значение, близкое к названному, обнаруживают перфективные глаголы (т. е. предельные. — Д. Н.) пространственного перемещения типа башк. *мен-¹* «взобраться». . .» [Юлдашев 1965, с. 75].

Такой подход помогает автору вскрыть своеобразие реализации обобщенного значения конкретной аналитической формы («составного аффикса, формообразовательной модели») в индивидуальных образованиях и в типизированных аспектуальных контекстах. Однако основная цель состояла не в анализе аспектуальных явлений, а в выяснении грамматического статуса, сущности и степени самостоятельности подобных аналитических глагольных образований; указанные наблюдения, вытекающие из общей грамматической концепции А. А. Юлдашева, являются в целом показательным образцом функционального подхода к морфологическим явлениям на материале тюркских языков [см.: Юлдашев 1955; 1972; 1977; Насилов 1976в, с. 116—117].

Несколько слов следует сказать об изучении аспектуальной семантики в узбекском языкознании. В течение длительного времени здесь наблюдался подход с позиций широкого понимания «вида», что часто оборачивалось поисками «видовых» соответствий русским видам [см.: Тихонов 1964; 1981; Ҳожиёв 1966; Насилов 1976в; 1978; Нечаева 1982]. В последние годы стал заметным подход с новых теоретических позиций.

Большой заслугой А. Ходжиева является то, что он, решительно выступив против поисков вида в узбекском глаголе, обратился к изучению вспомогательных глаголов как специфического грамматического явления [Ходжиев 1966; 1973; 1975; 1979]. Такой непредвзятый подход позволил ему выделить три сферы использования вспомогательных глаголов: выражение характеристик протекания действия, выражение модальных значений, выражение направленности действия в сторону субъекта или объекта. Детально охарактеризованы также и фазы протекания действия, где автор выделяет до десяти значений; среди них характеристика начальной, конечной фаз, фазы исполнения действия, интенсивности и повторяемости действия и т. п. Поэтому исследование А. Ходжиевым аспектуальной семантики аналитических форм глагола с вспомогательными глаголами имеет важное значение в тюркском языкознании, показывая верное направление в изучении этой области узбекского глагола.

Давая характеристику отдельных вспомогательных глаголов, А. Ходжиев показывает их многозначность или наличие семантических вариантов. Автор обращает внимание на сочетательные возможности основного и вспомогательного глаголов и на связанные с этим изменения значений всей аналитической формы (сложного глагола, «қўшма феъл», в терминологии автора). Подчеркивая, что такие сочетания представляют собой чаще всего индивидуальные образования, в которых в той или иной степени наблюдается сдвиг в лексическом значении основного (выступающего в форме деепричастия на *-а* или на *-иб*) глагола, а также разный уровень грамматикализации вспомогательного, А. Ходжиев обычно указывает семантические факторы, обуславливающие эти особенности. Так, аналитическая форма с вспомогательным глаголом *чиқ-* 'выходить' выражает законченность действия, но *чиқ-* сочетается с теми глаголами, при которых объект действия имеет явные «начальные и конечные точки». Например, можно сказать *китобни ўқиб чиқ-* 'прочитать книгу', но нельзя — **роман(ни) ёзиб чиқ-* 'написать роман', следует: *ёзиб бўлди* или *ёзиб тугатди*, — т. е. использовать другие вспомогательные глаголы; с другой стороны, для выражения продолженности действия может использоваться глагол *бор-* 'идти', но его при-

соединение, в отличие от глаголов *тур-* 'стоять' или *юр-* 'ходить', *бер-* 'давать', добавляет семантический оттенок направленности действия в пространственно-временном отношении (продолженность в этих рамках) [Хожиев 1966, с. 90—91, 68].

Эту же линию изучения глагола можно представить и некоторыми другими работами узбекских ученых. Так, А. Азизов отметил, что особенности семантики форм прошедшего времени на -ди от глаголов движения связаны с их своеобразным лексическим значением — «представлением о законченности действия» [Азизов 1960, с. 142]. А. Н. Тихонов пишет, что, «изучая видовые значения различных глагольных форм. . . , нельзя не учитывать некоторых особенностей глаголов, связанных с предельностью—непредельностью» [Тихонов 1966, с. 111]. М. Садыкова считает, что стилистико-изобразительные потенции глагольных форм находятся в прямой зависимости от принадлежности глагола к определенной лексико-семантической группе [Содиқова 1975]. Она выделяет в узбекском языке три основные группы глаголов — глаголы движения-действия, глаголы состояния и глаголы отношения, внутри которых можно выделить более мелкие подгруппы. Среди глаголов движения-действия выделены подгруппы глаголов «конкретного (активного) действия» — «идти», «бежать», «бегать», «скакать», «бродить», «хватать», «кивать», «говорить» и др. и глаголов «неконкретного (пассивного) действия» — глаголы чувства и восприятия (в ее работе не рассматриваются); среди глаголов состояния указаны глаголы духовно-психического состояния («помнить», «думать»), экспрессивно-эмоционального состояния («опешить», «растеряться» и т. п.); среди глаголов отношения — положительного, отрицательного и нейтрального отношения.

Начальная фаза и конечная фаза действия получили специальное освещение в диссертационных работах А. Нурмухамедова и Б. Ризаева [Нурмухамедов 1978; Ризаев 1981]. Следовательно, и в современном узбекском языкознании ясно прослеживается стремление к функциональному анализу грамматических категорий, в том числе и глагольных, а среди них — связанных с аспектуальной семантикой.

Таким образом, начиная приблизительно с 60-х годов в тюркологии наметился определенный сдвиг

в изучении аспектуальных явлений в свете достижений общего языкознания. Как было показано выше, он характеризуется тремя очень важными моментами. Во-первых, и на материале тюркских языков была поставлена и получила конкретное обоснование идея о различении собственно видовых значений (Aspekt) и значений способов глагольного действия (Aktionsart) как соотносительных, но содержательно разных языковых явлений, представленных в этих языках различающимися грамматическими средствами. В русле этого направления был выполнен целый ряд работ, в которых получили описание способы действия отдельных языков.

Во-вторых, наметилась определенная тенденция рассматривать систему временных форм как систему видовременных форм, в которых оказываются сопряженными аспектуальные и темпоральные значения.

Это побуждает исследователей не только углубляться в анализ состава значений отдельных временных форм, но и стремиться к определению их системных значимостей, особенно при наличии многочленных парадигм. Здесь же встают вопросы о соотношении в формах глагола временной и аспектной семантики, играющие важную роль при диахронических исследованиях, когда изучается генезис темпорально-аспектных категорий в том или ином тюркском языке. Наблюдения, накопленные в этом направлении, небезынтересны и для типологии языкового развития.

В-третьих, в современной тюркологии все возрастающее внимание уделяется функциональному подходу к описанию фактов, при котором существенное место отводится взаимодействию лексического и морфологического уровней языка. Поэтому не случайно выясняются связи между лексическим значением глагола, его предельным/непредельным характером, принадлежностью к определенной семантической группе и образуемыми от него грамматическими формами. Уточняются и синтагматические связи глагольных словоформ, зависимость семантики последних от контекста. При этом особое внимание обращается на особенности функционирования и реализации конкретного значения глагола в каждом отдельном высказывании, по-своему организующем и проявляющем семантический и грамматический потенциалы глагола;

иначе говоря, выделяются прежде всего грамматически значимые элементы контекста, выясняется роль аспектуального контекста, способствующего проявлению аспектуальной характеристики действия. В рамках высказывания, определенного аспектуального контекста как раз и происходит взаимодействие разноразличных средств выражения аспектуального смысла — реализации его с помощью лексических и морфологических средств.

В то же время из краткого обзора видно, что и в новейших направлениях тюркской аспектологии нет прочного теоретического единообразия. Однако, как нам представляется, теоретические позиции некоторых исследователей заслуживают особого внимания и более тщательного анализа, поскольку именно с ними мы связываем дальнейшие успехи в указанной научной области.

Учитывая сказанное выше, мы будем придерживаться того теоретического направления аспектологии, в котором признается семантическая неоднородность функционально-семантического поля аспектуальности и содержательно различаются вид и способ действия. С другой стороны, для функциональной грамматики совершенно необходим учет сложного соотношения между понятиями «смысл» и «языковое значение» [Бондарко 1978, с. 36 сл.]. Нельзя не согласиться с А. В. Бондарко, который считает, что в основу структурирования функционально-семантического поля кладутся «лишь категориальные смыслы, т. е. те, которые находят воплощение в значениях грамматических форм и категорий. . .» [Бондарко 1983, с. 52]. В целом, аспектуальность — это обширная зона *смыслов* (разных по уровню своей абстрактности), связанных с отражением в сознании особенностей развертывания процессных признаков предметов и отношений (связей) между последними. В конкретном языке часть этих смыслов приобретает статус грамматических *значений*, которые репрезентируются какими-либо грамматическими способами; большая абстрактность языковых *значений* позволяет соотносить эти формальные средства с широким кругом конкретных характеристик действия / процесса, передаваемого глаголом.

Отсюда вытекает необходимость рассмотреть структуру лексического значения глагола как части речи,

ориентированной на передачу в языке процессов, а также выяснить место аспектуальной семантики в этой структуре. Здесь мы будем исходить из представления о том, что лексическое значение формируют по крайней мере два типа отражательной семантики — «вещественная» (денотативная) и категориально-грамматическая семантика. Подчеркнем, что свойственный глаголу категориальный признак «процессность» также возникает на основе активной интерпретирующей деятельности сознания и представляет собой обобщенный способ отражения в языке определенного класса явлений действительности, важных с коммуникативной точки зрения.

В свою очередь, для процесса, понимаемого как последовательное развитие (смена) явлений / состояний, характерны признаки изменения и времени. Отсюда возникает вопрос о внутреннем структурировании процесса и представлении его временной перспективы в виде сменяющих друг друга фаз.

Единство двух указанных основных семантических компонентов определяет специфику значения *каждой глагольной лексемы*, характеризующейся соответствующей аспектуальной семантикой, которую можно назвать лексической глагольной аспектуальностью [Насилов 1986, с. 56]. На ее основе в языках вычленяются два больших класса глаголов, соотнесенных с реальными событиями: глаголы состояния и глаголы действия. Каждый из этих классов отражает и определенный тип процессов, различающихся по своей внутренней структуре, своему фазовому строению. Значит, для выяснения аспектуальной семантики и особенностей ее уточнения, актуализации в высказывании для нас будут иметь большое значение те аспектологические теории, которые учитывают фазовую структуру процессов, выражаемых глаголами, и разные типы лексической аспектуальности. Как представляется, именно такой подход позволяет установить функциональную зависимость между лексическим значением глагола и грамматическими средствами выражения характеристик развития действия / процесса.

Последовательно рассмотрим указанные проблемы на материале тюркских языков, грамматические особенности которых определяются агглютинативным типом языка. При этом будем исходить из того понима-

ния семантики способов действия глагола — *акциональной* семантики, при котором она соотносится исключительно с несамостоятельной языковой семантикой, обязательно выраженной грамматическими показателями. Способы действия связаны с изменением акциональной части лексического значения глагола, часто не затрагивающим вещественного компонента, что позволяет говорить о единстве слова с показателями разных способов действия, а их присоединение относить к формообразованию.

Глава вторая

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛА И АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ

1. ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ

Грамматические потенции слова, проявляющиеся в его категориях, предопределены его лексической семантикой — единством «вещественного» (денотативного) значения и категориально-грамматического значения. Именно поэтому слова с предметной семантикой, обретя свойства имен существительных, обладают категориями числа и падежа, а соответственно слова с процессным содержанием — глаголы — категориями залога и вида [см.: Щерба 1974, с. 79, прим. 2]. Грамматические категории — как двусторонние языковые знаковые сущности, как основные структурные единицы грамматического строя и «узлы морфологического механизма языка» [Гузев, Насилов 1981, с. 24], — необходимо имея формальные выразители, «план выражения», также необходимо являются носителями своего содержания, категориальной семантики, или значения [Бондарко 1978, с. 142—144]. Будучи взаимно ориентированными в системе языка, лексические значения и значения категорий только в конкретной речевой реализации раскрывают свои потенции и становятся основой передачи информации, заключенной в каждом отдельном компоненте и в высказывании в целом; через значения передаются «речевые» смыслы, т. е. описываются частные ситуации.

В каждом языке в значениях лексем зафиксированы присущие именно данному социуму результаты познавательной деятельности его представителей, направленные на исполнение коммуникативных задач. В «вещественном» значении лексемы (в корневой морфеме, основе, базе) отражены в абстрактном виде строго определенные, выделенные сознанием как существен-

ные признаки отдельного факта (объекта) действительности, или процессного события, или неких связей. И эти «существенные и постоянные признаки» устойчиво удерживаются в слове «при всех употреблениях его в конкретных контекстах» [Колшанский 1977, с. 114]. По мнению Г. П. Мельникова, такая «жестко ассоциированная с образом знака коммуникативная абстракция (т. е. языковое значение. — Д. Н.) есть тот инвариант, который сохраняется при обозначении любого смысла с помощью данного знака» [Мельников 1978, с. 271]. Следовательно, значение знака — его инвариантная составляющая, его постоянный содержательный признак. Но, будучи обобщенными и отвлеченными, лексические значения не являются элементарными; в частности, в них закрепляются признаки разной степени абстрагированности, в том числе и такие, которые поднимаются до уровня категориальных обобщений (ср., например, категориальные признаки предметности, процессности или одушевленности, разумности).

«Вещественные» значения отдельных самостоятельных слов направлены вне языка, соотносясь с образами как результатами отражения в сознании явлений объективной действительности. Эти образы суть единицы мыслительные, они могут быть разноуровневыми абстракциями, сложившимися у представителей одной социальной общности [Мельников 1978, с. 218 и сл.]. И естественно, что такие образы, какого бы уровня отвлеченности они ни были, в конечном счете определяются в своем содержании свойствами объективной действительности. «Природа человека такова, что материальную действительность, с которой ему приходится соприкоснуться непосредственно-чувственно, он отображает не иначе, как путем вычленения из нее определенных фрагментов и удерживания их в сознании в виде завершенных образов; затем из них воссоздается модель, более или менее адекватно отображающая процесс объективного развития» [Демин 1983, с. 41]. А в окружающей человека действительности, как мы знаем, существуют вещи — отдельные ее фрагменты или дискретные предметы, свойства и качества вещей, определяющие их сущностные границы, а также отношения и связи между вещами, в которых обнаруживаются свойства последних. Именно эти явления объек-

тивной реальности, опосредованные общественной практикой людей, служат прежде всего основой формирования в их сознании мыслительных образов. Однако в образах отражается не только объективная реальность, но и субъективная реальность, т. е. «реальность его (человека. — Д. Н.) внутреннего мира, которая существует для него столь же непреложно, как и все то, что существует вне и независимо от нашего сознания» [Дубровский 1983, с. 21]. Чувственные и умственные образы объективной и субъективной реальности и формируют в целостности мир идеального, ибо «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [Маркс, Энгельс, т. 23, с. 21].

Производственная деятельность людей всегда коллективна, поэтому в познающем мышлении откладываются прежде всего коллективные формы осознания действительности, коллективный опыт, соответствующий определенному уровню развития конкретной общности людей. Практика — начальная и конечная точки мыслительной деятельности человека, идущего по пути «от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике» [Ленин, т. 29, с. 152—153]. Результаты деятельности сознания проявляют себя как в продуктах предметного труда людей, так и в продуктах духовного производства, в знании, во всей человеческой культуре, ибо процессы опредмечивания и распредмечивания диалектически связаны между собой единством противоположностей.

В этом двуедином процессе исключительна роль языка. Основной и важнейшей функцией языка является функция коммуникативная. Такое целевое понимание языковой системы в ее функциональной целостности находит неоднократное отражение в трудах классиков марксизма-ленинизма. К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» (1845—1846 гг.) [т. 3, с. 29] и Ф. Энгельс в «Диалектике природы» (1873—1886 гг.) [т. 20, с. 489], В. И. Ленин в своих трудах не раз подчеркивали, что язык — «важнейшее средство человеческого общения» [Ленин, т. 25, с. 258], явившееся продуктом общественной практики.

✱ В таком случае в языковом механизме должны были выработаться свойства, позволяющие в экономной форме передавать все обилие информации, которая обра-

щается в данном человеческом коллективе и которая может возникнуть в любых практических ситуациях. В самом деле, любой «объект и вообще внешний мир всегда бесконечно богаче по содержанию, чем любая система отражающих его понятий, закрепленных в слове, речи, в языке» [Мышление 1982, с. 46. — Курсив мой. — Д. Н.]. Одним из указанных свойств языка, обеспечивающих его функциональную универсальность, является обобщенность значений всех языковых знаков. Эта особенность блестяще сформулирована В. И. Лениным при конспектировании им книги Гегеля «Лекции по истории философии»: «NB в языке есть только *общее*» [Ленин, т. 29, с. 249]; и еще: «Всякое слово (речь) уже *обобщает*» [Там же, с. 246]. Здесь не случайно В. И. Ленин вспоминает слова Фейербаха: «В начале феноменологии мы прямо наталкиваемся на противоречие между *словом*, представляющим нечто общее, и *вещью*, которая всегда единична» [Цит. по: Ленин, т. 29, с. 652, прим. 127]. В любом языковом представлении Ленин улавливает моменты диалектики, тождество противоположностей: «Общее существует лишь в отдельном. . . Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. . . Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. . .» [Ленин, т. 29, с. 318]. В этом как раз и состоит противоречивость между языковыми значениями и речевыми смыслами (мыслительным содержанием), а сами приведенные ленинские положения, несомненно, могут быть осмыслены как методологическое основание для утверждения о различии языка и речи.

Различение языковых значений и речевых смыслов исходит также из признания относительной самостоятельности языка и мышления, из признания наличия между ними сложной диалектической связи, но не их тождественности. Мыслительные процессы могут проходить и вне зависимости от языковых, поскольку последние дополнительны по отношению к первым, так как их специфика определяется прежде всего коммуникативной функцией, в то время как мышление — высшая форма активного отражения объективной реальности. Из этого следует, что объем мыслительного содержания в сознании отдельных индивидов конкретно-исторического коллектива значительно шире и богаче того содержания, которое закреплено в языке, и по-

этому далеко не все мыслительные процессы проходят в вербальной форме. «Все, что осознается, необходимо выражается в речи (вербализуется). Это не означает, однако, вопреки распространенной теперь точке зрения, что существует однозначное соответствие или даже тождество между осознанным и вербализованным. . . . Иначе говоря, . . . испытываемый эксплицитно выражает в речи меньше, чем он явно подразумевает в ходе своих рассуждений. И поэтому осознанное не сводится к вербализованному» [Мышление 1982, с. 47].

Относительная самостоятельность уровней мыслительного и языкового содержания детерминирует не имплицитивную связь между смыслом и значением, а вероятностную. Иначе говоря, целостное знание (житейское или научное) об отдельной вещи, каком-либо событии, о свойствах и качествах вещей и их отношениях опирается на большой комплекс образов сознания, на представления, понятия, суждения, индивидуальный и общественный опыт, практическую деятельность и т. п. В языковых образах-значениях схвачены только отдельные особенности явления, указание на которые позволяет вызвать в сознании полное знание о нем. Здесь уместно напомнить ленинскую характеристику — «Хорошо сказано!» [Ленин, т. 29, с. 74] — следующего определения Фейербаха: «Что же такое название? Отличительный знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы представить его себе в его тотальности» [ср. иной вариант перевода: «. . . чтобы припомнить его в его целостности». — Ленинский сборник, XII, 1930, с. 141]. Казалось бы, на этих теоретических моментах нет надобности останавливаться, поскольку они неоднократно и подробно обсуждались в работах по теории номинации [см., например: Уфимцева 1974; 1986; см. также: Кацнельсон 1965; 1972; Колшанский 1965; 1975; Слюсарева 1973; Шмелев 1973; Принципы и методы 1976; Языковая номинация 1977; Никитин 1983]. Однако в функциональной грамматике, строящейся по принципу «от содержания к форме» [Бондарко 1983; 1984a], приобретает особую актуальность и значимость ясная стратификация семантических понятий и последовательное проведение принципа противопоставления «собственно языкового» и «мыслительного» содержаний

(значение: смысл) в плане соотношения мысль — язык — речь. Именно с данным противопоставлением связано фундаментальное положение функциональной грамматики: возможность манифестации одинакового смысла различными и притом равноуровневыми языковыми средствами, разными по своим значениям. Поскольку «аспектология всегда была преимущественно функциональной» [Бондарко 1984а, с. 9], важность различения смыслов и значений в этой области исследований становится первостепенным фактором [Насилов 1985а].

Итак, «лексическое знание — это, собственно говоря, минимум знаний, достаточных для опознания отображаемого объекта. . . Языковые знания этого рода не следует смешивать с конкретными знаниями о мире, которые выражаются с помощью языка. . . Круг знаний о м и р е, которыми располагает каждый индивид, следует отличать от минимального круга языковых знаний, т. е. знаний о мире, обусловленных языком. Каждый человек, как правило, знает о предметах и их свойствах гораздо больше, чем это нужно ему для целей названия. . . Определение лексического значения как минимума знаний, достаточного для узнавания отображаемого объекта и употребления его словесного обозначения, имеет принципиальное значение для семантики» [Кацнельсон 1972, с. 131]. К этим очень точным и емким словам почти нечего добавить, — возможно, лишь указание на то, что «лексические знания» не только минимальны, но и весьма обобщенны, абстрактны, неконкретны, однако и они детерминированы свойствами явлений объективной и субъективной действительности.

В глаголе * отражается тот круг явлений действительности, которые определяются как свойства и отношения вещей. В плане языкового, или «речемыслительного», содержания глагольные значения можно объединить термином «призначные значения». Этот термин удачно использует С. Д. Кацнельсон, вкладывая в него понятие о возможных различных классах признаков, элементами которых в каждом отдельном

* Ниже и далее в ходе наших рассуждений используется постулат о наличии в современных тюркских языках грамматической категории глагола, историческое становление которой специально не рассматривается [см.: Кацнельсон 1972, с. 177 сл.; Мещанинов 1945; 1948; Щербак 1975].

случае «будут конкретные разновидности данного признака» [Кацнельсон 1972, с. 139]. Онтологически все признаки неотделимы от вещей, как и отношения, возникающие по крайней мере между двумя вещами. Осознание как отдельных классов признаков, так и конкретных их элементов является результатом активной гносеологической деятельности человека, связанной с абстрагированием и категоризацией. Здесь мы отмечаем обобщение свойств вещей или отношений в их противоположности самим вещам [Горский 1985]. В этом состоит оппозиция «признаковости» и «субстанциональности» («предметности»), лежащая в основе различия базовых (фундаментальных, глубинных) частей речи: слов-«признаков» (прилагательных, глаголов, атрибутивов и т. п.) и слов-«субстанций» (существительных). *Нельзя не думать, что столь важное категориальное противопоставление, наблюдаемое в языке (оно считается языковой универсалией), базируется на прочном реальном фундаменте и поэтому не может не быть коммуникативно значимым и, следовательно, релевантным для любой языковой системы.*

«Призначное» содержание объективируется не только в своей качественной определенности, но и в известном количественном представлении, т. е. как бы в рамках некоторой *меры* каждого признака. И хотя данное понятие используется в философии, оно имеет смысл и для языкознания при описании языковых значений, связанных с отображением количества, в том числе с помощью глагола.

Если онтологический аспект содержания (значения) языковых знаков-глаголов основывается на «признаковости», то их гносеологической стороной выступает способ обязательного представления «признаковости» как явления процессного, в истоках чего, несомненно, лежит абстракция от совокупности «всех чувственно воспринимаемых форм движения» [Маркс, Энгельс, т. 20, с. 550]. Поэтому далеко не случайно распространено определение глаголов как слов, выражающих действия тех или иных производителей-субъектов. Признак процессности в значении любого глагола выступает в качестве определяющего, категориального. В языковом отношении он становится классифицирующим частеречным значением, т. е. определенным видом языкового грамматического значения (класси-

фицирующим), на основе которого в языке объединяется в один коммуникативный класс некоторая совокупность «монем»* [Мельников 1978, с. 271]. С этой точки зрения наиболее точными представляются определения глагола как части речи, в которых выделяется указанный семантический признак. Такое определение дает, например, академическая «Русская грамматика»: «Глагол — это часть речи, обозначающая процесс и выражающая это значение в категориях вида, залога. . . [и др.]» [Грамматика 1980, I, с. 582; автор раздела — А. В. Бондарко]. Е. С. Кубрякова также считает, что содержательной основой глагола является ономаσιологическая категория «процессуальность» [Кубрякова 1978, с. 47]. В свое время И. И. Мещанинов в качестве признаков глагольности называл выражение в глаголе «процесса, степени его результативности, его направленности, продолжительности (во времени, в движении) и детализации процесса в модальных, видовых и других оттенках» [Мещанинов 1948, с. 191].

Следует подчеркнуть, что категориальный признак «процессность» также возникает на основе интерпретирующей деятельности сознания. Имея объективные основания, как и отображение самой «признаковости», категоризация, или классификация, отдельных «признаковостей» через «процессность» тоже является, говоря словами В. И. Ленина, определенной «ступенькой выделения» фактов мира или «узловым пунктом», которые позволяют познавать «сеть явлений природы» [Ленин, т. 29, с. 85]. Следует обратить внимание на различия в содержании понятий «признаковость» и «процессность». Если первое можно, используя известные определения, рассматривать как языковую категорию «преимущественно отражательного типа» [Бондарко 1976, с. 47], то ко второй скорее следует применить определение категории тоже отражательной, но «преимущественно интерпретационного типа» [Там же, с. 47]. На основе абстракции «процессность» квалифицируются как процессные все «признаки», обозначаемые глаголами, хотя объективно они могут и не обладать свойством изменчивости, процессности. Такая

* Монема — «единство из узуально ассоциированных по смежности социальных образов — значения (семантемы) и языкового знака (морфемы)» [Мельников 1978, с. 255].

черта «произвола» отмечается и у других языковых категорий, эти классифицирующие грамматические частеречные значения отличаются наибольшей обобщенностью и универсальностью, охватывая обширные классы лексем.

Таким образом, в лексическом значении глагола слитно представлены «вещественное» значение, которое принадлежит к классу «призначных» и номинативно обозначает свойства или отношения, выделенные в реальности и закрепленные в данном знаке языка, а также классифицирующее грамматическое значение, организующее содержание «признака» на основе «процессности», по отдельности не существующее, т. е. несамостоятельное. Как уже указывалось, в вещественных значениях отражаются в обобщенном виде реальные свойства и отношения, причем в глаголе «многие действия и состояния мыслятся не абсолютно, не в полном отвлечении от предметов, в которых они наблюдаются, но, напротив, применительно к тем предметам, с которыми эти действия происходят» [Кубрякова 1978, с. 102]. В тайны первичной номинации проникает этимология, с ее помощью удастся выделить признаки, которые были отвлечены некогда сознанием от реалий и отложены в абстрактной форме в значении корня-основы. Знание о стоящих за словами свойствах современных предметов и явлениях действительности опирается прежде всего не на эти тощие абстракции, а на полнокровные образы существующих реалий, хранящиеся в сознании, формирующиеся в процессе практической деятельности и активизирующиеся в конкретных коммуникативных ситуациях, на которые лишь «намекают» языковые знаки — глаголы своими лексическими значениями.

Выше была дана характеристика одного из типов грамматических значений — значения классифицирующего, наиболее обобщенного и наиболее внедренного силу языковой системы в вещественное значение [Реформатский 1967, с. 250—252]. Существуют и другие типы грамматических значений, именуемые словообразовательными и словоизменительными (деривационными и реляционными, употребляются также иные термины). Эти значения противостоят прежде всего лексическим значениям, как несамостоятельные, служебные, дополнительные, — самостоятельным, знаме-

нательным; будем называть их служебными грамматическими (в отличие от классифицирующих) значениями [Гузев 1987, с. 33]. Они выражаются «грамматическими способами» [Реформатский 1967, с. 253], прежде всего — аффиксацией и аналитическими образованиями. Дери-вационные и реляционные значения — это «типично примышляемые к лексическим значениям формальные значения», они «естественно сопровождают» «индивидуальные конкретные представления», число которых бесконечно, в то время как число «формальных значений» ограничено, к тому же эти значения характеризуются абстрактностью [Поливанов 1928, с. 21—23]. А. И. Смирницкий указывал: чтобы считаться грамматическими, значения «должны быть лишь д о п о л н и т е л ь н ы м и при основных, центральных, вещественных значениях, в составе самих данных слов; лишь при этом условии они обладают необходимой для грамматического строя обобщенностью и абстрактностью» [Смирницкий 1954, с. 15, прим. 2]. В. Г. Адмони в таких случаях говорит о «наслаивании» выражаемого грамматической формой значения на лексические значения [Адмони 1979, с. 7, 11—12].

Таким образом, в функционально-структурном отношении служебные грамматические значения, будучи дополнительными к лексическим значениям, обязательно выражаются в речи формальными грамматическими способами, т. е. «закреплены за средствами технического преобразования слов» [Гузев 1987, с. 136]; они принадлежат также и служебным морфемам (аффиксам и аналитическим показателям). Служебные морфемы, имея свои собственные значения, видоизменяют, дополняют, уточняют или преобразуют значения лексем, участвуют в построении более сложных по содержанию единиц языка.

Значения этих морфем хотя и характеризуются, как считает большинство лингвистов, большей абстрактностью и обобщенностью, тем не менее также имеют структуру, мотивированную внешним миром. В них находят отражение свойства и отношения, присущие познаваемым объектам. Особенностью значений таких морфем является то, что они в конкретном языке выступают как несамостоятельные, именно как служебные и не используются в нем в качестве отдельных самостоятельных, независимых коммуникативных единиц.

Со служебными языковыми значениями соотносится «дополнительная» с позиций носителей данного языка «информация о свойствах или связях элементов объективной действительности», отраженных и закрепленных в самостоятельных (т. е. в вещественных и, точнее, в лексических) значениях [Гузев 1987, с. 33]. Таким образом, мы исходим из того, что все языковые значения — значения лексем и служебных морфем «суть отображательные категории. Как таковые, они являются сами по себе абстрактными объектами отображения общих свойств некоторых классов реальных или вымышленных предметов, ситуаций, отношений» [Солнцев 1977, с. 234]. Следует согласиться с В. М. Солнцевым, который отмечает, что значения морфем, обслуживающих только внутриязыковые системные потребности, также отражают реальные отношения внутри языковой системы, а через них опосредованно и реальные отношения действительности [Там же, с. 235, примеч. 52].

Сочетание лексического и грамматического значений не должно оцениваться как простой механический процесс, поскольку с ним связано соединение, увязывание информации, заключенной в отдельных морфемах. В этом процессе необходимо знание значения исходной базы, значения морфологического показателя, а также знание ожидаемого результата взаимодействия двух значений, т. е. происходит эвристическое, предсказательное и творческое синтезирование *нового целого*, представленного до того элементами более конкретным (вещественным, лексическим) в корне и более обобщенным (служебным грамматическим) в аффиксе. Естественно, что за такими процессами также стоит активная познавательная-интерпретирующая функция мышления, находящаяся в коммуникативной сфере представлении в форме сложных языковых знаков [Кубрякова 1981, с. 115; см. также: Севортьян 1966; Ганиев 1976]. Для такого эвристического синтезирования смыслов необходимо подключение более конкретных признаков отображаемого факта, чем содержащиеся в языковом значении морфем. Думается, что именно творческим мыслительным актом определяется «неповторимость семантики» сложного знака, мотивированность структуры (через смыслы и значения) деривата.

Если к явлениям тюркской морфологии подходить

с позиций признания содержательных и формальных функций грамматических категорий [Кацнельсон 1972, с. 17—77; Бондарко 1976, с. 41—75], то тюркские языки нужно будет охарактеризовать как языки с преимущественно содержательными категориями, морфологические показатели которых (за редкими исключениями) имеют четкое, легко обнаруживаемое значение, выражающее какое-либо конкретное свойство или отношение предметов, процессов, явлений объективной действительности [Гузев, Насилов 1981, с. 28—32]. В каждом случае использования морфологического показателя он несет определенную семантическую нагрузку и его употребление обусловлено коммуникативной задачей передачи конкретной служебной информации. Эта особенность тюркской морфологии находится в полном соответствии с природой агглютинации, в частности с преимущественной однозначностью и вычлененностью показателей.

Важной чертой морфологического строя тюркских языков является также «коллекционный» способ образования словоформы. Это понятие было введено Г. П. Мельниковым в его построения по системной лингвистике [Мельников 1971б, с. 16; 1969а], причем он основывался на высказанных И. А. Бодуэном де Куртене характеристиках агглютинативной и флективной морфологии [Бодуэн 1963, I, с. 104]. Г. П. Мельников полагает, что тюркская словоформа строится, формируется из последовательного набора требуемых морфем, она рождается в процессе речи в соответствии с коммуникативным заданием. Этим тюркские языки отличаются от индоевропейских, в которых словоформы «селектируются», избираются из «банка» готовых форм, хранящихся в языковой памяти. Отметим, что указанная гипотеза Г. П. Мельникова нашла экспериментальное подтверждение при выработке принципов построения словарного обеспечения тюркско-русского машинного перевода [Бабанаров 1981], когда не удалось ввести в словарь все возможные тюркские словоформы, а пришлось составить отдельно словарь корней/основ и словарь аффиксов, приложив правила их сочетаемости в словах. К идее «конструируемости» таких словоформ можно подойти и с позиций современной морфонологии [Касевич 1986, с. 117, 131—135].

Включение в словоформу агглютинативного языка

определенного показателя с конкретным содержанием необходимо только в случае специальной актуализации именно данного содержания или в случае обязательности такого показателя в словоформе. В условиях коммуникативной ясности показатель может и не употребляться, тогда необходимая информация передается через лексические значения, контекст, условия ситуации и пр. Этой закономерности подчиняются и морфемы с аспектуальными значениями: они не являются обязательными компонентами словоформы глагола, поскольку в тюркских языках специальные аспектуальные характеристики процесса семантически факультативны. Но если в высказывании становится актуальной какая-либо из этих характеристик, то использование форманта с соответствующим значением становится необходимым.

При отсутствии аспектуальных показателей в глаголе будет только названо, обозначено то или иное действие-процесс и все его особенности будут определяться лишь его внутренними свойствами как таковыми, т. е. теми свойствами, которые в процессе номинации закреплены за лексическим (прежде всего, «вещественным») значением глагольного слова и через это значение соотносятся с образом денотата, связанным с данной ситуацией.

Здесь дополнительно следует несколько слов сказать об особенностях глагольной номинации и денотативной (референтной) соотнесенности лексем в разных языках. Известно, что «слова в языке, способные обозначать в речи один и тот же элемент действительности, могут различаться по объему выражаемого ими понятия и по сфере их использования. Соотношение между словами широкого и узкого значения является важным типологическим показателем языка и существенным аспектом организации речи» [Гак, 1977а, с. 265]. Так, при сравнении русского и французского языков выявляется, что в последнем многие слова имеют относительно более широкие значения, т. е. они более автономны в плане номинации, более абстрактны (их значения обслуживают большее число смыслов), у них шире поэтическое поле. Иными словами, «на уровне языка абстрактность французского слова проявляется в наличии большого числа слов широкого значения. . . На уровне речи отмечается тенденция французского

языка к использованию абстрактных слов вместо конкретных при ясности ситуации, при повторах. Ситуацию в целом французский язык описывает в более общих понятиях, чем русский» [Гак 1977б, с. 87]. Таким образом, слова разных языков могут быть по своему номинативному содержанию, денотативной (референтной) отнесенности более абстрактными и более конкретными [Климов 1977, с. 81].

Г. П. Мельников пришел к выводу, что «не только аффиксальные, но и корневые морфемы тюркских языков отличаются, как правило, высоким уровнем абстрактности, что объясняется ведущей грамматической тенденцией тюркского строя — экономией служебных элементов. . .», и что, следовательно, здесь «абстрактными оказываются значения языковых знаков» [Мельников 1971б, с. 14]. Это представляется внешне в большой многозначности лексем и аффиксов, фиксируемой исследователями в грамматиках, а также отраженной одноязычными и переводными словарями. В тюркской глагольной лексике многозначностью характеризуются определенные структурные и семантические группы глаголов. Так, Б. М. Юнусалиев отметил факт «исключительной многозначности» односложных и двусложных основ: «По признаку принадлежности корневых слов к грамматическим классам или сферам употребления наибольшей многозначностью обладают глаголы, особенно односложные» [Юнусалиев 1959, с. 100], т. е. фактически глаголы, обозначающие важнейшие, исходные действия и состояния. Эта особенность не ускользнула от внимания И. А. Бодуэна де Куртенэ, отметившего, что «для вознаграждения слабого развития самостоятельных глаголов туранским языкам свойственно большое количество глаголов вспомогательных» [Бодуэн 1963, I, с. 104]. В силу этого, например, татарский язык, «при сравнительно небольшом количестве этих глаголов (т. е. глаголов движения, их более 50. — Д. Н.), способен передавать все тонкости русских глаголов движения» (число последних, «по подсчетам проф. В. М. Чистякова, достигает тысячи, считая за отдельное слово глаголы каждого вида») [Дмитриев 1962, с. 598]. Большая абстрактность значения многих тюркских глаголов позволяет использовать их для обслуживания целого ряда узуальных и окказиональных глагольных смыслов, передающихся

в речи. Поэтому анализ конкретного языкового воплощения лексико-грамматических значений в плане «средство—цель» или «средство—функция» в рамках специального контекста (в нашем случае — аспектуального) — область грамматического исследования, которую можно определить как «функциональная грамматика». Именно поэтому при анализе важен учет особенностей и субстанциональных возможностей самих средств выражения. Ясно, что указанные выше свойства глагольных лексем и служебных морфем в тюркских языках имеют прямое отношение к аспектуальным характеристикам действий-процессов, ими выражаемых.

2. ПРОЦЕССНОСТЬ ГЛАГОЛА И АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОЦЕССОВ

Классифицирующий категориальный признак «процессность» является одним из ведущих в семантической системе языка, поскольку на его основе формируется существеннейший класс лексем, каким являются глаголы. Противопоставление глаголов и имен с предметной семантикой считается основным в языковой системе, за ним стоит противопоставление «призначных» и «вещных» сущностей, очень важное для обеспечения предикации.

В содержание абстрактного понятия «процессность» входят по крайней мере два сопряженных существенных компонента: это признак изменения, движения и признак времени, в котором происходят изменения. Именно они оба присущи любому процессу, поскольку последний понимается как последовательная смена явлений, состояний в развитии чего-нибудь. Ф. Энгельс определял процесс как «беспрерывное движение, изменение, преобразование и развитие» [Маркс, Энгельс, т. 20, с. 23]. Как уже указывалось выше, такие свойства были отвлечены и обобщены сознанием, поскольку зависимость или между движением (прежде всего механическим, в частности перемещением) и временем, или между изменением и временем (длительностью изменения), или действием (например, трудовым процессом) и его длительностью и т. п. доступна наглядно-чувственному восприятию (на уровне обыденного мышления). Коммуникативно значимые резуль-

таты такого обобщения нашли отражение и в языке. Таким образом, понятие процесса шире, чем понятия о частных формах его проявления, таких как перемещение, действие, деятельность, состояние, развитие, изменение и т. п., поэтому является более точным и правильным указание именно на процессность (всегда во времени) при определении категориального содержания глагола как целого класса лексем.

Здесь следует только отметить, что само понимание времени так же исторично, как и познание человеком других свойств объективной действительности, и поэтому современную временную модель не следует считать универсальной для любых периодов развития языков [Насилов 1985в, с. 191; Ахундов 1982]. Во всяком случае применительно к глагольным лексемам нельзя говорить о грамматическом времени, в котором точкой отсчета выступает в ряде языков «момент речи». Для процесса понятие времени является синонимом длительности, в течение которой происходят какие-либо изменения, смена событий и состояний (осмысление идет на уровне рационального обыденного мышления). В этой длительности размещается как отдельный цельный процесс (событие), так и ряд сопряженных процессов, следующих друг за другом или соположенных друг с другом, а также возникающих один после другого снова и снова (т. е. циклических). Такие разновидности осуществления процесса являются частными случаями его распределения во времени / длительности, когда определенный вид изменений сочетается и с определенным типом его размещения во времени.

Теперь можно снова сказать, что в лексическом значении глагола сопряжены вещественное «призначное» значение и значение, через которое первое представляется как процессное, т. е. как движение (изменение и т. п.) «признака» в определенном временном измерении, или длительности. Таким образом, каждое название процесса обязательно сопровождается представлением о длительности последнего, — иначе говоря, длительность, некий временной промежуток всегда входит в структуру значения глагола. Тем самым мы подходим к пониманию «внутреннего времени», более точно — «внутренней длительности» процесса, названного глаголом. Известно, какое важное место в психо-систематике языка у Г. Гийома и его школы занимают

понятия о «внутреннем» и «внешнем» времени, выражаемом через систему глагола [Guillaume 1968, с. 7—72; Реферовская 1977; Скрелина 1980, 1981]. Однако, говоря о «внутреннем времени» процесса, мы здесь понятие времени содержательно не можем отождествить с тем априорным его толкованием, которое есть в систематике Г. Гийома. Как тонкий аналитик языка, Г. Гийом предложил интересные решения ряда важных проблем функционирования языковой системы. Продуктивной представляется и его идея о противопоставлении «внутреннего» и «внешнего» времени, на основе которого он рассматривает аспектуальные и темпоральные значения.

Действительно, та семантика временной длительности, или просто длительности, которая входит в содержание глагольной лексемы через процессность, является воплощением в лексическом значении свойств конкретного процесса (действия, состояния и пр.), названного данным глаголом. И в этом смысле такая длительность предстает как одно из свойств процесса, «внутренне» присущих ему, поэтому она отлична от других длительностей или измерений, отражаемых в грамматической категории времени или категории таксиса. Как уже указывалось, при всей своей сложности разграничение семантики грамматических категорий (служебных значений) и лексем совершенно необходимо в описательной грамматике языка. Между тем длительность того или иного процесса, конечно, соотносена с его «вещественным» содержанием, слита с ним внутри глагола как номинативной единицы, т. е. здесь имеет место «внутреннее» взаимодействие семантических компонентов слова [Никитин 1983, с. 23—35]. Но если глагол выступает в грамматических формах, то происходит уже «гибридизация» (В. В. Виноградов) содержаний на ином уровне: самостоятельные лексические значения сопрягаются со служебными, и длительность процесса (его «внутреннее» время) соотносится с другими темпоральными значениями в языке. В этом и состоит, по нашему мнению, рациональное начало в теории Г. Гийома и других лингвистов, различающих разные типы временных значений и указывающих на длительность самого процесса в отдельной лексеме.

«Сам по себе глагольный характер (т. е. лексическое

значение. — Д. Н.), в отношениях к видам или степеням, может обозначать только большую или меньшую обширность времени, занимаемого действием» [Потебня 1977, с. 19]. В этом определении А. А. Потебни, который развивал учение Г. Павского о «степенях глагола», т. е. о «мере продолжительности и объема действия», явно прослеживается представление о том, что действие (или состояние) «заполняет» собой определенную длительность — «обширность периода действия», «движется во времени» [Потебня 1977, с. 26, 29, 87, 90, 93]. Близкие взгляды на «внутреннюю» длительность самого процесса, представленного в глаголе, в истории отечественного языкознания разделяли и другие лингвисты, занимавшиеся аспектуальностью [Виноградов 1947, с. 482—496].

С принятием положения о «внутренней» длительности процесса связано и современное определение аспектуальности как такой семантической области языка, где находит отражение как раз эта длительность процесса / действия. По определению А. В. Бондарко (он же и предложил в 1967 г. данный термин), аспектуальность — это категория, содержанием которой является «характер протекания действия» [Бондарко 1971б, с. 4], т. е. содержание аспектуальных отношений сводится к «передаче характера протекания и распределения действия во времени» [Бондарко 1983, с. 76].

Ю. С. Маслов обратил внимание на тот интересный факт, что такое общее определение аспектуальности совпадает с распространенными определениями семантики русского вида, в которых учитывается длительность процессов [Маслов 1984, с. 6]. В частности, так рассматривали вид А. М. Пешковский [Пешковский 1956, с. 105], Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, К. Бругман и другие языковеды [Виноградов 1947, с. 492—498], сходные формулировки имеются и у современных авторов разных лингвистических направлений [Вопросы 1962; Маслов 1973; 1977].

Следовательно, на вопрос о том, в каком времени или что это за время, в котором «протекает и распределяется» процесс, в свете приведенного выше определения аспектуальности вообще или вида (аспекта) в широком его толковании (т. е. применительно к различным языкам), а также с учетом некоторых подобных определений русского (славянского) вида («вид» в узком

значении) следует ответить, что речь идет о «внутреннем» времени, о длительности самого процесса, о «его внутренней темпоральной структуре» [Маслов 1984, с. 5—6; Бондарко 1983, с. 118—135]. В предыдущих разделах работы были приведены, как представляется, достаточные ономаσιологические основания для изложенного понимания содержания процесса, выражаемого глаголом. При таком понимании аспектуальность сводится к характеристикам особенностей проявления процесса, прежде всего его *свойств в длительности*, т. е. аспектуальные характеристики процесса / действия — это раскрытие особенностей его *распределения в длительности* («темпоральной структуре»). И здесь опять-таки вернемся к структуре лексического значения глагола. Используя новые термины, можно сказать, что в нем сопряжены вещественное значение и аспектуальные значения, отражающие сущностные характеристики процесса. Именно так рассматривает лексическое значение А. М. Ломов: «В семантической структуре глагола два слоя: понятийный, который определяет конкретное „содержание“ действия (каково это действие, чем оно отличается от других действий), и акциональный, который определяет общие особенности протекания данного действия во времени (как это действие осуществляется, как оно возникает или к каким результатам приводит)» [Ломов 1977, с. 21] (подчеркнем, у автора — «протекание во времени!» — Д. Н.). И в этом плане нельзя несогласиться с М. А. Шелякиным, который считает, что аспектуальность «конституирует грамматическую семантику глагола как части речи, так как ее общий признак имеет в виду процессы, протекающие во времени и имеющие своего носителя» [Шелякин 1983, с. 18].

Аспектуальность связана с характеристиками процесса. Однако поскольку такие характеристики могут быть самыми разнообразными, семантическая зона аспектуальности оказывается довольно обширной и с нечеткими границами. Определение содержания аспектуальности, предложенное А. В. Бондарко и принятое во многих аспектологических работах, является по существу номинальным и неявным. Поэтому в последнее время и со стороны самого А. В. Бондарко и со стороны целого ряда аспектологов сделаны шаги в направлении уточнения данной дефиниции [Бон-

дарко 1983; 1984а; 1984б; Теория грамматики 1987, с. 40 след.; см. также: Дешериева 1979; Храковский 1980; Гловинская 1982; Шелякин 1983].

Для русского и других славянских языков огромным шагом вперед явилось, как известно, разграничение понятий «собственно вид» («аспект») и «способ действия». В свою очередь, на этой основе были уточнены семантические границы аспектуальных явлений в тех языках, где не представлена грамматическая категория вида (аспекта); в частности, появились углубленные описания способов действия, или акциональности, в германских и романских языках, определенные успехи были достигнуты и в тюркологии [см. гл. 1; Балин и др. 1979]. Однако и в этой области понятия еще требуют своего уточнения и ограничения, на что обращает внимание М. А. Шелякин [Шелякин 1983, с. 14]. Он замечает, что «широкое определение семантической зоны аспектуальности таит в себе опасность свести к ней любую адвербиальную характеристику глагольного действия и тем самым потерять ее семантические границы. . .» [Там же, с. 15]. Действительно, так как любой процесс, выраженный глаголом, протекает во времени, то не только его «внутренняя темпоральная структура», но и все прочие его характеристики, включая и особенности «вещественной» части значения, оказываются *всегда «погруженными»* в данную длительность, хотя в приведенных выше формулировках акцент делается как раз на «темпоральной структуре» процесса (у самого М. А. Шелякина: «Назовем зону аспектуальности. . . зоной *распределения действия во времени*» [Шелякин 1983, с. 17. — Курсив мой. — Д. Н.]). Поэтому возникает, например, вопрос о том, правомерно ли включать именно в такую семантическую зону «способы действия», характеризующие количество участвующих в ситуации субъектов или объектов действия / процесса, а также и силу осуществляемого процесса или его направление. В большинстве описаний русского языка эти способы действия без особых оговорок рассматриваются рядом с фазово-временными и итеративными. В таких описаниях наличествует скорее дань традиции, а не какие-то мотивированные отступления от предлагаемых определений, так как современные аспектологи едины в необходимости противопоставления (и в то же время

взаимной соотнесенности) аспекта и способов действия и детализации последних.

В связи с этим представляются полезными и терминологические разграничения семантических зон. Некоторые авторы предпочитают говорить об аспекте и акциональности (Aktionalität), понимая под последней семантическую зону, охватывающую характеристики процесса, исключая семантику вида (аспекта). Акциональность соотносится с понятием способа действия (Aktionsart). Выше отмечалось (гл. 1), что некоторые аспектологи разводят также аспект и способ действия как «субъективные» и «объективные» характеристики процесса. Как считает Ю. С. Маслов, термин «акциональность» уже занят в аспектологии [Маслов 1984, с. 14—15], но он является, на наш взгляд, удачным прилагательным для русской кальки «способ действия», а будучи построен по единой модели, сигнализирует, что речь идет о семантической (функционально-семантической) области языка (подобно «модальности», «темпоральности», «персональности» и т. п.). Поскольку сама аспектуальность — «единство разных планов, уровней и рангов» [Бондарко 1983, с. 42], существует совершенно объективная потребность разграничить эти многоплановые явления терминологически в сфере их семантики и в формах их выражения. Термин «аспектуальность» невольно обращает внимание на аспект (вид), что нежелательно, особенно для языков, где ставится под сомнение существование категории аспекта. Понятие акциональности как особого уровня в зоне аспектуальности используется в германистике [Балин и др. 1979; Гарифулин 1972, с. 69—70; Кульбакин 1977, с. 116—120], применяют его и аспектологи-русисты М. А. Шелякин, А. М. Ломов; А. В. Бондарко под акциональностью понимает нечто иное — «выражение действия в широком смысле (что соответствует семантике глагола как части речи)» [Бондарко 1983, с. 55, прим. 11], поэтому здесь аспектуальность сама входит на правах члена в группировку функционально-семантических полей с «акциональным (предикативным) ядром» [Там же, с. 41]. Из тюркологов к терминам «акциональный» / «акциональность» прибегают сейчас Э. А. Грунина, Л. Юхансон, К. Шёниг; Б. А. Серебрянников вместо этого говорит о «видовом классе».

Применительно к турецкому и другим тюркским языкам П. И. Кузнецов для общего названия значений способов действия предлагает термин «акционал» (в противопоставлении «аспект» : «акционал») как производное от Aktionsart [Кузнецов 1975, с. 71]; В. Г. Гузев указанные значения называет «акционсартовыми» [Гузев 1986, с. 22]. В большинстве указанных употреблений акциональность не заменяет собой понятие аспектуальности (даже в отношении к «безвидовым» языкам!), а выделяет в последнем более узкую семантическую зону, ограниченную способами действия и фазовой структурой отдельной глагольной лексемы. Только в этом узком значении и применяется термин «акциональность» (resp. «акциональный») в данной работе (дополнительно мы различаем «акциональную» и «аспектную» = «видовую» семантику).

В любом случае для тех языков, в которых устанавливается противопоставление аспекта и способа действия, остается проблематичным соотношение содержательных объемов этих явлений. Полностью не разрешены споры и в русской аспектологии. Наиболее сложным представляется вопрос о семантической доминанте аспектуальности, организующей всю ее содержательную зону. В последнее время все большее внимание уделяется изучению предельности / неопредельности действия, которая выдвигается в центр универсальных семантических параметров процессов, представленных через глагол в языках разной типологии. Выясняется, что в основе этого универсального явления лежит в онтологическом плане различие между двумя фундаментальными и также универсальными типами процессов — между действиями и состояниями. С другой стороны, существование в разных языках (вне зависимости от наличия в них категории аспекта / вида) категориальных (морфологических, грамматических) средств представления очень детальных характеристик протекания процессов вообще приводит к заключению, что аспектуальностью охватывается не только «внутренняя темпоральная структура» процесса, но и другие его свойства, поскольку сам процесс есть явление необычайно емкое и многопризнаковое. Темпоральная структура процесса — только ядерная часть его признаков, вокруг которой лежат другие признаки, но все признаки характеризуют именно сам процесс,

ход его внутреннего развития. В целом это и есть аспектуальные характеристики процесса / действия.

Что же касается обобщенного наименования всей семантической зоны, включающей вид (аспект) и способ действия, а также другие явления того же типа (таксис, результатив, перфектность и т. п.), то это, как представляется, чисто конвенциональный вопрос, и будь то «аспектуальность», или «акциональность», или «аспектуально-акциональные отношения» (Л. Юхансон), проблемы сами такие термины не проясняют, если за ними не стоит осознание того, что указанная семантика многослойна и покоится на абстракциях *разных уровней и планов* и что каждый из таких уровней требует специального изучения. Мы будем использовать термин «аспектуальность» в понимании, предложенном А. В. Бондарко.

БАЗОВЫЕ АСПЕКТОЛОГИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ
В ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

1. Протекание процесса в длительности дает возможность смоделировать его внутреннюю структуру, представив ее в виде этапов, или фаз. Выделение фаз поддерживается также наличием в языках глаголов с так называемыми фазовыми значениями, или фазовых глаголов, типа «начать», «продолжить», «кончить». Поэтому выделение фаз начала, продолжения и завершения процесса является вполне традиционным в аспектологии, хотя понятие фазы часто и не используется. Поскольку в самой длительности трудно уловить какие-либо конкретные точки, четко фиксирующие границы фаз, возможно выделение и иных фазовых значений, дополняющих указанные три фазы. Так, В. С. Храковский, строя универсальную схему фазовых значений, дополнительно выделяет фазы «возобновления» и «перерыва» процесса и затем сложные фазы «начала и продолжения», а также «продолжения и прекращения». В целом у него фазовая структура процесса предстает в таком виде: (1) фаза начала — (2) фаза продолжения до перерыва — (3) фаза перерыва — [перерыв] — (4) фаза возобновления — (5) фаза продолжения после перерыва — (6) фаза прекращения [Храковский 1980, с. 17; Теория грамматики 1987, с. 153—155]. Оценивая эту семантическую схему, Б. Ризаев замечает, что в 1-й и 4-й фазах имеется общая сема «начала», а фазы 3-я и 6-я объединяются семой «прекращение», т. е. дополнительные фазы являются фактически дальнейшей субкатегоризацией основных трех фаз — начальной, срединной и конечной [Ризаев 1981, с. 13—14]. В своем исследовании Б. Ризаев и для немецкого языка, и соответственно для узбекского языка применяет трехчастное подразделение фаз единого процесса.

Тюркологи также использовали понятие фаз процесса / действия. Так, И. Е. Маманов предлагал кроме указанных трех фаз выделять для казахского языка фазу готовности, фазу приспособления к совершению действия и фазу перед завершением действия [Маманов 1949, с. 81—89]. Н. Оралбаева считает возможным ограничиться установлением трех основных фаз процесса: его начала, совершения и завершения [Оралбаева 1971б, с. 97—98].

Среди девяти характеристик протекания процесса, выражаемых в узбекском языке вспомогательными глаголами, А. Ходжиев семь рассматривает как фазовые: начальная фаза действия, фаза исполнения, фаза полного исполнения действия и фаза исполнения действия с возникновением состояния, к этим известным уже добавляются также фазы интенсивного действия, ослабленного действия (не достигшего нормальной или полной степени), действия, приблизившегося к завершению, окончанию [Ходжиев 1966, с. 188—195; 1975, с. 411; 1979, с. 65—66]. Последняя фаза передает смысл «чуть-чуть не. . .», «чуть было не. . .» и не принадлежит, видимо, непосредственно к одному из последовательных этапов развития процесса; фазы, передающие силу процесса, также относятся к другой семантической плоскости, поэтому в классификации А. Ходжиева к трем основным фазам оказывается присоединенной и фаза, показывающая этап существования состояния, возникшего после и в результате процесса. Значит, данная фаза может быть присуща только тем процессам, в результате которых порождаются новые состояния, но таким свойством обладают не все процессы. Однако обозначение таких вторичных состояний, венчающих завершение процесса, может фиксироваться в специальных глагольных формах. Как видно, приведенная фазовая схема отражает распространенный подход к членению процесса, но, к сожалению, А. Ходжиев в ходе анализа фазовых значений и средств их выражения в узбекском языке последовательно не выясняет внутренние связи между фазами и особенности актуализации этих связей разноуровневыми языковыми средствами [Насилов, Ризаев 1983, с. 81—82] в типизированных высказываниях.

Выше уже указывалось, что детальная схема фазового строения процесса представлена в работе после-

дователя Л. Юхансона тюрколога К. Шёнига [см. с. 19], здесь же можно упомянуть и монографию другого ученика Юхансона — монголиста У. Блезинга, использовавшего аналогичную схему при описании финитных форм калмыцкого глагола [Bläsing 1984, с. 37—50]. Этот автор указывает, что каждое обозначаемое глагольной лексемой «событие» располагает начальной и финальной границами и лежащим между ними курсивным отрезком. Сущность аспектных различий состоит в «субъективном взгляде» либо на обе границы, либо на курсивный отрезок одного и того же «события», т. е. аспектные различия определяются способами рассмотрения говорящим одного процесса со стороны его границ и течения. Сущность же акциональных различий состоит в акцентировании, модификации отдельных фаз процесса, причем актуализация одной фазы не исключает наличия остальных фаз, которые остаются в таком случае фоновыми [Там же, с. 42—43]. «Рассмотрение» события в разных аспектах не изменяет лексического значения глагола, акциональные различия приводят к лексической модификации лексики, и лексема с показателями способа действия передает другое, по сравнению с исходной лексемой, событие, т. е. нарушается тождество слова. Однако вопрос о нарушении этого тождества следует обсудить особо.

Недавно очень детальное фазовое структурирование процессов предложил Г. Г. Сильницкий, представив структуру глагольного значения на основе исчисления семантически релевантных признаков [Сильницкий 1983, с. 54—65]. Здесь также центральный блок схемы составляют две темпоральные границы, или два темпоральных «предела» — начало и конец, между ними находится «медиальная» фаза («медиальное состояние» — здесь понятие «состояние» примерно соответствует нашему пониманию «процесса», это семантический компонент значения любого глагола, имеющий временную протяженность, длительность). «Отсюда семантическая структура глагольного значения может быть выражена темпоральной последовательностью трех «фаз» — „антецедентной“, „медиальной“ и „консеквентной“, заполняемых соответствующими функциональными типами состояний» [Там же, с. 55]. Далее Г. Г. Сильницкий устанавливает различные типы соотношений семантической заполненности выделен-

ных фаз в процессах разных видов, что позволяет выявить тонкие семантические спецификации состояний (в индексации автора — с). По-видимому, ни одно глагольное значение не удается установить с незаполненной медиальной фазой /с/, однако она может характеризоваться некоторыми дополнительными признаками: быть длительной (типа «поспать»), быть мгновенной (типа «мигнуть»), быть градуальной (с°) в представленности состояния по направлению от начала к финалу (типа «ослабеть»), тогда оказывается семантически разной значимость двух других фаз. В то же время начальный и финальный пределы не обязательно семантически заполняются, поэтому медиальная фаза обрамляется пределами либо с обеих сторон, либо только с одной стороны, т. е. имеет такой вид:

-с/с (~с̄ ~ с̆ ~ с°)/-с или -/с/-.

И в данной классификации используются признаки, характеризующие другие свойства процессов, в частности признак гомоактантности, который различает «процессивы» и «каузативы», представляющие состояния с каузальными отношениями и разными актантами. В «каузативах» медиальная фаза совмещает процессивное состояние с каузирующим состоянием воздействия, каждое со своим набором актантов-носителей, здесь возникает «двойное» фазовое заполнение срединной фазы (типа «жечь», «ударить», «разрушить», «привезти»). Такое толкование глаголов интересно сравнить с рассмотрением глаголов действия У. Чейфом, предлагающим видеть в них совмещение «действия-процесса»: агент совершает «действие», в ходе и в результате которого имеет место «процесс» изменения состояния объекта [Чейф 1975, с. 118—123]. Всего Г. Г. Сильницкий в своей фазовой модели выделяет десять функциональных классов глагольных значений (ср. более детальную классификацию английских глаголов на основе их внутренней «хроноструктуры» [Сильницкий 1986]).

Автор подчеркивает, что в классификации глагольных значений видная роль принадлежит конечной, или «консеквентной», фазе, ее семантическому содержанию и реальному наполнению последним. Он не связывает непосредственно предлагаемую фазовую модель процесса с аспектуальностью. Однако для семантики русского вида оказывается релевантной предель-

ность, выводимая автором из фазовой структуры процесса: она зависит от семантической заполненности консеквентного состояния, его наличия в предельном глаголе [Сильницкий 1983, с. 59—60]. Этот важный вывод о связи предельности с фазовостью и, с другой стороны, с видовостью позволяет на семантическом уровне показать взаимообусловленность этих явлений, но не их идентичность: они принадлежат разным планам глагольного значения. Именно предельность оказывает влияние на образование результата, перфекта, итератива и других глагольных категорий.

Сравнение разных подходов к членению процесса на этапы, или фазы, показывает, что во всех них присутствует — независимо от исходных позиций авторов — трехчастное представление его протекания, т. е. установление возникновения, последующего течения и развития, а затем и завершения. Такое обобщенное представление распространяется, однако, не на все возможные процессы, а только на определенный их тип, характеризуемый дополнительными свойствами. В логически завершенных схемах Сильницкого (универсальная модель) и Юхансона—Шёнига (модель, ориентированная прежде всего на тюркский материал) в таких случаях постулируются контрадикторные или отрицательно представленные фазы в границах одного процесса. Фактически здесь проведено семное разложение процесса по фазам и исчисление комбинаторики сем. И хотя Л. Юхансон несколько скептически относится к «метаязыковому» или «ономасиологическому» способу рассмотрения аспектуальных значений [Johanson 1975, с. 123—124], тем не менее используемая им схема анализа турецких глаголов в своей основе строится на исчислении смыслов и представляет собой все-таки метаязыковое построение, обращенное одной из сторон к анализу «положения вещей». В то же время сильной стороной его и Шёнига концепций является использование парадигматического и синтагматического путей семного (компонентного) анализа аспектуальной семантики [Принципы и методы 1976, с. 296—297].

Заметим, что, при некотором совпадении схем представления фаз у Юхансона—Шёнига и Сильницкого, в модели последнего предложено, на наш взгляд, более наглядное и полное исчисление фазовых сем-смыслов, но, с другой стороны, здесь используется менее при-

вычная терминология логики по сравнению с применяемой в аспектологии [Маслов 1984; 1965].⁷ Обращаясь к указанной семантической схеме, мы будем прибегать к терминам Ю. С. Маслова и Л. Юхансона.

Как показано в монографиях Юхансона на материале турецкого языка и Шёнига на материале татарского, фазовая структура процесса / действия действительно релевантна для его акциональных характеристик, поскольку они зависят также и от актуальности в высказывании той или иной фазы процесса. В самом деле, аспектуальность — это обширное поле (зона) смыслов, связанных с особенностями развертывания и развития, течения конкретного процесса, т. е. с его свойствами. Ясно, что представленность той или иной фазы в смысловой структуре процесса является реальной основой, чтобы соответствующий смысл мог превратиться в языковое значение, закрепиться в значении определенной морфемы и тем самым получить внешнее, формальное выражение. В этом проявляется прямая зависимость фазовой структуры процесса и тех компонентов смысла, которые получают в языке выражение в качестве уточнителей особенностей течения процесса.

2. Важнейшим аспектологическим понятием является понятие о пределе действия / процесса. 1948 год оказался для отечественной аспектологии знаменательным в том отношении, что по крайней мере в четырех работах на материале русского, немецкого, французского и английского языков была показана, во-первых, целесообразность глубокого семантического анализа «вещественного» значения глагола и, во-вторых, продуктивность использования при этом понятия о предельности выражаемого глаголом процесса, хотя для обозначения предельности применялись в работах разные термины [Маслов 1984, с. 48—65 (1948); 1948б; также: Воронцова 1948; Реферовская 1948]. Однако потребовалось еще около десяти лет, прежде чем это понятие заняло в нашей науке прочные позиции при описании аспектуальной семантики, хотя оно было введено в оборот еще в конце XIX в. [Вопросы 1962, с. 13—19; Драхош 1969]. Поэтому проявления предельности, уже давно эмпирически отмеченные исследователями, теоретическое истолкование стали получать только в последнее время, что и отражается в наличии

разных подходов и определений [Вопросы 1962; Шелякин 1975, с. 23—27; Маслов 1977, с. 23—30; Павлов 1984; Теория грамматики 1987, с. 45—98]!

Видимо, все аспектологи сходятся в том, что содержание предельности непосредственно связано с лексическим значением глагола, с сущностью отображаемого им процесса / действия. «Предельность есть входящее в семантику глагола указание на внутренний, самой природой данного действия предусмотренный предел. Обычно действие в своем протекании направлено к этому пределу и в случае его достижения должно исчерпать себя и прекратиться. . . Непредельность — это отсутствие внутреннего предела, который бы ограничивал течение действия, хотя бы в перспективе» [Маслов 1984, с. 11]. В тех или иных вариациях сходные определения предельности встречаются в большинстве аспектологических работ, авторы которых делают разные акценты на отдельных сторонах этого явления. Так, некоторые подчеркивают семантику целедостижения исполненного действия и тем самым возникновение результата последнего, другие — важность преодоления предельной точки развития действия, третьи указывают на связь предельности с границами развития действия в его целостности и т. п. Здесь важно подчеркнуть, что почти во всех определениях речь идет все-таки о «самой природе» какого-либо действия / процесса. С наибольшей отчетливостью это выражено А. А. Холодовичем, который приходит к выводу, что «рассечение всех глаголов на два класса. . . не является результатом формальной операции, а возникает через процедуру интерпретации, т. е. соотношения факта языка с фактом объективной действительности» [Холодович 1963, с. 7; 1979, с. 138—139]. В связи с последним он приходит к выводу, что группировка по предельности / непредельности должна иметь универсальный характер и быть межъязыковой: «Иными словами, какой бы язык ни взяли, всюду глагол „сидиться“ будет предельным. . . , а глагол „петь“ — непредельным» [Холодович 1963, с. 7]. Не оспаривая универсальности понимания двух разновидностей процессов (то же подчеркивает и Ю. С. Маслов), отметим, что лингвистическая интерпретация в данном случае не исчерпывается соотношением фактов языка и фактов действительности. В свое время на это обратила внимание Г. Н. Ворон-

цова, указав, что здесь речь идет не о тех пределах процессов и их последствиях, которые «мы ожидаем, исходя из опыта реальной действительности», а о тех явлениях, которые отражены в семантике глагола [Воронцова 1948, с. 21], т. е. анализ основывается не на интерпретации «положения дел в реальности», а прежде всего на изучении семантической структуры лексем в языке. Действительно, именно в связи с толкованием предельности / неопредельности и разбиением глаголов на классы предельных и неопредельных во всей своей сложности и явности встает вопрос о «щепетильности» при разграничении «внеязыкового события и его обозначения с помощью языковых средств» [Маслов 1977, с. 26]. С этой точки зрения часто оказываются не определенными выражения типа «своя внутренняя природа процесса», «предел целостного действия», «внутренний абстрактный предел», «перспектива развития» и т. п., что дает основания для терминологических споров, приводит к теоретическим разногласиям.

В одной из последних работ В. М. Павлова было прямо показано, что упомянутая выше «щепетильность» в понимании несовпадения объективного действия и его отображения в глагольной лексике не может быть игнорирована при делении глаголов на предельные и неопредельные и что такое несовпадение необходимо поддержать в теории «введением двух пар терминов — одной для объективных действий и другой для действий (т. е. процессов в нашем понимании. — Д. Н.) в том виде, как они репрезентированы лексическими значениями глаголов. Для первых можно воспользоваться выражениями „трансформативное действие“ и „статальное действие“, а для вторых сохранить термины „предельное“ и „непредельное“» [Павлов 1984, с. 50]. Именно такой подход позволяет понять факт представления в языке «одного и того же трансформативного (в привычной терминологии «предельного») действия» лексическими значениями разных глаголов или факт отображения одной и той же лексемой разных сторон трансформативного действия. Все это объясняется особенностями познания человеком действительности, творческим и активным характером данного процесса и сущностью формирования языковых значений при относительной самостоятельности мыслительных и языковых операций, о чем мы подробно говорили выше

(см. гл. 2, 1). Поэтому, естественно, нельзя не согласиться с той постановкой проблемы «трансформативности» и «предельности», которая предложена В. М. Павловым; она особенно интересна с точки зрения «безвидовых» языков, к каким принадлежат языки немецкий и тюркские.

Л. Юхансон для внеязыкового референта-действия использует термин «(Real-) Ereignis (eventum)» — (реальное) событие, для значения глагольной лексемы — «Tätigkeit (actio)» — деятельность, он выделяет класс «трансформативных» лексем с рядом подклассов и класс «нетрансформативных» (nontransformativ). Л. Юхансон разрабатывает для турецкого языка лингвистическую систему, которая позволила бы расклассифицировать именно лексемы без обращения к классификации фактов действительности. И здесь он считает необходимым прибегнуть к тесту — включению той или иной лексемы (X) в высказывание в форме прошедшего времени на -di и настоящего на -iyor: «X-di mi? — Evet, X-di, ve de hâla X-iyor 'Он X-л ли? — Да, он X-л и все еще X-ет в настоящее время / в данный момент'». Лексемы, несовместимые с данным контекстом, принадлежат к «трансформативным», а совместимые — к «нетрансформативным» [Johanson 1971, с. 197—201]. Известно, что дистрибутивные пробы являются распространенным приемом деления глаголов по предельности в «безвидовых» языках [Балин 1969].

Однако, обратившись к семному анализу смыслов, передаваемых глаголами, Л. Юхансон, как указывалось выше, определяет явление предельности и на отвлеченно семантическом уровне. Трансформативность, или предельность, имеет связь с фазовой структурой действия / процесса и является вторым, дополнительным измерением в семном составе последнего. Это есть отражение вершины развития и точка его окончания — Desinenz («окончание», «прекращение»), и достижение точки максимума, вершины является необходимым условием реализации данного процесса в его полноте. В этой части определения Юхансона перекликаются с известными определениями предельности. Дальнейшие углубления понятия находим у него в уточнении типов трансформативности и подразделении в связи с этим глагольных лексем на подклассы. Идеальным типом трансформативности высту-

пает финальная трансформативность, представленная в соответствующих (finaltransformative) лексемах (по Юхансону, они составляют I лексический класс — Tf), в них достижение вершины совпадает с исполнением действия (типа «взять», «сообщить», «принести», «встать», «умереть» и т. п.).

В нетрансформативных глаголах (Nf) действие / процесс реализуется без всякого эволюционного максимума, в них нет упомянутой вершины развития [Johanson 1971, с. 197—200], это глаголы типа «плакать», «бродить», «бояться», «читать», «жить», «лежать» (они составляют II лексический класс). Но в этом II классе есть особый подкласс, который представлен инициально трансформативными лексемами (Ti). Такие лексемы могут обозначать две эволюционно связанные между собой деятельности: первая является носителем границы, т. е. десинентной, а вторая, вытекающая из первой, — недесинентной, т. е. после обязательного окончания начальной фазы (initiale Phase, i-Phase) наступает состояние следующей фазы — фазы покоя, состояния (zuständliche Phase, s-Phase) [Там же, с. 214]. Таким образом, понятие предела (Desinenz) приложено здесь к завершению не всего процесса, а только одной из его фаз — начальной. В турецком языке примером являются лексемы dur- 1. (i) 'останавливаться', 2. (s) 'стоять'; otur- 1. (i) 'сидеться', 'сесть', 2. (s) 'сидеть'; yat- 1. (i) 'ложиться', 'лечь', 2. (s) 'лежать'; tut- 1. (i) 'хватать', 2. (s) 'держат'; bil- 1. (i) 'узнать', 2. (s) 'знать'; kork- 1. (i) 'испугаться', 2. (s) 'бояться'; ucu- 1. (i) 'засыпать', 2. (s) 'спать'.

Указанной субкатегоризацией Л. Юхансон решает проблему так называемых «нейтральных», «двойственных», «с неясным характером протекания действия» или «потенциально предельных» глаголов [Ганиев 1963, с. 95—100; Тихонов 1981, с. 44; Балин 1969, с. 44—52]. Поскольку вопрос о «нейтральных» глаголах возникает на основе их функционирования в разных контекстах, то совершенно правы те аспектологи, которые видят в такой его постановке явную непоследовательность в подходе авторов — сторонников тройственного деления глаголов к различению языковых значений и речевых реализаций, т. е. фактически к различию значений языковых единиц и смыслов, в передаче которых они участвуют, в том числе и узуальных смыслов, так

как значения морфем и смыслы связаны неоднозначными отношениями. Добавим, что нередко при анализе значения глагола происходит подмена его анализом ситуации, «положения вещей» или свойств денотата, а, как об этом говорилось выше, в обобщенном значении морфемы отражаются лишь отдельные свойства фрагмента действительности.

Выделение Л. Юхансоном двух типов реализации трансформативности — начальной и финальной (в отечественной аспектологии используются в таких случаях термины «начальная» и «завершительная» предельность или — для первого типа — «наступление факта») — позволяет показать, что сам предел (или вершинная, критическая точка, граница) может в фазовой структуре процесса занимать разные позиции и что с этим связан семантический эффект сопряжения предела и самого процесса: при трансформативном процессе оно означает завершение данного процесса, а при нетрансформативном — завершение возникновения и становление нетрансформативного процесса; ср., например, «брать», но «взять» и «садиться», но «сидеть».

В схеме Г. Г. Сильницкого «непредельные глагольные значения характеризуются семантической незаполненностью консеквентной фазы (по схеме: $-/с/-$. — Д. Н.), предельные — ее семантической заполненностью, т. е. наличием в их составе определенного консеквентного состояния. . . По предлагаемому критерию предельные глагольные значения отличаются от непредельных своей распространенностью, внутренней расчлененностью на ряд последовательных состояний» [Сильницкий 1983, с. 59]. В этом понимании предел предстает как «разделительная точка», «темпоральная грань» между смежными во времени состояниями [Там же]. Как видно, в непредельных значениях содержится только срединная — медиальная — фаза, а темпоральные пределы сняты; для предельных значений важна именно конечная — консеквентная — фаза, ее наличие в структуре значения. Определение самого предела очень близко к определению десиненции в фазовой модели Юхансона; правда, как мы видели, у последнего эта временная грань может разделять также antecedentное и медиальное состояния (initialtransformativ).

В определении предельных процессов, или «про-

цессов с одной степенью свободы», «результантных», предложенном А. А. Холодовичем, также большое внимание уделяется моментам перехода самого процесса к последующим состояниям [Холодович 1979, с. 138—142]. Завершение процесса (а) сопровождается моментом возникновения (b) результирующего состояния (с), т. е. как бы строится такая схема переходов -а- -b- -с-: «сажусь» — «сел» — «сижу»; «засыпаю» — «заснул» — «сплю». И в данной схеме понятие предела тесно связано с определенным моментом, являющимся границей завершения процесса и исходной точкой нового детерминированного им состояния; иначе говоря, предел включен Холодовичем во «внутреннюю природу» самого процесса.

Сопоставление различных определений понятия предельности показывает, что семантическая природа этой категории, отражающей фрагменты действительности, играет исключительную роль в формировании аспектуальной семантики. Как подчеркнул М. А. Шелякин, эта категория интерпретируется «чаще всего с точки зрения наличия / отсутствия „внутреннего предела“ в развитии действия» [Шелякин 1983, с. 160]; в то же время аспектологами, которые в своих дефинициях опираются на представление о фазовой структуре процессов, было показано, что «предел», хотя и имеет непосредственное отношение к такой структуре, действительно является особой характеристикой процесса, указывая на некоторую точку в длительности, которая как бы рассекает эту длительность или ограничивает ее, иначе можно сказать, что предел является одним из свойств процесса, обусловленных особым типом его длительности, «внутренним временем». Видимо, не случайно аспектологи различных школ устанавливают «внутренний предел» и «внешний предел» процессов / действий, подразумевая под последним ограничения в длительности, выражаемые прежде всего хронологическими уточнителями вне глагола (обстоятельства времени, меры и степени), они указывают на «порции времени», выделенные для осуществления процесса [Шелякин 1983, с. 161]. С помощью таких уточнителей может члениться на «порции» даже медиальное состояние (фаза) нераспространенного глагольного значения, т. е. непредельного, «внутренней природе» которого вообще чуждо представление о каких-либо границах

(ср.: «спать», но «спать 2 часа», «немного поспать», «спать сутками»). «Внешний предел» может также формироваться с помощью специальных грамматических категорий, в частности перфекта [Сильницкий 1983, с. 61—62], и некоторых способов действия («поспать», «проспать») [Калашник 1985; Теория грамматики 1987, с. 46—47, 79—81].

Ясная семантическая связь «предела» с длительностью процесса и его прерывностью позволяет думать, что в ономаσιологическом плане предельность является абстракцией именно от свойств самих разнородных процессов, г р а н и ц ы которых осознаются на основе восприятия результирующих состояний или оценки последствий, причинно-следственных связей, составляющих те или иные реальные отношения между «вещами». Предельность поэтому представляется абстракцией прежде всего мыслительного уровня, т. е. категорией отражательной, в силу чего она и признается семантической универсалией (понятийной категорией); вряд ли в исходе ее формирования лежит абстрагирование от отдельных способов действия на уровне языкового сознания, так как и здесь важно различать трансформативные действия и предельные глаголы как их языковые отражения.

«Темпоральную» природу предельности, надо думать, подтверждает тот факт, что в аспектологических контекстах, например, германских языков взаимодействуют прежде всего предельность/непредельность и время (время и именно предельность, но не способ действия!), в славянских языках — вид (вид связан, в свою очередь, с предельностью) и также время. Универсальный характер предельности позволяет поставить вопрос, не на ее ли основе прежде всего базируется в языках грамматическая категория аспектуальности, формализующая особенности проявления в данном языке значения предела действия/процесса, и не именно ли предельность в ее связи с фазовой структурой процесса регулирует возможности образования способов действия в конкретной глагольной лексеме и определяет также способность этих модифицированных глаголов выступать в том или ином аспектологическом и временном контекстах. В этом отношении для тюркологов представляют большой интерес исследования, в которых в качестве семантического ядра аспектуальности при-

нимается предельность действия, толкуемая, правда, иногда разноречиво, что, однако, не умаляет актуальности постановки проблемы [Бондарко 1984а; также: Головин 1950; Балин 1969; Кошечая 1972; Авилова 1976].

А. В. Бондарко пишет: «Вывод о том, что отношение действия к его внутреннему пределу представляет собой доминирующий признак в поле аспектуальности (в славянских языках и ряде других индоевропейских языков), вытекает из тех фактов, которые были обобщены Ю. С. Масловым при характеристике качественной аспектуальности. В целом признак отношения действия к его внутреннему пределу является в славянских языках и ряде других индоевропейских языков действительно основным, доминирующим, „вершинным“ в иерархии аспектуальных признаков (как определяющий элементы качественной и существенный для части элементов количественной аспектуальности). . . Вопрос о соотношении двух рассматриваемых признаков (отношения к пределу и локализованности/нелокализованности действия во времени) и их роли в поле аспектуальности — один из основных вопросов, возникающих при исследовании поля аспектуальности в языках различных типов» [Бондарко 1984а, с. 80—83; Теория грамматики 1987, с. 40—98].

В концепции Б. М. Балина семантическим центром аспектуальности выступает предельность/непредельность, имеющая в целом универсальный характер и представленная «в преобладающем большинстве языков мира», она отражает качественную характеристику действия. Важным семантическим свойством этой оппозиции является маркированность в ее сильном члене значения «преодоленности предела действия» [Балин: 1969, с. 30, 39].

И. Г. Кошечая (Долинина) в своих работах также рассматривает предельность в качестве ключевого понятия при описании видовременной системы любого языка и использует его как «своеобразный эталон» для типологических исследований. По ее мнению, «предельность является связующим звеном всей видовременной зоны, хотя имеет различные формы проявления — от сугубо конкретных, лексических до в высшей степени абстрактных — грамматических» [Кошечая 1972, с. 227]. Автор объясняет возможность грамматика-

лизации значения предельности и прежде всего значения достижения предела тем, что оно «отражает в языке весьма существенные пространственно-временные отношения внешнего мира» [Долинина 1964, с. 8], в связи с чем часто получает формальное выражение в формах глагола «достигнутость/недостигнутость» предела.

Даже в тех случаях, когда сознательно отказываются от использования семантического понятия предела и соответствующих терминов, из описания семантической структуры глагола все равно объективно вытекает, что в поле аспектуальности процессы (действия) по своему содержанию дизъюнктивно распределены на два класса по коррелирующим признакам «ограниченность действия во времени»/«неограниченность действия во времени» (=«характеры действия») и «результативный способ действия с оттенками»/«процессный способ действия с оттенками» (=«способы действия») [Дешериева 1979, с. 37—50]. За этой связью, как представляется, нельзя не видеть отражение фазовой структуры процесса и выделение в нем темпоральных границ, представленных в описании через другие термины.

Возможно, что рассматривать предельность как абсолютную доминанту аспектуальности любого языка пока — до сопоставительного изучения многих языков — нет достаточных оснований. Однако следует отметить, что она, как и наличие определенной фазовой структуры, действительно принадлежит к фундаментальным свойствам каждого процесса как такового. И в этом отношении ее универсальность объяснима. Кроме того, видимо, именно на линии «трансформативное действие» — «предельный глагол» (и соответственно «статальное действие» — «непредельный глагол») происходит внутри лексического значения глагола сопряжение «вещественной» и «акциональной» семантики, что отражается, как увидим ниже, на распределении глаголов по лексико-семантическим группам. Естественно также, что любой момент фазовой семантики с ее темпоральными границами (пределами) может быть «оязыковлен», т. е. стать значением специального знака языка (самостоятельной или служебной морфемы), о чем говорила уже И. Г. Кошечая на примере русского и английского языков [Долинина 1964]. Как явление

лексического плана предельность, однако, во многих языках остается достоянием лексики, семантики отдельного слова, а в русском языке, например, она «скрыта под покровом видového противопоставления С : НС [вид]» [Маслов 1962, с. 18].

Итак, предел, или темпоральная граница, «разделительная точка», является одной из важнейших характеристик процесса, тесно связанной с фазовым строением последнего. Он существует в недрах трансформативных действий и находит отражение в семантической структуре соответствующих предельных глаголов. Следовательно, это явление прежде всего лексического плана и как свойство лексемы связано с ее функционированием.

3. Выше преимущественное внимание уделялось семантическому анализу процесса как определенной абстракции, закрепленной в глаголе, который обладает данным классифицирующим грамматическим признаком. Теперь обратимся к «вещественному» аспекту значения глагольной лексики. Представляется, что именно здесь целесообразно применять широко распространенные термины «действие» и «состояние». Тогда для внеязыковых, объективных явлений можно употреблять, как и предложил В. М. Павлов, термины «трансформативное действие», «статальное действие» или просто «состояние», а для языковых отражений использовать термины «предельный глагол», «непредельный глагол» или «глагол действия», «глагол состояния», «статальный глагол» и т. п. Сюда же добавятся обозначения многочисленных групп глаголов, передающих различные типы конкретных действий, относящихся к трансформативным или статальным. Таким образом, в данной номенклатуре будут представлены попарно названия разновидностей «вещественных» значений глаголов и детерминирующих их объективных действий. В свою очередь, такие термины будут противопоставлены обозначениям, относящимся к акциональной части глагольного значения, т. е. терминам «процесс», «фаза» (с разновидностями), «предел», «достигнутый предел», «длительность процесса» и т. п. Подобные терминологические различия совершенно необходимы для разведения обозначений явлений внеязыковой действительности и языковых фактов, т. е. смыслов и языковых значений, и это не есть «пустое» удвоение номенклатуры.

Следует настоятельно подчеркнуть, что выделение и различение в лексическом значении глагола двух составляющих частей — «вещественного» и «акционального» — является исследовательским приемом, необходимой теоретической идеализацией в отображении, стремлением в умственном эксперименте разделить единый объект на диалектически составляющие его компоненты и описывать их как в совокупности, так и в известной изоляции. В результате этого создается соответствующая идеализированная модель, основанная на допущениях, «в которых осуществляется или элиминация (в том числе и абстрагирование), или видоизменение некоторых условий существования изучаемого предмета, что приводит к обнаружению „в чистом виде“ особых идеализированных свойств у этого предмета» [Горский 1985, с. 63]. В нашем случае такой идеализированной моделью является языковое «лексическое значение» глагола с его структурой. В опыте же дано только цельное значение лексемы, соотношенное с конкретным денотатом.

В то же время в структуре глагольного значения «вещественные» и «акциональные» компоненты оказываются сопряженными, но не однозначно детерминированными, поскольку принадлежат разным уровням отражательной семантики. «Разделение глаголов на предельные и непредельные не представляет собой лексической классификации. В каждую из этих групп попадают глаголы совершенно различных лексических значений, хотя отнесение глагола в ту или иную группу непосредственно зависит от его значения, т. е. отражает природу действия, им названного» [Реферовская 1984, с. 95].

«Вещественные» значения глаголов относятся к классу «призначных». Провести четкие границы между отдельными признаками бывает весьма сложно: они связаны взаимопереходами, но, видимо, полярность «действия» и «состояния» семантически достаточно ясна, чтобы противопоставить эти две группы глаголов, выделяемые под разными названиями в самых разных языках [Мещанинов 1948; Климов 1977; Маслов 1984]. Признак связан с его носителем, поэтому при распределении признаков, выраженных глаголами, приходится обращаться и к характеристике действующего лица (субъекта), и к характеру связи между носителем

признака и самим признаком. Таким образом в область рассмотрения признаков-глаголов вовлекаются предикативные отношения, тем самым глагол начинает описываться уже как предикат, т. е. как особая функциональная единица.

Указанный — вполне закономерный и естественный — сдвиг анализа с плоскости субстанциональных характеристик самого признака-глагола в сторону его сочетательных свойств подводит к тому, что место описания значения глагола как отдельной лексической единицы языка (эта самостоятельная морфема, как говорилось выше, имеет свое собственное значение, детерминированное внеязыковой действительностью) начинает занимать выяснение того содержания, которое передает предикативный комплекс «носитель признака — признак» в отдельном речевом акте, т. е. передаваемый речевой смысл. Поэтому вполне понятны также имеющиеся многочисленные опыты классификации предикатов, хотя в них термин «предикат» в одном из употреблений как бы приравнивается к термину «глагол» (ср.: «Термин „предикат“ употребляется для обозначения глаголов, а также различных образований с *быть* или его нулевой формой, которые могут выступать в функции сказуемого» [Семантические типы 1982, с. 3]). И все же — мы должны это отметить — «предикат» и «глагол» при указанном пути анализа никак не одно-однозначны. Здесь проявляется диалектика единичного, особенного и общего в языке. В данном случае обобщаются в первую очередь не глаголы по типам их вещественных значений, а семантические типы предикатных выражений, реализуемых в сочетаниях «носитель признака — признак (предикат)», и через них уже сами выразители признака, т. е. глаголы и атрибутивы. Действительно, «языковой знак меняет свою сущность в зависимости от угла зрения: рассматриваемый в системе, он представляет собой отношение означающего к означаемому (сигнификату), но в реализации, в конкретных высказываниях, он уже должен рассматриваться как отношение означающего к обозначаемому, точнее отношение „означающее/сигнификат“ к денотату» [Гак 1971, с. 79].

Содержательный и детальный анализ, проведенный по такой методике, изложен в упоминавшейся коллективной монографии «Семантические типы предикатов»

(1982 г.). Авторы пишут: «...представляется важным обратить внимание, во-первых, на то, что во всех рассмотренных языках классификация на действия, процессы, состояния и т. д. проходит внутри собственно лексико-семантических групп (хотя есть группы, которые образуют особую единицу и в рамках вертикальной и в рамках горизонтальной классификаций) ...» [Там же, с. 354]. Этот первый и основной вывод авторов вновь подтверждает существенность на уровне «вещественных» глагольных значений дистинкции «действие : не-действие/состояние».

Такое деление глаголов производится на основе интерпретации их семантики, анализа их лексического значения. В целом организация классов глаголов осуществляется путем обобщений свойств более частных лексических групп и отдельных лексем, при котором используются лексикологическое толкование, лексикографическое описание и соотнесение факта языка с фактом действительности, учитывающие и реальные связи признаков с их носителями. Указанные емкие парадигматические лексические группировки глаголов оказываются категориально значимыми в своих грамматических проявлениях, подчиняя себе и структурную организацию синтаксических сочетаний. По мнению И. И. Мещанинова, степень выражения «глагольности» (в отличие от «именной» признаковости) в конкретных словах определяет особенности их функционирования в строе предложения [Мещанинов 1948, с. 126—133]. Как отмечает Г. А. Климов, корреляция активных и стативных глаголов не только присуща языкам разных семей, но и может оказаться играющей «определяющую роль в структурном механизме языков», например таких, как языки «активного строя». Для языков этого строя особенности структурирования прежде всего глагольной лексики — корреляция глаголов действия и состояния — определяют структурную доминанту языков и, следовательно, все прочие импликации категорий морфологии и синтаксиса [Климов 1977, с. 177—182, 304—314].

Распространенность указанной корреляции и ее значимость, которая в конечном счете обращена к характеристике самого носителя выражаемого глаголом признака — субъекта, позволяет думать об универсальном плане этого противопоставления, свойствен-

ного языкам с оформившимся как часть речи глаголом.

Парадигматические связи между лексическими значениями оказываются существенными и для грамматических значений, характеризующих эти лексические объединения. Вообще значима для грамматики языка лексическая семантика каждого отдельного слова уже потому, что каждое слово наделено определенной классифицирующей грамматической семантикой, предвещающей участие лексемы в тех или иных грамматических (морфологических) категориях, т. е. определяющей возможности сопряжения лексического значения с теми или иными служебными значениями (служебные значения в языковой системе обязательно взаимоориентированы; см. [Гузев 1986, с. 10]). Слова, обладающие общностью лексической семантики, естественно, характеризуются и общностью грамматических свойств. Таким образом, общие «категориальные признаки в содержании слова» формируют «грамматические подклассы или, точнее, разряды лексических значений» слов [Кацнельсон 1972, с. 93, 87]. Такие группировки слов А. В. Бондарко предпочитает именовать «лексико-грамматическими разрядами» — «это грамматически значимые (т. е. существенные для грамматики) группировки слов в рамках данной части речи (т. е. подклассы той или иной части речи)» [Бондарко 1976, с. 156]. Поэтому глаголы действия и недействия, или глаголы действия и состояния, можно рассматривать как большие лексико-грамматические разряды внутри глаголов отдельного языка, которые могут делиться на подгруппы, отражающие конкретные разновидности выделенных двух типов значений и связанные между собой постепенными переходами признаков действий или состояний.

Следовательно, при распределении глагольной лексики на основании лексической («вещественной») семантики выстраивается целая пирамида соподчиненных разрядов и подразрядов, классов и подклассов и подклассов подклассов. Следует обратить внимание на тот факт, что чем ниже мы будем опускаться по такой пирамиде, тем более значимыми и выпуклыми будут становиться конкретные особенности «вещественного» содержания, выражаемого отдельной лексемой, и поэтому будет казаться, что место лексико-грамматических признаков занимают признаки лексико-семанти-

ческие и лексико-грамматический разряд пересекается уже с лексико-семантической группой глаголов. Однако это не так: здесь лексико-семантическая группа — закономерное проявление последовательного распределения глагольной лексики, основанного на лексико-грамматическом противопоставлении глаголов действия и состояния (недействия). В этом смысле лексико-семантическая группа остается столь же грамматически значимой в рамках данной корреляции, как и весь разряд, ибо в конечном счете реальное проявление этого противопоставления, реализация его свойств осуществляется через отдельно взятый глагол. Таким образом, несмотря на то что в каждом глаголе номинативно закреплено то или иное глагольное («признаковое») содержание, оно по особенностям своего проявления тяготеет к двум основным смысловым типам, о которых выше шла речь.

В нашей лингвистической литературе представлено значительным числом работ то направление изучения глагольной лексики, в котором используется тематический (денотативный) принцип организации ее парадигматических рядов. «В составе глагольной лексики уже давно выделяются и изучаются такие группы слов, как глаголы движения, глаголы речи, глаголы чувства, глаголы восприятия, глаголы мышления, глаголы звучания и некоторые другие» [Васильев 1981, с. 39; см. также: Шмелев 1973; Кузнецова 1980 и др.].

Единство «вещественной» и «акциональной» семантики в лексическом значении глагола проявляется в том, что глаголы действия характеризуются предельностью, а глаголы состояния по преимуществу непредельны. Последние отражают «собственные манифестации субъекта» (Мещанинов) и различаются уровнем активности проявления состояний, т. е. по степени динамичности и статичности признака. Во всех случаях эти проявления признаков не затрагивают смены состояний субъекта — носителя признаков, последние же могут быть более или менее постоянными или же временными. Эта динамика признаков также не затрагивает активности субъекта. К таким глаголам вполне применимо определение Ю. С. Маслова, заключающееся в том, что выражаемое ими «действие» «не создает никакого нового качества в субъекте или объекте» [Маслов 1958, с. 18], здесь субъект остается носителем своих

признаков и тех отношений, в которые он вовлекается, и в этом плане он статичен и инактивен. Таким образом, все эти глаголы реализуют один семантический тип: «недействие» и «непредельность» (по Ю. С. Маслову) или «состояние» (по У. Чейфу, И. И. Мещанинову).

Глаголы действия обозначают активную деятельность производителя, направленную на конкретный объект и имеющую конечной целью заставить этот объект принять новое состояние (обратимое или необратимое). Все они реализуют смысл „делать так, чтобы наделить объект свойством или оказать на него воздействие способом, мотивированным основой глагола“. И поэтому предельность является для всех глаголов действия исключительно сильным семантическим фактором, такие глаголы точнее называть «глаголами воздействия».

4. Таким образом, как определенные типы действий, так и определенные типы состояний, объединяемые по признакам «вещественных» (денотативных) значений, характеризуются соответствующими специфическими для каждого из них акциональными свойствами. Для каждого отдельного глагола как номинативной единицы языка единство указанных сторон является той основой, которая позволяет рассматривать одну и ту же лексему в лексикологии с точки зрения лексической семантики и в аспектологии, но уже с точки зрения ее акциональной семантики. Поскольку такое рассмотрение всегда базируется на анализе лексического значения глагола, то и тип акциональности, выявляемый в ходе данного анализа, следует определить как «лексическую акциональность (аспектуальность)», а поскольку она представлена в глагольной лексеме, то точнее ее называть «глагольная лексическая акциональность (аспектуальность)». Этот тип акциональности явно противопоставлен, с одной стороны, «неглагольной лексической аспектуальности», которая выражается с помощью разных лексических средств (наречий, частиц, существительных в обстоятельственной функции), и, с другой стороны, «глагольной грамматической (морфологической) акциональности (аспектуальности)», которая передается в глаголах специализированными морфологическими средствами (синтетическими и аналитическими формами). Возможно в качестве еще одного

типа рассматривать «контекстно-синтаксическую» аспектуальность [Бондарко 1984а, с. 76—77]. Тем самым предложенная Ю. С. Масловым схема выражения аспектуальных значений дополняется в части «глагольной аспектуальности» различием *лексических и грамматических* средств ее репрезентации [Маслов 1978, с. 23]. Данное дополнение должно отвечать особенностям языков, в которых отсутствует грамматическая категория вида, но в глаголе которых широко развиты слово- и формообразующие средства с аспектуальной семантикой.

Глагольная лексическая аспектуальность представлена в значении лексемы. Отвлеченные особенности протекания процесса, закрепленные в этом значении, наполняются смысловым содержанием в высказывании благодаря связям значения слова с соответствующими образами (денотатами), которые актуализируются при выражении конкретной ситуации. В означающем языкового знака для корневого или производного (на синхронном уровне) глагола, например в тюркских языках, как правило, нет особых формальных компонентов, несущих содержательную информацию о характеристиках развертывания процесса (его фазовой структуры, заполненности фаз, интенсивности и т. п.). Информация об этом черпается из единого значения глагола и в большей мере подсказывается знанием о свойствах реального события (отношения), отраженного в сознании. Словом, аспектуальные признаки существуют и осознаются в лексическом значении таких глаголов так же, как и достаточно отвлеченные признаки в значении имени существительного; например, в значениях слов узб. *пада* 'стадо', *гала* 'стая', *туда* 'группа', 'толпа', *йилқи* 'табун', *кўч* 'рой' «вычленяется» отвлеченное свойство — 'собирательное множество'; в словах *ўрмон* 'лес', *тукай* 'заросли', *боғ* 'сад', *чакалак* 'чаща' выступает также 'собирательное множество', но уже не существ, а растений; в словах *қулоқ* 'ухо', 'уши', *оёқ* 'нога', 'ноги', *кўз* 'глаз', 'глаза', *эмчак* 'грудь', 'груди', *тиз* 'колени', 'колени', *буйрак* 'почка', 'почки' отмечается значение 'парность' или 'двойственность' и т. п. Но все это внутренние составляющие *единого* лексического значения, соотносящегося с *целостным* отображением отдельного факта и представленного в языке через простой знак.

1 В связи с этим исследователи, описывающие лексико-семантические группы глаголов в разных языках, отмечают тот факт, что отдельные самостоятельные лексические значения могут отличаться по акциональным признакам, сохраняя идентичность или большую близость «вещественного» содержания. Так, в чувашском языке среди глаголов движения в группе, передающей ненаправленное движение, выделяется подгруппа глаголов, в лексическом значении которых отражено противопоставление по степени интенсивности процесса; ср.: *суре* 'двигаться вообще' (признак интенсивности не выделен) — *антӓл*, *ешкӓн*, *вӗс*, *ӗрӗх*, *сис* и др. 'двигаться интенсивно' (признак является компонентом значения) — *танкӓш*, *йӓшалан*, *ленкке*, *лӓпӓстат* и др. 'двигаться неинтенсивно, медленно' (признак ослабленности по отношению к норме входит в значение лексемы) [Васильева 1980, с. 14—15]. По интенсивности движения в узбекском языке различаются глаголы *югур-*, *чоп-*, *қоч-*, *ел-*, *кув-* [Халиков 1967, с. 4—5]. Точно так же можно установить акциональные различия среди узбекских глаголов звучания и говорения [Кучкартаев 1978, с. 13—14; Мухитдинова 1979, с. 19]. В русском языке в семантических классах глаголов устанавливаются акциональные (аспектуальные) противопоставления между отдельными лексемами или группами лексем [Васильев 1981, с. 42, 96, 108 и др.].

Если в непроемных глаголах их принадлежность к той или иной семантической (и, следовательно, к акциональной) группе формально не обозначена, то в производных глаголах, образуемых по определенным словообразовательным моделям, их отнесенность к семантическому классу маркирована словообразовательными формантами. В силу этого в одной семантической группе оказываются производные и непроемные глаголы, обладающие акциональной общностью, принадлежность к которой для первых обозначена, а для вторых остается внешне не выраженной. Так, в узбекском языке имеется группа отыменных глаголов, образованных при помощи аффиксов *-и-* и *-а-* и входящих в класс глаголов изменения, они имеют значение «приобрести качество, свойство, которое обозначено исходной основой» [Кононов 1960, с. 253]: *бўш* 'пустой' — *бўш-а-* 'становиться свободным', *бой* 'богатый' — *бой-и-*

'богатеть', *чанг* 'пыль' — *чанг-и-* 'покрываться пылью', *оғир* 'тяжелый', 'тяжкий' — *оғир-и-* 'заболевать', 'болеть'. Глаголы изменения образуются и при помощи аффикса *-р* (*-ар* ~ *-ир*): *эски* 'старый' — *эски-р-* 'стареть', *оқ* 'белый' — *оқ-ар-* 'белеть'; ср.: *гап* 'слово', 'разговор' — *гап-ир-* 'говорить'. Одним из распространенных значений глаголообразующего аффикса *-ла-* является указание через производящую основу на орудия или средства осуществления действия, т. е. передача в производном глаголе действия предельности этого действия: узб. *пичоқ* 'нож' — *пичоқ-ла-* 'нанести ножевую рану', *тизза* 'колени' — *тизза-ла-* 'становиться на колени', *қулф* 'замок' — *қулф-ла-* 'запирать на замок'.

Приведенные межкатегориальные словообразовательные аффиксы-форманты [Улуханов 1977, с. 110] являются носителями словообразовательной семантики и в то же время сигнализируют об определенном словообразовательном типе, порождающем соответствующую лексическую семантику со свойственной ей акциональностью. Поэтому в данном случае выражается какой-либо вид лексической глагольной акциональности, внутренне связанный с конкретным типом вещественной, денотативной семантики в рамках единого лексического значения производного глагола. Здесь формант выступает как «категоризатор»: «он маркирует принадлежность слова к определенной части речи и определенному ее семантическому разряду. . . он формирует ономаσιологический базис производного слова» [Кубрякова 1981, с. 136]. На этом основании такие словообразовательные форманты, видимо, нельзя оценивать как специализированные показатели акциональной семантики, а следует рассматривать, как это и принято в традиции, только как словообразовательные [см.: Севортян 1962].

5. Поскольку в глаголе представлен процессный признак, то он, как и любой признак, может быть охарактеризован качественно и количественно. И не случайно среди универсальных выделяются качественные и количественные стороны аспектуальности [Маслов 1973]. В отечественном языкознании уже давно отмечалась важность различия между качественными и количественными признаками процесса, обозначаемого глаголом. Так, В. В. Виноградов считал, что в русском языке «видовые соотношения покоятся на качественных

оттенках действия, а в схеме глагольного словопродизводства резко сказываются и количественные различия в проявлении действия» [Виноградов 1947, с. 501]. Развернутая характеристика этих двух типов аспектуальных значений — качественных и количественных — представлена в работах Ю. С. Маслова [Маслов 1978, 1984].

В вершину иерархической пирамиды качественных аспектуальных значений Ю. С. Маслов ставит корреляцию динамическое/статическое действие, в которой отражены «преломленные сознанием различия самих явлений действительности. . .» [Маслов 1978, с. 11]. На существенность данного противопоставления указывают также и зарубежные аспектологи Э. Даль, Дж. Миллер, Б. Комри и др. Это различие, как различие между двумя основными типами предикатов, играет важную роль в семантической структуре высказываний и в значительной мере определяет особенности их референтной соотнесенности [Семантические типы 1982]. Как уже известно, состояние (статика) и действие (динамика) — два семантических полюса, между которыми распределяется выражаемое глаголом содержание. В свое время И. И. Мещанинов, который при изучении глагольных категорий впервые широко привлек материалы неиндоевропейских языков (в том числе и тюркских), писал, что в данном семантическом пространстве можно наблюдать «постепенное сужение выражаемого процесса в его активном действии, утрату подлежащим активного содержания и переход от действия к состоянию, завершаемый формой именного сказуемого» [Мещанинов 1948, с. 130]. Качественное различие между действием и состоянием проявляет себя во многих особенностях функционирования других грамматических категорий языка, о чем говорилось выше.

Вторым качественно-аспектуальным противопоставлением Ю. С. Маслов называет оппозицию по предельности, которая проявляется только внутри глаголов действия, или динамических: действия бывают предельные и непредельные. Наконец, уже среди предельных действий их можно противопоставить по семантическому признаку достигнутой/недостигнутой предельности. Говоря о типичных языковых реализациях указанных признаков, Ю. М. Маслов отмечает, что первая

корреляция часто представлена двумя различными классами глаголов (*строить — спать*), вторая — либо отдельными глаголами (*брать — взять*), либо одним с разными значениями (*салютовать, казнить*), третья выступает в русском языке как соотношение глаголов совершенного и несовершенного вида (*разбухнуть — разбухать, делать — сделать*). Важно отметить, что в русском языке все указанные семантические компоненты «качественной аспектуальности» могут реализоваться на уровне отдельных глагольных лексем; в других языках только часть из них оказывается связанной с лексическими значениями, и на фоне «безвидовых» языков именно славянские характеризуются оппозицией двух видов в рамках одного лексического значения.

Второй тип аспектуальности — «количественная аспектуальность» — показывает кратность (повторяемость) совершения действий, их продолжительность (длительность) и меру их проявления (интенсивность) [Маслов 1978]. Так же, как и в качественной аспектуальности, здесь в выражении участвуют отдельные глагольные лексемы (*стучать — стукнуть*) и специальные морфологические формы. Кроме того, оба аспектуальных признака могут быть представлены в высказывании обстоятельственными словами — неглагольной лексической аспектуальностью (т. е. специальными лексическими средствами) или имплицироваться самой ситуацией, широким контекстом.

Изложенную структурную схему качественной аспектуальности применил к венгерскому языку Л. Дажё, отметив универсальность признаков процессов «динамический/статический» и «предельный/непредельный» [Даждё 1983, с. 4]. При этом он подчеркнул важность последнего противопоставления, которое в венгерском языке служит «исходным пунктом образования качественных и количественных способов действия» и «видовых образований» (так, аффикс *-meg* может выражать достижение предела у предельных глаголов) [Там же, с. 7].

И Ю. С. Маслов, и Л. Дажё показали, что отдельные качественно-аспектуальные значения могут выражаться с помощью морфологических средств, специально для этого предназначенных или используемых окказионально. Так, в русском языке «вторичные» состояния

передаются причастием (*мытый, накрытый, лежалый*), деепричастием (диалект. *Он был уставши*), прошедшим временем на -л (*Тучи нависли*); в венгерском есть перфективное образование на -meg и др. Такой способ не чужд и тюркским языкам. В некоторых из них, в том числе и в узбекском, результативный смысл («вторичное» состояние) выражается перфектом на -ган от пассива, который соответствует семантически презенсу объектного результата (узб. *Уй бузилган* 'Дом разрушен'), здесь существуют и лексические стативы (*Соат бузук* 'Часы испорчены', *Мотор тузук* 'Мотор исправен') [Насилов 1983, с. 120].

Очевидно, что для грамматического описания языков наиболее существенными являются морфологические средства реализации качественных признаков, функционирование которых небезразлично к лексическим значениям глаголов. Именно поэтому и важно разграничивать типы семантики, представленной, с одной стороны, значениями синтетических и аналитических форм и, с другой стороны, значениями отдельных слов — глагольных лексем.

Лексическая глагольная количественная аспектуальность также предстает как компонент лексического значения глагола. В силу классифицирующей направленности языкового мышления, а также с помощью обратной рефлексии в рамках научной теории значения лексем (и через них сами действия) могут группироваться по признакам количественной аспектуальности. «Действия (как переходные, так и непереходные) представляют собой два класса — непрерывные (напр., *несу, плыву*) и кратные, представляющие как бы ряд моментов (напр., *качать, махать*)» [Богородицкий 1935, с. 180]. Эта аналогия несчитаемым и считаемым именам существительным проявляет себя в способах выражения глагольной множественности: в «кратных» действиях может быть выделен акт, квант действия и подвергнут счету, «непрерывные» действия при необходимости их счета представляются как целые, неделимые события (напр. *Три раза плыл на этом корабле*), возможно представление действий в качестве собирательных или итеративных множеств [Насилов 1985б].

Отдельные лексические значения могут различаться и по признакам количественной аспектуальности, также

сохраняя большую близость денотативного содержания. Примеры с различием интенсивности проявления процесса были уже приведены выше. В семантической группе изобразительных (образных и звукоподражательных) глаголов противопоставление единичного акта и многоактности представлено в специальных «одиночностно-образовательных» моделях — соответственно «одиночное изобразительное слово + 'делать'» и «редуплицированное изобразительное слово + 'делать'»: узб. *шақ эт- 'щелкнуть' — шақ-шақ эт- 'щелкать'*. Здесь, как и в части рассмотренных выше примеров, наблюдается как бы пересечение лексической количественной аспектуальности с словообразовательными значениями моделей.

Если сопоставить схему аспектуальных признаков, предложенную Ю. С. Масловым, с изложенными выше акциональными характеристиками отображаемых глаголами процессов, то следует отметить, что понятия предельности, сопряженной с различием действия/состояния, а также достигнутой/недостигнутой предела, определяемой семантическим наполнением финальной фазы процесса, покрываются понятием «качественная аспектуальность». Правда, в последнем остается неразвернутым понимание фазовой структуры процесса, хотя Ю. С. Масловым используется выражение «внутренняя темпоральная структура» действия. «Параметр фазисной детерминации» не включен им в схему иерархических аспектуальных отношений, а выделен как особый признак [Маслов 1978, с. 18]. Как мы уже видели, ряд аспектологов (в том числе и тюркологи) прямо связывают фазисность с сущностью самой аспектуальности. Видимо, это действительно так, и мы старались показать, что фазовость, предельность и «вещественность» в целостном лексическом значении конкретного глагола представляют собой единство, которое определяется свойствами глагола, прежде всего как выразителя процесса, и в котором при разных углах рассмотрения выделяются указанные стороны процесса. Поэтому фазовость, или фазовую структуру процесса, следует относить к базовым, фундаментальным понятиям аспектологии. И, очевидно, не случайно тюркологи Л. Юхансон и К. Шёниг связывают с изменением фазовой структуры процессов особенности функционирования глаголов в речи.

Еще сложнее дело обстоит с «количественной аспектуальностью», которая не рассматривалась в связи с приведенными характеристиками процесса. По-видимому, вопрос о количественной характеристике процессов вообще слабо освещен в лингвистике. Как отметил В. С. Храковский, проблема осложняется еще и тем, что часто в сферу количественной аспектуальности нерасчлененно включают и явления, связанные со счетом (количество «крат», непрерывность/прерывность), и явления, связанные с измерением (длительность, интенсивность). Эти явления «явно разнокачественны и логически неоднородны, о чем свидетельствует тот факт, что количество „крат“, т. е. кратность, длительность и интенсивность могут сочетаться друг с другом и, следовательно, характеризуют одно и то же действие с разных сторон . . . Таким образом, за термином „количественная аспектуальность“ в нашем понимании не стоит какое-либо родовое обобщающее содержательное понятие; этот термин служит всего лишь меткой для объединения трех независимых аспектуальных семантических признаков» [Теория грамматики 1987, с. 124—125]. Выше, приводя слова В. А. Богородицкого, мы подчеркнули, что среди процессов можно также выделить «считаемые» и «несчитаемые» типы, причем только применительно к первым следует говорить о возможном их счете, иначе — именно к ним применимо математическое понятие множества, а «несчитаемые» типы являются, видимо, «переменными величинами» [Словарь 1965, с. 223; Мат. энцикл. I, с. 653], хотя такое противопоставление весьма относительно, так как каждый элемент множества считаемых процессов (ситуаций) есть сам переменная величина со своей количественной характеристикой (измерением) в пределах меры (одного и того же кванта процесса).

Объединение двух типов количественности в единую семантическую зону отмечается также в работе В. Дресслера, в которой представлен анализ выражения глагольной множественности в языках разной типологии [Dressler 1968]. Признак «единичность»/«повторяемость» А. В. Бондарко характеризует как один из универсальных «в понятийном поле аспектуальности», сосуществующий с признаками предельности/непредельности [Бондарко 1984а, с. 82]. В концепции М. А. Ше-

лякина, подразумевающей «широкое» понимание вида, количественные параметры процессов оказываются включенными на равных основаниях в их общие аспектуально-акциональные характеристики [Шелякин 1983, с. 52, 55, 61, 80, 184—185 и др.].

Проблему итеративности в связи со своей системой представления фазовости рассмотрел Г. Г. Сильницкий, который указал, что процессы («состояния») подразделяются на «континуальные» (недискретно членимые: *жить, лежать*) и итеративные» (дискретно членимые: *бежать*) [Сильницкий 1983, с. 60]. С его точки зрения, «повторное действие может с определенным основанием трактоваться как итеративное „макросостояние“. . . (аналитическое итеративное состояние)» [Там же]; ср. *шагать, дышать, мигать, кивать*. При этом повторяемость, представленную в глагольном значении «синтетически», т. е. являющуюся компонентом лексического значения, он называет «собственно-итеративным состоянием» (*идти, вдыхать*) [Там же]. Аналитически-итеративные процессы бывают также «непредельные», в которых представлена только медиальная фаза (—/с/—) и которые передают неограниченную повторность (*Часто писал ему*), и «предельные» со структурой —с/с/—с, обозначающие ограниченное число повторений (*Крикнул трижды, Написал три письма*) [Там же, с. 60—61]. Как видно, автор здесь описывает только итерацию процессов и не касается других количественных акциональных свойств.

Точно так же Л. Юхансон и К. Шёниг вводят понятие «серийность» (Serialität) для обозначения таких процессов, которые передают сумму отдельных деятельностей в целом в рамках нетрансформативности, хотя они по отдельности могут быть и десинентными [Johanson 1971, с. 177—199; Schönig 1984, с. 39, 64]. Итеративность, или повторение, рассматривается как особая разновидность «серийности» и относится к способу квантитативного истолкования акциональной семантики, которая может быть не только обозначена формально, но и быть имплицитной. Последнее особенно характерно для финально-трансформативных (=предельных) лексем типа тур. *al-* 'взять', но и 'брать' (несколько раз); *kalk-* 'встать' — 'вставать'; *öl-* 'умереть' — 'умирать'; *yak-* 'зажечь' — 'зажигать'; *yük-* 'оторвать' — 'отрывать' и др. [Johanson 1971, с. 198]. Это положение

вполне допустимо сопоставить с толкованием итерации у Г. Г. Сильницкого.

Детальную разработку проблема количественной детерминации процессов нашла в подготовленной к печати коллективной монографии «Типология итеративных конструкций», в которых учтены факты разноструктурных языков, в том числе и тюркских. Проблема рассматривается в рамках единой функционально-семантической категории количественной характеристики, которая состоит из системы счета и системы множественности и в равной мере относится как к субстанциям, так и ситуациям. В силу этого в семантическую сферу множественности включаются сопряженные значения однократности («единичности») и неоднократности («множественности») [см.: Теория грамматики 1987, с. 126]; в этой сфере выделяются три типа глагольного множества — дистрибутивное, мультипликативное, итеративное, — каждый из которых делится на подтипы. Как видно, такие признаки процессов, как интенсивность или степень длительности (устанавливаемые, например, Ю. С. Масловым), в данной концепции множественности в качестве самостоятельных не фигурируют, хотя и они учитываются при субкатегоризации множественности (скажем, длительность интервалов между отдельными актами или ситуациями).

Здесь же следует подчеркнуть диалектичность связи количественных и качественных признаков в лексической семантике глагола, отражающей общие закономерности в природе. Поэтому и в языке бывает трудно уловить границы их взаимного перехода и функционально-семантического пересечения.

Лексическая неглагольная количественная акциональность выражается словами, указывающими точную или неточную (неопределенную) величину повторений (осуществлений) конкретного процесса или характеризующими его интенсивность и продолжительность; ср. узб. *марта*, *сафар*, *гал* 'раз'; *бир неча марта* 'несколько раз'; *кўп* 'много', 'часто'; *кам* 'мало', 'редко'; *секин* 'медленно' и т. п.

6. В лексическое значение глагола в качестве его семантических компонентов включены акциональные признаки. На основе типизации вещественной семантики (и, соответственно, свойственной ей акциональности) или акциональной семантики (и соотносенной

с ней вещественной) можно получить лексико-семантические/лексико-грамматические классы глаголов. Каждый из них характеризуется своей акциональностью. С позиций аспектологии важны, естественно, прежде всего акциональные группировки лексем, или акциональные классы. Но это по своей сути *лексические* группировки глаголов, принадлежность которых к акциональному классу формально обычно не выражена (за исключением специфических словообразовательных моделей).

В аспектологии возникал вопрос, следует ли для *лексической* глагольной аспектуальности (акциональности) применять специальный термин. В частности, предлагался термин «характер глагольного действия», под которым понимались семантические свойства глаголов [Дешериева 1979, с. 38—40]; использовались термины «качественный тип действия», соотносимый со структурой последнего, а также «характер действия», как форма проявления способа действия, т. е. «особенности осуществления действия в обозначенном способе действия» [Шелякин 1983, с. 168, 176], применяются и другие названия [Авилова 1976, с. 11 сл.]. Смысл этих терминологических предложений определяется стремлением аспектологов четко разграничить типы семантики, связанной, с одной стороны, только с исходной глагольной лексикой, а с другой — устанавливаемой в глаголе в результате введения в него различных грамматических (морфологических) показателей, т. е. возникающей в процессе глагольной деривации.

Разведение этих двух типов акциональной семантики крайне целесообразно, поскольку оно призвано отражать существующее в языке фундаментальное противопоставление *самостоятельных* и *несамостоятельных* языковых значений, последние из которых, как правило, и формализуются в языке [Гузев 1987, с. 33—36; 1986]. Л. М. Васильев отмечает: «Попытки разграничить лексические, словообразовательные и грамматические значения в семантическом (содержательном) плане еще не увенчались успехом» [Васильев 1981, с. 22]. Действительно, отделить первый тип значений от двух других весьма сложно, поскольку они противопоставляются не по своей сущности, а прежде всего по «формам своего выражения и существования»

[Кубрякова 1981, с. 143]. В. Г. Гузев показал, что приведенная триада значений перекрывается более важным для языка противопоставлением самостоятельных и несамостоятельных значений, в котором самостоятельные существуют только в форме лексических значений, а несамостоятельные представляются как лексическими, так и грамматическими типами; помимо классифицирующих, выделяются четыре их разновидности: служебные лексические, словообразовательные лексические, служебные словообразовательные, служебные словоизменяемые [Гузев 1987, с. 35]. На близких позициях (правда, если еще сильнее отвлечься от «флективного фетишизма» [С. Д. Кацнельсон]) стоит также М. В. Никитин, который использует понятия «номинатор» и «фиксатор» смысла [Никитин 1983, с. 6—23]. Учитывая такие важные в типологическом плане языковые противопоставления, следует решительно подчеркнуть, что, хотя акциональная семантика глагольной лексемы соотносима с акциональной семантикой, вносимой деривационной морфемой, они тем не менее принадлежат к разным функциональным уровням языка, что не безразлично для функциональной грамматики языка как таковой.

В связи со сказанным становится понятным, что всякая аспектологическая терминология, затеняющая указанное языковое различие, должна восприниматься критически. К ряду подобных терминологических неточностей, видимо, можно отнести употребление термина «способ действия» и для *лексической* глагольной акциональности и для *грамматической* (*морфологической*), представленной, например, в русском языке глагольными приставками и суффиксами. На таком использовании термина настаивает М. А. Шелякин, который считает, что «способы действия свойственны всей глагольной лексике независимо от особенностей своего выражения» [Шелякин 1983, с. 25], а сами способы действия формируются только на основе общностей лексических значений глаголов как некоторых семантических группировок. Он в то же время возражает тем аспектологам, которые стремятся различать акциональные значения по форме их существования и выделить акциональность, связанную с деривационными морфемами, применив только к последней понятие «способ действия» [Там же, с. 19—26]. Отмечая, что

в русском языке, обладающем грамматически представленной категорией вида в любом глаголе, аспектуальность всегда репрезентирована формально, М. А. Шелякин использует этот довод в качестве решающего, поскольку на фоне взаимосвязей всех аспектуальных значений к способам действия будут принадлежать «особенности лексических значений всех глаголов, так или иначе коррелирующие с общей зоной аспектуальности и не обязательно выраженные специальными модифицирующими морфемами» [Там же, с. 20]. Однако, как представляется, такое «широкое» понимание способа действия нецелесообразно и для русского языка (не говоря уже о языках «безвидовых»), по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, — и это основное, — оно снимает то важнейшее противопоставление внутри языковой семантики, о котором шла речь выше, а именно различие самостоятельных (знаменательных) и несамостоятельных (словообразовательных и «служебных») значений; во-вторых, оно уравнивает в значимости акциональную структуру отдельной простой глагольной лексемы (ее фазовая структура и предельность получают новое наименование, что дает основания предполагать существование какой-то иной сущности) и структуру деривата, действительно получающего дополнительную семантику через приращение служебного элемента со своим значением.

Отметим также, что в дальнейшем и М. А. Шелякин выделяет все-таки первичные, или «базисные», способы действия, которые «по природе» присущи глаголам без формальных показателей, и вторичные, «модифицирующие или характеризованные способы действия», которые выражаются формально [Шелякин 1983, с. 171 — 177]. Естественно, что для глаголов, «обладающих» способами действия первого типа (неформализованных, «нехарактеризованных»), встает проблема их семантической группировки, объединения на основе этих способов действия, и разные авторы предлагают многие вариации таких акциональных групп. Правильно отметил В. В. Гуревич, что «если к способам действия относить такие семантические группировки, как глаголы состояния, перехода в состояние, отношений, движения, развития, то нет оснований не считать способами действия и глаголы чувства, мысли, говорения,

желания, положения в пространстве и т. д., и тем самым способы действия просто растворяются в семантических группировках глаголов» [Гуревич 1974, с. 83].

С изложенных позиций, в общетеоретическом плане, оправданном и с точки зрения структуры языковых значений вообще, и с точки зрения классификации аспектуальных значений, предпочтительнее «узкое» понимание способа действия, ориентированное на обозначение только одного из обсуждаемых типов аспектуальных (акциональных) значений. Подчеркнем еще раз, что предлагаемая трактовка непосредственно вытекает из признания единства языковой семантики, представленной в разных формах своего существования (Е. С. Кубрякова). Следовательно, возникает целесообразность терминологически обозначить те специфические «формы», в которых выявляется тот или иной вид языкового содержания, в данном случае разновидность аспектуальной семантики — акциональность. Как уже указывалось, здесь имеются два типа: акциональность глагольной лексемы и акциональность морфемы какого-либо способа действия, взаимодействующая в процессе деривации с лексической акциональностью; первая существует на уровне отдельной лексемы (самостоятельная, знаменательная семантика), вторая — на уровне морфемы (в речи также и деривата), являя несамостоятельную, морфологическую семантику.

Необходимо отметить также известную относительность моментов тождественного и различного в проявлении акциональной семантики указанных двух типов, в частности их сближение обнаруживается в сходстве семантических эффектов употребления как «нехарактеризованной» лексемы, так и «характеризованного» деривата в тех или иных видовременных формах и различных синтаксических конструкциях, в образовании и значениях форм перфекта, результата, пассива и т. п. Последнее не может быть безразличным для систематизации глагольной лексики в грамматическом и лексико-семантическом плапах. Наше положение облегчается тем, что в тюркских языках аспектная (видовая) семантика не закреплена за отдельной лексемой, предельность/непредельность также очень часто не выражена формально, а морфологическая акциональность показана формально. Сказанное, как пред-

ставляется, и дает возможность отстаивать узкое толкование способа действия в тюркских языках.

Как известно, в отечественной аспектологии определенная группа ученых связывает с термином «способ действия» акциональную семантику, представленную только в глаголе с деривационными морфемами. Среди них можно назвать русистов В. В. Виноградова, Е. А. Земскую, Т. Н. Молошную, А. Н. Тихонова, А. М. Ломова, Н. С. Авилову, В. В. Гуревича и др., а также представителей иных специальностей — В. С. Храковского, Б. Х. Ризаева, Ф. А. Ганиева, Б. А. Серебренникова, Х. К. Сайкиева и др.

Развернутое обоснование своей точки зрения дал В. С. Храковский, который подчеркнул, что «более перспективной представляется трактовка способов действия как определенных типовых значений, которые, присоединяясь к значениям исходных глагольных лексем порознь или в комбинации друг с другом, формируют различные семантические классы глаголов (или специфических глагольных конструкций). При таком подходе понятия способа действия и семантического класса отличаются друг от друга. . .» [Храковский 1980, с. 9]. С его точки зрения, при образовании способа действия от исходного лексического значения глагола того или иного семантического класса возникает новое значение, которое можно назвать «суммарным или интегративным», причем лексическое значение исходного глагола сохраняется [Там же, 11]. Отсюда следует вывод, что «к способам действия целесообразно относить только „вторичные“ значения, т. е. такие значения, которые могут функционировать, лишь сопровождая „первичные“ лексические значения» [Там же, с. 11], и что значения каждого способа действия должны быть формально выражены. Тюркологи Л. Юхансон и К. Шёниг придерживаются только такого понимания способа действия.

Таким образом, мы подошли к определению способа глагольного действия как такого семантического аспектуального понятия, которое связано с несамостоятельной языковой семантикой, т. е. с выражением дополнительных деривационных значений в глаголе: с формальной стороны эта семантика обязательно представлена внешними выразителями — грамматическими (морфологическими) показателями. Способы действия в та-

ком понимании служат уточнению семантики процесса, добавляя дополнительные значения к лексическому значению исходного глагола. Они действительно оправдывают свое наименование, показывая, каким способом осуществляется тот или иной процесс, как он протекает и развивается.

Однако и при таком понимании способов действия остается спорным определение их семантических границ. Л. Юхансон и К. Шёниг, как известно, считают, что способы действия призваны прежде всего изменять фазовую структуру процесса, выделяя или ослабляя в последней ту или иную фазу [см. гл. 1]. В их концепции способ действия выступает как модификатор, или специализатор фазовой структуры, что приводит к преобразованию объективного содержания самого действия, поскольку каждое действие характеризуется своей фазовой структурой. Модифицирующую роль «характеризованных» способов действия признает и М. А. Шелякин; они отличаются тем, что «не изменяют предметно-понятийных признаков глагола» [Шелякин 1983, с. 173]. Вообще многие аспектологи используют слова «модификатор»/«модификация» при описании образования способов действия; будем использовать их и в настоящей работе.* Правда, В. С. Храковский возражает против употребления слова «модификация» по отношению к лексическому значению, поскольку, по его мнению, при образовании способа действия на самом деле «видоизменения лексического значения не происходит»: к нему только добавляется значение определенного способа действия [Храковский 1980, с. 41].

За недостатком места здесь нет возможности обсуждать общезыковедческий вопрос о сути приращения служебного значения к знаменательному: есть ли это простое суммирование или же сложная интеграция значений. Заметим, что лексическое значение, как было показано, сложное явление — и если допускать тождественность вещественной семантики глагола, то его акциональная составляющая, видимо, претерпевает изменения, вносимые морфемами способов действия. Так, А. М. Ломов различает в русском языке процесс пер-

* Ср.: Модифицировать... «вносить изменения, сообщающие чему-либо новые признаки, свойства, видоизменять» (Словарь иностранных слов. Изд. 10-е. М., 1983, с. 318).

фективации «понятийно-акциональный» и «собственно акциональный»; последний не меняет «общепонятийной характеристики глагольного действия, обозначенного производящей основой, он лишь модифицирует акциональные признаки этого действия» [Ломов 1977, с. 22].

Важно другое. Кажется, все аспектологи едины в том, что изменения фазовой структуры и предельности в глаголе определенно принадлежат к функциям способов действия (терминология может здесь быть различной). Но, как мы видели выше, количественную квалификацию не все включают в сферу способов действия (см.: Юхансон, Шёниг). В. С. Храковский из сферы количественности исключает интенсивность. Еще более спорен вопрос о пространственных и векторных (направленности) значениях, находящихся выражение в тюркских языках с помощью служебных морфем (например, в таких противопоставлениях: 'войти' — 'выйти', 'прилететь' — 'улететь', 'взять себе' — 'взять другому', 'оживать [и стать живым]' — 'оживать [приобретая все более свойства живого]' и т. п.). Наконец, возможны дополнительные модальные характеристики процессов: 'писать' — 'пробовать писать', 'пить' — 'делать вид, что пьешь' (сводку значений см.: [Насилов 1978, с. 136—137]).

Какое теоретическое решение можно предложить для уточнения семантической зоны способов действия как модификаторов значения базовой лексемы? Представляется, что в самом общем виде здесь можно исходить из следующих посылок. Определенно будем считать, что способы действия всегда связаны только с изменением акциональной части лексического значения глагола, т. е. с модификацией или спецификацией его процессной составляющей, поэтому «вещественный» (денотативный) компонент лексического значения в таких случаях остается самим собой. Поскольку каждая лексема несет информацию о фазовой структуре процесса и соответственно с ней передает признак предельности/непредельности, то именно с изменением этих двух обязательных характеристик и связано прежде всего приращение семантики показателей способов действия. Поэтому совершенно верно некоторые из упоминавшихся аспектологов считают основной функцией способов действия модификацию глагольной фазисности — подчеркивание, выделение, актуализацию одной

из фаз процесса и вызванное этим преобразование его предельности. Пожалуй, как раз к таким способам действия допустимо применить понятие «базовых», поскольку они связаны с сущностными характеристиками любых процессов, можно называть их способами 1-й степени, или 1-го ранга. Именно это качество определяет универсальность таких способов действия.

Каждый признак представлен в определенной мере, соответствуя понятию нормы или нарушая ее либо в сторону увеличения своего проявления, либо в сторону уменьшения, ослабления. Поэтому измерение признака-процесса, видимо, следует признать одной из важнейших процедур, находящих выражение в способах действия. В многофазовом процессе оно может относиться к разным фазам; ср.: 'тлеть' — 'медленно тлеть', 'погулять' — 'немного погулять', 'давить' — 'сильно давить', 'разбить' — 'основательно разбить' и пр.

Процесс длится во времени, и представление о его продолжительности неразрывно сопровождает каждое наименование процесса, в котором этой величиной может характеризоваться одна из фаз (при его многофазовости); ср.: 'сразить' — 'быстро сразить', 'досыпать' — 'медленно досыпать', 'подъезжать' — 'медленно ~ постепенно подъезжать' и т. п.

Действительно, указанные два типа детерминации процессов являются важными их признаками, которыми охватываются большинство процессов (если не все). И совершенно справедливо Ю. С. Маслов относит их к ведущим акспекуальным признакам. Учитывая тот факт, что они принадлежат хотя и к важным признакам, но все же признакам, лишь дополнительно характеризующим процессы, способы действия, репрезентирующие отношение к норме данного процесса (интенсивность) и его длительность, следует назвать способами 2-й степени, или 2-го ранга.

Отдельные типы процессов (считаемые) могут быть подвергнуты разным видам счета. Представляется, что количественная характеристика процессов действительно, как и отмечает В. С. Храковский, есть явление много уровня по отношению к семантической организации глагола. В конце концов, объединять ли указанные три последние группы способов действия в количественные или нет, это вопрос теории или термино-

логи: (интенсивность и длительность, однако, могут быть сами измерены и представлены в количественном выражении). Но ономаσιологические причины сочетаемости способов действия 2-го ранга с количественными заключаются в том, что эти способы действия характеризуют процесс с разных сторон, отражая отдельные свойства реальных событий. Поскольку при таком рассмотрении количественность получается третьим семантическим слоем в структуре осложненного лексического значения глагола, в некотором роде внешним по отношению к внутренней структуре всего процесса, то способы действия, ее репрезентирующие, следует определить как принадлежащие к 3-й степени, или 3-му рангу.

Наконец, также внешней по отношению к внутренней семантике оказывается и характеристика направленности процесса (пространственной ориентации), которая, несомненно, накладывается на лексическое значение глагола; ср.: 'двигаться' — 'двигаться в направлении к субъекту' — 'двигаться в направлении от субъекта' — 'двигаться книзу' — 'двигаться через (что-л.)' и пр. Эти способы действия следует отнести к 4-й степени, или 4-му рангу. Можно заметить, что чем далее от модификации внутренних свойств процесса удаляется семантика присоединяемых морфем, тем шире она охватывает лексическое значение в целом, захватывая при этом и его «вещественные» компоненты. Результат этого процесса — появление лексемы не с модифицированным акциональным компонентом, а с новым вещественным (денотативным) содержанием. Именно здесь чаще всего и осуществляется лексикализация комплекса «исходная лексема + модифицирующий глагол», который превращается в словообразовательную модель, представленную сложным глаголом; ср.: узб. *бостириб кир-* 'вторгнуться' = 'войти подавляя', *бўлиб чиқ-* 'оказаться' = 'став выйти', *етиб кел-* 'прибыть' = 'достигнув прийти' [подробнее см.: Юлдашев 1965, с. 44—53; 1977, с. 89—109].

Как видно, образуется определенная иерархия служебной семантики, представленной способами действия. Их значимость в модификации (спецификации) лексического значения глагола зависит от степени или глубины преобразования акциональной составляющей: чем теснее семантика способа действия связана с акциональной структурой процесса, тем более она носит характер

словоизменительной, точнее — формообразующей семантики, менее всего затрагивающей денотативную часть семантики лексемы; и эта служебная семантика обязательно репрезентируется с помощью служебных морфем (или более обще — с помощью одного из «грамматических способов» [Реформатский 1967, с. 248, 253]).

Приведенная схема структурирования аспектуальной (точнее — акциональной) семантики имеет, видимо, и онтологические основания. Так, В. Г. Гак устанавливает для любой выражаемой ситуации необходимость ее «координации» по двум обязательным признакам — временному и пространственному, между которыми имеется глубокое различие: «Временная координация устанавливает отношения между состояниями *данного объекта, вне связи его с другими объектами.* Пространственная координация *обязательно* требует *наличия второго объекта,* относительно которого характеризуется первый» [Гак 1973, с. 360. — Курсив мой. — Д. Н.]. Подобно этому, когда дело касается всех характеристик временной структуры процесса (фазовость, мера длительности и интенсивности, хотя в отношении последней следует сделать оговорки), то они относятся к одному процессу, как мы говорим, характеризуют его внутренне. Если же перейти к пространственной ориентации процесса, то устанавливается его отношение к другим, внешним объектам (это может быть говорящий, оценивающий направленность процесса, или какой-либо другой отдельный объект ~ объекты). Внешние связи по-иному влияют на свойства самого процесса, вовлекая его в связи с другими элементами высказывания. И тем не менее, как представляется, эти связи определенным образом характеризуют процесс и поэтому все-таки принадлежат к акциональной сфере. Отметим, что здесь наиболее вероятны пересечения с другими семантическими полями, прежде всего с полями залоговости и персональности, которые определяют участников процесса.

Итак, форма конкретного способа действия есть единство определенного служебного содержания и формальных средств выражения последнего применительно к отдельному процессу, обозначенному данным глаголом. Способ действия — это дополнительная характеристика процесса в плане особенностей его фазо-

вого структурирования, а также развертывания: отношения к его мере (интенсивность), количественной детерминации, пространственной ориентации или других свойств, находящихся в конкретном языке выраженные грамматическими способами.

Еще раз подчеркнем, что в тюркских языках указанные характеристики процессов не принадлежат к обязательным, поэтому в каждой словоформе не обязательно представлены показатели способов действия; иначе говоря, *лексическая* глагольная аспектуальность в тюркских языках не обязательно сопровождается *морфологической* (грамматической) аспектуальностью (акциональностью).

Заканчивая раздел о типах акциональных характеристик процесса, представленных способами действия, следует еще раз вернуться к заданному М. А. Шелякиным риторическому вопросу: не таит ли в себе расширение сферы содержания акциональности (и аспектуальности вообще) сведение всяких ее проявлений «к любой адвербиальной характеристике глагольного действия», к потере семантических границ в целом? [см.: Шелякин 1983, с. 15]. Ответ может быть только однозначен — нет, абсолютного размывания границ не произойдет, если связывать, конечно, аспектуальность с характеристиками процесса (в чем, кажется, разногласий нет), т. е. иметь в виду преимущественно акциональность. И вот почему.

Как было выше отмечено, типы языковой семантики различаются не по своему содержанию, а по формам своего существования в языке. В конкретном языке! И здесь вступает в силу закон (или принцип) избирательности, «действующей в сфере лексики и грамматики, как один из главнейших факторов создания структуры любого языка» [Серебренников 1955, с. 54]. Именно этим принципом определяется тот факт, что различия между языками прежде всего сводятся к различию в способах «коммуникативной классификации конкретных и абстрактных смыслов, к специфике членения смыслов на значения при передаче ситуативного содержания» [Мельников 1974, с. 32]. Поэтому в разных языках оказываются закрепленными за разными слоями языковой семантики самостоятельные (знаменательные) и несамостоятельные значения, первые из которых ассоциированы всегда со словами, а вторые и со слова-

ми (служебными лексемами), и с «техническими средствами» (морфемами) [подробнее: Гузев 1987, с. 35], и распределение это в любом языке избирательно.

Таким образом, (при)глагольная адвербиальная семантика вообще, т. е. связанная с описанием особенностей структуры и протекания процесса, может остаться на уровне самостоятельных лексем и не получать специального морфологического выражения (ср. английский язык, в котором очень немного специальных аспектуально-акциональных служебных морфем), но может находить отражение и во многих служебных морфемах (как в русском языке), а в качестве служебных морфем (технических средств) используются аффиксы и служебные слова (лексемы), в случае тюркских языков — глаголы в служебном значении в составе «аналитических морфем, формативов». В силу этого в языке устанавливается синонимия средств выражения аналогичной семантики. Эти явления являются онтологической базой для функциональной грамматики, опирающейся на теорию функционально-семантических полей [Бондарко 1984б]. В ее основе лежит представление о том, что определенные смыслы, включаемые в значения грамматических форм и конструкций, могут быть реализованы с помощью единиц различных языковых уровней, причем функциональная нагрузка единиц каждый раз определяется их системными связями и особенностями межуровневого взаимодействия. Следовательно, принципиально важно, как в языке выражается приглагольная адвербиальная семантика, какие здесь доминируют средства. Поэтому все особенности процессов «с точки зрения протекания и распределения во времени» [Маслов 1978, с. 8] оказываются входящими в зону аспектуальности, в том числе и акциональности. Но для грамматики (морфологии) важны не сами по себе эти свойства, а то, какими техническими средствами и как и в каком соотношении с лексическими (двух типов) представлены они в конкретном языке. Отсюда ясно, как сложно говорить об их единой языковой типологии, если не забывать, конечно, о принципе избирательности в языке.

В связи со сказанным следует отметить, что структура поля аспектуальности в разных языках неодинакова. В содержательном плане, как представляется, его центром остается фазисность, затем следуют се-

мантические характеристики длительности и интенсивности (количественные параметры), ближе к периферии стоят счет и измерение, а также пространственные признаки. Однако план выражения в том же поле может структурироваться по-другому, он определяется наличием в данном языке технических средств представления той или иной акциональной семантики, уровнем их морфологической категоризации, т. е. соотношением в языке самостоятельных и служебных морфем с этим типом семантики. Здесь снова действует закон избирательности в организации языковых средств. Различия в формальном структурировании поля аспектуальности показательны на примере русского языка, немецкого языка и языков тюркских. Для первого характерно четко центрированное поле с видом как морфологическим ядром, вокруг которого располагаются способы действия и другие компоненты поля. В немецком языке очерченного круга морфологических форм нет, здесь играют роль временные формы, важные с точки зрения организации аспектологического контекста, а также способы действия, лексические средства и другие периферийные по отношению к морфологии явления. Сходная картина наблюдается и в тюркских языках, где особое место принадлежит видовременным формам, сложновербальным конструкциям со значениями способов действия и другим средствам с аспектуальной семантикой.

7. Естественно встает вопрос о грамматическом статусе словоформ, содержащих показатели способов действия: присоединение показателей есть процесс словообразования или это словоизменение (формообразование)? Так как акциональная семантика служебных морфем ничем не отличается от других видов несамостоятельной языковой семантики, то в общем плане данный вопрос должен решаться так же, как и для других случаев различения в синхронии словообразовательных и словоизменятельных значений. Как и для других любых фактов, здесь встает проблема тождества слова: приводит ли деривация к возникновению новой единицы словаря с новым номинативным содержанием, или же сохраняется старое слово, только с дополнительным содержанием; новое образование есть элемент словообразовательного или же парадигматического ряда. В аспектологии указанные вопросы еще далеки от

своего решения. Их конкретное освещение опирается на подходы ученого к отграничению аспекта от способа действия, на понимание соотношения грамматического и лексического, на толкование содержания грамматической категории вообще.

Наиболее популярной в славянской аспектологии является трактовка способов действия как факта словообразования, хотя и специфического. Здесь специфично то, что такие модификации лексического значения глагола «не изменяют предметно-понятийных признаков глагола» [Шелякин 1983, с. 173], это «регулярные модификации значений простых глаголов при помощи определенных формальных средств» [Авилова 1976, с. 265], «они не затрагивают индивидуальной семантики исходного глагола», которая остается «абсолютно тождественной» [Исаченко 1960, с. 223]. Отказывая средства словообразования в формообразующих функциях, аспектологи-слависты исходят из принятых в индоевропейском общем языкознании представлений о сущности словоизменительных категорий — их бинарности, обязательности, парадигматической емкости, — что разделяется не всеми исследователями других областей языкознания [Касевич 1977, с. 55; Гузев, Насилов 1981]. Дело усложняется также тем, что показатели способов действия (например, приставки) могут выступать в чисто словообразовательной функции (*лечь* → *встать*, *ступить* → *выступить* и т. п.), т. е. совмещать обе функции.

Предлагают относить семантику способов действия к типу «классифицирующей» грамматической семантики, формирующей классы слов [Касевич 1977, с. 77]; однако, видимо, вряд ли способ действия можно определить как «грамматический класс» слов, стоящий на том же уровне, что и части речи или род существительного (действительно обязательная категория!). К тому же класс формируется не на основе единого значения способа действия, а исключительно на базе значений его формальных показателей.

Идея, что способы действия есть прежде всего «семантические категории» и что каждый новый способ выражает *другое* действие, принадлежит Э. Кошмидеру, который считал поэтому невозможным исчислить в языке способы действия [Вопросы 1962, с. 107—110]. В этом он отступал от взглядов С. Агрелля, указы-

вавшего, что «приставки не сообщают глаголу никакого существенно нового значения, а лишь обозначают, как совершается действие» [Там же, с. 35]. Взгляды Кошмидера получили в дальнейшем поддержку у ряда аспектологов. Нашли они отражение также и в концепциях Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко, М. А. Шелякина и некоторых других аспектологов [Шелякин 1977, с. 3—13]. Как уже говорилось выше, с наших позиций в таком подходе выявляются неточности, поскольку здесь стирается различие между знаменательными (самостоятельными) и несамостоятельными значениями, представленными в отдельном языке.

Если лексическое значение рассматривать нерасчлененно, как единое целое, то, естественно, показатель способа действия нарушает эту целостность и тем самым «изменяет» его. Поэтому и создается возможность говорить о «новом» лексическом значении глагола. Однако если в лексическом значении выделять и «вещественную», и акциональную части, то среди способов действия выявляются такие, которые безусловно затрагивают только последнюю, оставляя денотативную часть в целостности. Этим объясняется тот факт, что ряд аспектологов расценивают способы действия и как представителей «акционально-аспектуальной парадигмы для исходных глаголов» [Шелякин 1983, с. 173]. Отсюда один шаг к тому, чтобы признать способообразование явлением промежуточным, стоящим между словообразованием и формообразованием, колебания между которыми определяются в каждом конкретном случае свойствами производящего глагола и семантикой показателя способа действия.

Для тюркских языков рассматриваемая проблема осложняется еще и тем, что средствами образования способов действия выступают не только синтетические показатели, но и аналитические форманты с использованием так называемых вспомогательных глаголов. Поэтому возникает необходимость различения аналитической формы способа действия и сложного составного глагола как продукта словосложения. Сложные слова в тюркских языках представлены весьма широко, они являются типичными для всех частей речи, а прием словосложения, прежде всего в парных словах, выступает одним из грамматических способов [Дмитриев 1962, с. 133—152; Щербак 1977, с. 17—20]. Компоненты слож-

ных образований объединяются на основе принципа семантической дополнительнойности, при этом сохраняется закономерный порядок расположения элементов тюркского словосочетания: слово с более конкретным значением предшествует слову с более общим значением [Егоров 1971, с. 99—107]. В квалификации сложно-вербальных форм способов действия мы не увидим единодушия среди тюркологов.

Для А. А. Юлдашева образование «видов» (у него широкое понимание термина «вид») — всегда область словообразования (и в русском, и в тюркских языках), именно внутриглагольного словообразования [Юлдашев 1965, с. 41; 1977, с. 110]. Рассматривая роль вспомогательного глагола, формально сочетающегося с деепричастной формой предшествующего глагола, А. А. Юлдашев приходит к важному теоретическому заключению, что в сложном глаголе необходимо выделять единую спаянную аналитическую форму, «аналитическую морфему» как единый форматив. Сложный глагол поэтому есть не сочетание деепричастной формы и вспомогательного глагола, а сочетание основного глагола с морфологизированным формативом, имеющим внешнюю структуру «деепричастие *-n/-a* + глагол-модификатор». «Аналитические формы глагола представляют собой нечленимый синтез формы полнозначного глагола и определенного служебного слова, скрепленный грамматическим значением, которое, во-первых, не представлено ни в одном из объединяемых структурных элементов и возникает только в пределах данного их сочетания; во-вторых, является устойчивым и общим для всех логически возможных случаев применения данного сочетания — следовательно, безотносительным к лексическому содержанию основы, при которой это сочетание употребляется; в-третьих, составляет стилистический вариант значения другой формы или самостоятельную, ничем не заменимую смысловую единицу в грамматической системе глагола» [Юлдашев 1965, с. 25—26]. С этим развернутым определением можно вполне согласиться, поскольку в нем, с нашей точки зрения, точно раскрывается грамматическая сущность структурной организации аналитической формы, или «аналитического форматива».

А. А. Юлдашев отводит в последнем для вспомогательного (служебного, модифицирующего) глагола роль

служебного слова, т. е. статус несамостоятельной лексической морфемы. При анализе конкретных случаев он пытается охарактеризовать степень (уровень) потери этой морфемой своего лексического значения («полностью», «почти», «частично» и т. п.), а также сохранение синтаксических связей между компонентами. Однако для несамостоятельной морфемы, ведущей лишь свое происхождение от отдельного слова и развивающейся по направлению к грамматическому показателю, важен собственно не уровень потери, уже не играющей здесь роли «вещественной» части лексемы (это важно только в плане диахронии), или «потери самостоятельного значения» (что вообще трудно измерить, так как он определяется обычно субъективными представлениями исследователя), а уровень приобретения ею нового, «служебного» качества, который уточняется уже грамматически: универсальностью, широтой применения, вхождением в разные парадигматические ряды, регулярностью, грамматической «фразеологичностью» и т. п.

Таким образом, сочетание «деепричастная форма + вспомогательный глагол (глагол-модификатор)» является в тюркских языках морфологическим средством выражения способов глагольного действия [Насилов 1971; 1976в, с. 117—119; 1978, с. 114—140; 1984], это именно вид «морфологической конструкции» [Поливанов 1928, с. 19], или аналитическая форма выражения акционального значения — конкретного способа действия глагола, который представлен основой при деепричастии. Вслед за А. А. Юлдашевым формальную часть этого сочетания можно называть «сложным аффиксом», «аналитической морфемой», «аналитическим формативом» [Юлдашев 1965, с. 268—270].

Ф. А. Ганиев указанные аналитические образования, относя их также к сфере глагольного словообразования, называет сложными или составными глаголами, которые являются «одним из видов сложных слов в тюркских языках» [Ганиев 1980, с. 65—71]. Он критически оценивает точки зрения тюркологов, которые видят в них явление формообразования [Там же, с. 47]. Он отмечает, что «составные глаголы отличаются от тех простых глаголов, от которых они образованы, прежде всего своим дополнительным лексическим значением. Поэтому все составные глаголы представляют новое слово в сравнении с простыми глаголами, от которых

они образованы, и относятся к системе словообразования, а не словоизменения. . . С точки зрения словообразования вспомогательные глаголы в татарском языке напоминают русские приставки с реальным значением» [Там же, с. 47—48]. Основываясь на этих положениях, он предлагает во изменение тюркской лексикографической практики включить в словари значительное число аналитических форм способов действия в качестве полноправных словарных единиц [Там же, с. 65—71], число которых может достигать десятков тысяч (если в словаре около 50 тыс., то включение сложных глаголов дает 100—150 тыс. слов). Так признание за способообразованием чисто словообразовательного статуса подводит автора к значительному расширению словаря за счет регулярных типизированных словоформ.

Осторожнее о положении указанных форм в языке высказывается А. М. Щербак. Он считает, что они в грамматике занимают особое место, хотя их квалификация «как *своего рода форм* не вызывает сомнений» [Щербак 1977, с. 18. — Курсив мой. — Д. Н.]: «грамматикализованные перифрастические образования, будучи соотносимыми по содержанию с отдельными словоформами, а по форме — со словосочетаниями, являются устойчивыми лексико-грамматическими сочетаниями и обособление их от обычных парадигматических форм не содержит в себе ничего ошибочного» [Там же, с. 19]. Характерной особенностью этих образований он считает тесное переплетение в них грамматической «идиоматичности» с лексической: «в процессе семантического взаимодействия включаются, с одной стороны, содержание основы, с другой — лексические значения окказионально формализованных глаголов» [Щербак 1981, с. 136]. Однако А. М. Щербак все сочетания с вспомогательными глаголами рассматривает среди форм словоизменения глагола.

Проблема сдвига лексического значения при возникновении сложновербальной конструкции со значением способа действия, видимо, действительно не поддается однозначному решению. Сочетаемость лексических и деривационных значений, как уже указывалось, сложный мыслительно-языковой процесс эвристического их синтезирования. Однако в любом случае необходимо подчеркнуть тот факт, что результатом такой

деривации всегда бывает наращение акциональной характеристики процесса, причем новый компонент лексического значения, выраженный формально, отличается большой обобщенностью, абстрактностью, тип которой выявляется в целом подклассе таких образований, т. е. обладает определенными свойствами грамматичности.

Отношение к указанной проблеме характеризует два направления лингвистической мысли. Акциональные семантические элементы принадлежат к интерпретационным семантическим явлениям. Это побуждает считать их принадлежностью лексических значений: «вещественное» значение существует как бы чисто «объективно», а именно акциональные моменты и создают интерпретационный ракурс. Надо учитывать еще и то обстоятельство, что во многих случаях акциональный компонент не имеет в глаголе самостоятельного формального проявления (он слит в едином значении лексемы). Когда же отдельные акциональные элементы оказываются представленными разными формантами при одной и той же основе, которой в данном случае можно «приписать» только чисто «вещественное» содержание, то создается проблемная ситуация. Здесь имеем дело потенциально с двумя уровнями лексемного обобщения: 1) можно принять во внимание только «вещественную» основу, — получится одна лексема с какими-то морфемно выраженными вариациями семантики в пределах лексико-семантических вариантов; 2) дана возможность применить более низкий уровень абстракции и учитывать, сколько наблюдается функционально-морфологических вариаций с одним и тем же «вещественным» ядром. По-видимому, альтернативно разрешить указанную ситуацию невозможно. Практическая лексикография и не действует здесь альтернативным способом, она руководствуется не сугубо грамматическим (морфологическим) подходом, а использует иной принцип: существенность того или иного расщепления значения в плане речевого узуса. В тюркских толковых, а также и в двуязычных словарях фиксируются только те акциональные бивербальные конструкции, которые в речевой практике закрепляются для реализации совершенно определенных узуальных смыслов. Такая картина с тюркскими акциональными формами аналогична той, которую рассматривает В. М. Пав-

лов относительно немецких композит, отмечая разный уровень их лексикализации [Павлов 1985, с. 272—297].

Укажем фиксируемые тюркологами грамматические факторы этих форм. Как считают А. А. Юлдашев и А. М. Щербак, к ним принадлежат такие, как (1) отсутствие реальных синтаксических отношений между компонентами, (2) относительно свободная (в пределах конкретной лексической группировки или всей глагольной лексики) заменяемость основ в первом компоненте при устойчивости второго, (3) морфологическая «идиоматичность», (4) отличные от исходного сочетания морфологические связи (изменение формообразующей потенции), (5) наличие устойчивой акциональной семантики, определяемой участием конкретного глагола-модификатора, который собственно и детерминирует возникновение самого данного образования, (6) сохранение содержания первого элемента, которое лишь уточняется в конструкции акционально, (7) конструкция, соотносящаяся с одним референтом (второй ее элемент «не имеет своего самостоятельного референта»), (8) аффиксы, присоединяющиеся ко второму элементу, но имеющие «своей целью уточнить содержание первого элемента, а не второго», (9) внешние синтаксические связи, определяющиеся только первым элементом — глаголом, стоящим в форме деепричастия [Юлдашев 1965, с. 49—51, 53—55; Щербак 1977, с. 18—19]. Конечно, важнейшим является тот факт, что здесь наличествует определенный тип языковой семантики — акциональная семантика характеристики самого процесса, и она, по-видимому, ничем не отличается по уровню абстрагирования от других подобных типов, например семантики падежей в тюркских языках.

Трудности, испытываемые аспектологами в данных вопросах, представляются совершенно обоснованными. Область акциональной деривации, сфера способов действия глагола, захватывает разные языковые уровни и расположена в пограничных областях, проникая в денотативный, словообразовательный и категориально-грамматический ярусы языковой семантики. И это не случайно: модификация именно качественно-количественных признаков процесса может нарушить естественную меру данного процесса, и в таком случае в сознании носителя возникает представление уже о новом процессе, отличном от исходного. Однако стремление

прервать этот диалектический путь рамками жесткой классификации, уравнивающей сам ход деривации и ее продукт, оказывается не всегда оправданным и результативным.

8. «Именно в коммуникациях находят себе выраженные наши знания о мире, несоизмеримо более обширные у каждого носителя языка, чем знания, предполагаемые основными единицами языка, в том числе и лексическими значениями» [Кацнельсон 1972, с. 139—140]. Ясно поэтому, что в функциональном аспекте важно выявить, как ведет себя лексическая глагольная аспектуальность, когда в высказывании реализуется определенное смысловое задание, как в этом случае происходит сопряжение лексических и морфологических аспектуальных значений и как осуществляется в высказывании связь между глагольной аспектуальностью (лексической и морфологической) и неглагольной. Таким образом, речь идет об организации аспектологического контекста [Бондарко 1971а; 1978, с. 95—127; 1984б; см. также: Балин 1969, с. 58—110].

В представлении коммуникативного задания, смысла участвуют разные языковые уровни. Ведущую роль играют здесь лексические и морфологические единицы, несущие языковые значения и представленные в речи в составе словоформ словами и техническими средствами (аффиксами и аналитическими показателями и др.), которые структурированы в высказывании по правилам построения предложений. Поэтому в высказывании реализация смысла опирается на весь комплекс наличных языковых средств (с их значениями), привлеченных коммуникантом в данном речевом отрезке. Как правило, в отдельном простом или сложном высказывании передается информация о некоем событии или факте действительности. Для обозначения подобных фрагментов действительности в лингвистических работах последних лет широко используется понятие ситуации. Однако применительно к языковому выражению можно говорить лишь о мыслительном отображении ситуации, т. е. об избранной для коммуникации части фактов действительности и отношений между ними, для чего используются ассоциированные с этими явлениями языковые знаки. Это объясняется тем, что язык «выполняет роль связующего объекта между актуальными (оказиональными или узуальными) смыслами как единицами

мыслительного содержания и языковыми знаками этих единиц через посредство значений как специализированных коммуникативных абстракций» [Мельников 1978, с. 276]. Таким образом, значения знаков языка оказываются лишь «намекателями на смыслы» [Г. П. Мельников], поэтому совокупное обширное знание о передаваемой ситуации у коммуникантов только частично базируется на семантике языковых средств. По мнению А. В. Бондарко, в актуализации речевого смысла, помимо языковой информации, важна контекстуальная, ситуативная и энциклопедическая информация, которой пользуются говорящие [Бондарко 1978, с. 114; Теория грамматики 1987, с. 12—14]. Отсюда следует, несомненно, и обратное: все знание о ситуации, выводимое из анализа высказывания, не может быть полностью приписано только языковой информации, значениям языковых средств. Поэтому при описании смысла ситуации следует различать языковые и неязыковые средства его репрезентации.

В таких случаях представляется продуктивным обращение к понятию «категориальная ситуация» (КС), введенному А. В. Бондарко [Бондарко 1983, с. 190—200; 1984б, с. 99—124]. Это понятие более узкое, чем понятие о сигнификативной ситуации вообще, и представляется, что его преимущество заключается в том, что «категориальная ситуация», выделяемая в составе общей ситуации, связывается с «определенным конкретно-языковым воплощением» именно в данном языке [Бондарко 1984б, с. 112]. Особую ценность в этом определении имеет подчеркивание категориальной семантики, составляющей содержание ситуации. Функциональная грамматика, как и любая грамматика, не может не быть категориальной в своей исходной основе, поэтому такая грамматика возможна лишь как грамматика одного конкретного языка [см.: Насилов 1985а, с. 129]. По мнению А. В. Бондарко, каждый «конкретно-речевой вариант определенной КС включает в себе конкретно-языковое воплощение определенной типовой ситуации. . .» [Бондарко 1984б, с. 113]. В грамматическом аспекте в этом случае необходим учет прежде всего средств выражения, которыми располагает изучаемая морфологическая категория в данном языке: «Каждый вариант той или иной КС характеризуется не только семантически, но и формально. . .» [Там же].

Можно, очевидно, сказать, что в высказывании, в котором нами вычленяется отдельная КС, осуществляется речевая реализация семантики морфологической категории, использованной для передачи категориального (узуального) смысла, причем реализация последнего опирается не только на морфологическую форму, но и на другие средства, специализированные в данном отношении. Поэтому КС в функциональной грамматике обобщают определенные типы узуальных смыслов, находящихся частотное воплощение с помощью форм одной категории (или одной специальной формы категории) с привлечением (или без такового) лексических средств, а также способов особого построения высказывания и вообще средств контекста. В этом плане и следует поддержать линию теоретических положений А. В. Бондарко, который считает, что «интеграция и взаимодействие семантики морфем, форм и конструкций на уровне высказывания требует соответствующего понятия» [Там же, с. 121], каковым и может стать понятие «категориальная ситуация», видимо, удачно заменяющее такие термины, как «частное значение грамматической формы», «ситуационный тип», «тип употребления», «определенная функция той или иной формы» и т. п.

Изучение контекстуального поведения морфологической формы действительно отличается особым подходом, характеризующимся учетом взаимодействия разноуровневых языковых средств. Поэтому исследователи стремятся терминологически обозначить такой путь анализа. Б. М. Балин, например, использует понятия «фигура контекста» и «речевая ситуация» [Балин 1969, с. 58—96]. В отношении аспектуальной семантики для него основными рабочими понятиями оказываются «фигура аспектологического контекста» — определенный тип ситуации с семантической доминантой и «(частотная) речевая ситуация аспектологического контекста» — определенная группа, отражающая тип депотативных ситуаций.

Л. Юхансон избирает два понятия. Функционирование турецких видовременных форм, несущих «аспектуальные идеи», осуществляется в речи в рамках «аспектуальной фразы» [Johanson 1971, с. 46]. Речевая реализация способов действия, связанных, как мы знаем по Юхансону, с фазовостью, представлена в «акцио-

нальной фразе»: «участвующие в этой [акциональной модификации] конституенты образуют вместе с лексемой-глаголом акциональную фразу» [Там же]. В концепции Л. Юхансона особый смысл приобретает анализ взаимодействия аспектуальной и акциональной семантики в рамках отдельной фразы, общая семантика которой зависит от способов и особенностей комбинации аспекта и акционсарта. Вся вторая часть монографии автора посвящена характеристикам таких комбинаций, в результате которых преобразуется категориальное значение временных форм (они либо акцентрируются, либо «рекатегоризируются», т. е. выступают не в прямых своих значениях) [Там же, с. 194 сл.].

Понятие «акциональная фраза» широко используется К. Шёнигом, анализирующим сложновербальные формы татарского глагола. Он пишет, что «при анализе функционирования сочетаний с вспомогательными глаголами следует обращать внимание на то, что выражаемая ими спецификация воздействует не только на значение основного глагола, но и на общее значение акциональной фразы, вербальное ядро которой последний и составляет» [Schönig 1984, с. 40]. Как Л. Юхансон для турецкого аспекта, К. Шёниг рассмотрение татарских способов действия осуществляет последовательно в рамках высказывания — «акциональной фразы». В соответствии с типами фазового строения глагольных лексем (см. выше) он устанавливает и основные типы акциональных фраз — их три: инициально-трансформативные, нетрансформативные и финально-трансформативные фразы.

При анализе аспектуальных элементов высказывания А. В. Бондарко предложил пользоваться понятием «аспектуальная ситуация (АС)», которое подчиняется более общему термину «категориальная ситуация (КС)». В свою очередь, аспектуальные ситуации подвергаются дальнейшей субкатегоризации, в рамках которой выделяются отдельные конкретные типы ситуаций, реализующие узуальные аспектуальные смыслы. Поэтому дается такое определение АС: «Аспектуальная ситуация — это выражаемая в высказывании в том или ином варианте типовая содержательная структура, . . . представляющая собой ту сторону передаваемой в высказывании общей сигнификативной ситуации, которая связана с выражением характера протекания и распределе-

ния действий во времени» [Бондарко 1983, с. 190; Теория грамматики 1987, с. 40—41]. В таком понимании мы и будем использовать этот термин.

Типами АС будут процессная, реляционная, конкретного или обобщенного факта, статальная, делимитативная, интенсивная, итеративная, фазовая (начала, продолжения, прекращения), перфектная ситуация и т. п. Каждое глагольное высказывание, таким образом, обязательно репрезентирует ту или иную конкретную АС.

Здесь же следует заметить, что так называемые аспектологические тесты (пробы, трансформации и т. п.) помещают глагольную лексему в определенный контекст, представляющий некий тип АС, и тем самым выводимая из анализа аспектуальная (акциональная) информация, как было уже сказано, только частично опирается на значение тестируемой глагольной словоформы. Это же относится и к тестам на распределение лексем по признаку предельности/непредельности, в том числе и к предложенной Л. Юхансоном модели-тесту на непредельность: «X-di mi? — Evet, X-di, ve de hálá X-iyog» [Johanson 1971, с. 198]. Эта модель реализует последовательные этапы процесса, однако для полного его истолкования все же необходимо привлечение дополнительных сведений, вовлечение в контекст либо других участников обозначенной ситуации, либо каких-то сирконстантов или же объяснение условий осуществления данной ситуации.

Анализ аспектуальных ситуаций по-новому поворачивает вопрос о делении глаголов на акциональные группы. Контекст может совпадать с акциональной семантикой глагола, и тогда она реализуется в полном объеме, как например в процессуальной АС актуального осуществления, обозначаемой непредельным глаголом типа *Вот стою и восторгаюсь мозаикой*; контекст может и расходиться с глаголом, и тогда семантика последнего, подстраиваясь под передаваемую ситуацию, претерпевает изменения, — например, для указанной ситуации актуальной оказывается срединная фаза, которая и выдвигается, затеняя в предельном глаголе финальную фазу, ср.: *Тихо! В соседней комнате умирает раненый*. Можно сказать, что в высказывании акциональная семантика ситуации является доминантой и подчиняет себе (или полностью исключает использо-

вание) акциональную семантику лексемы. Не просто обстоит дело и с сочетаемостью лексемы с другими словами в высказывании. С помощью интересного анализа М. Я. Гловинская показала, что при изучении аспектуальной семантики (в русском языке) «исчерпывающее описание сочетаемостных условий реализации видов эффективно различит именно их сочетаемость, но не семантику видов» [Гловинская 1982, с. 28].

Лексема в определенной форме используется для реализации конкретной АС; поскольку АС — это типизированное явление, один из типов узуальных смыслов, то ее представление в высказываниях может варьировать, в связи с чем меняются и условия использования глагольных лексем: некоторые из них могут не совмещаться с данным контекстом, хотя он и реализует вариант изучаемой АС. Поскольку аспектуальная характеристика процесса создается совокупно всеми компонентами высказывания, то глагольная лексема используется в нем прежде всего как носитель «вещественной» семантики и, значит, вариации акциональной части лексемы вполне возможны: долю информации об этом берут на себя контекст или специальные формальные морфологические показатели, введенные в высказывание.

При вариациях в «вещественной» части многозначной лексемы одновременно меняется и сопряженная с ней акциональная семантика. Возникает типичная картина, когда глагол в одном значении передает процесс с одной фазовой структурой (например, предельный), а в другом — с иной (например, непредельный). Так, узб. глагол *ур-* в значениях 'бить', 'ударять' (*Саидий чекиб турган папиросини жағл билан ерга урди* (А. Ғаҳҳор) 'Саиди в сердцах бросил на землю папиросу, которую курил'), 'колотить', 'избивать', 'наносить побои' (*Пичоқни аввал ўзинга ур, обримаса, бировга ур!* 'Ножом сначала себя ударь, не будет больно — бей другого'), 'попадать' (*Бир тоши билан икки қарбани урмоқ* 'Одним камнем в двух ворон попасть'), 'украсть' (*Унинг уйини ўбри урибди* 'Воры обокрали его квартиру') передает предельные процессы; в значении 'биться', 'стучать' (о сердце) (*Юрагим гун-гун ураётир* 'Сердце у меня глухо бьется') или 'сильно идти' (об осадках) (*Шу кунни бутун кун ёмбир майдалаб уриб турди ва кечга яқин қорга айланди* (А. Ғаҳҳор)

‘В тот день все время шел мелкий дождь и ближе к ночи превратился в снег’; *Kor gupillatib uraётир* ‘Снег валит крупными хлопьями’) этот глагол обозначает не-предельные процессы. Таким образом, не только в разных аспектуальных контекстах меняется акциональная семантика глагола, но и сам глагол, выступая в разных значениях, может входить в только определенные типы контекста. Такое «поведение» лексемы вызывает сомнение в возможности описывать и определять ее акциональную семантику вне контекста, в частности и отношение глагола к предельному или не-предельному типу. Обсуждая этот вопрос применительно к турецкому материалу, Л. Юхансон отмечает, что его решение возможно только при системном рассмотрении условий функционирования словоформы в контексте, при учете определенных типов категоризирования последнего (т. е. выявления типов аспектуального контекста) и при анализе содержания всего высказывания (т. е. выявления передаваемого им смысла или рассмотрения всей АС в целом) [Johanson 1971, с. 38—40]. В то же время он не разделяет скепсис в отношении продуктивности классификации по акциональным классам самих лексем, отвергая высказывания на этот счет Р. Аллена и В. Булла [Там же, с. 198].

В самом деле, рассматривая акциональную семантику отдельной лексемы, мы описываем ее семный состав как единицы словаря, соотнесенной с фактом действительности. В многозначной лексеме ее значение соотносится с рядом узуальных смыслов, типично ею передаваемых. Здесь мы имеем дело с особенностями языковой номинации. Одно и то же «вещественное» значение соотносится с разными смыслами, и акциональная семантика подстраивается под них. Указанная семантическая общность является, видимо, той основой, которая удерживает единство лексемы как отдельной единицы языка, не давая ей распасться на омонимы. Эта основа получает в некоторых теориях специальное наименование, как например «суперлексема» у А. А. Холодовича [Холодович 1979, с. 19, 28—32]. Следует учитывать, однако, что общий семантический компонент отличается большой абстрактностью, это наиболее отвлеченный инвариант значения в ряду узуальных связей между языковыми значениями и смыслами, это абстракции от целого класса конкретных образов, весьма об-

обобщенный образ, несущий абстракции самых существенных признаков, отражаемых денотатов [см.: Мельников 1974, с. 25—29].

Известную аналогию описываемым языковым явлениям могут составить, видимо, случаи конверсии, когда перевод слова из одной категориальной парадигмы в другую осуществляется только за счет изменения категориальной семантики, «переписывания» ее от одной парадигмы к другой при сохранении «вещественного» значения. Здесь также нельзя данному «вещественному» общему «знаменателю» придать какое-либо обобщенное категориальное значение. Поэтому и не удастся выделить в таких абстракциях всю полноту их характеристик, чем отличаются отдельные более конкретные связи значения и смысла (конкретные значения лексем). Ясно, что в тюркских языках, где выражение акциональной семантики формальными средствами для лексем необязательно (как и в других, сходных с ними по структуре языках), не удастся и расклассифицировать по предельности/непредельности такие «суперлексем». (Ср.: «... деление глаголов на предельные/непредельные и двойственные в системе английского языка является искусственным и должно быть отброшено. Целесообразно говорить лишь о „предельном использовании“ и „непредельном использовании“ глагола» [Корсаков 1965, с. 48]). Выше мы уже говорили об абстрактности вообще тюркских языковых знаков, что и нужно повторить здесь.

При анализе аспектуальной (акциональной) семантики высказывания осуществляется переход на иной уровень абстрагирования — отражение ситуации в одном из типов АС. И здесь глагольная лексема со своей семантикой предстает как один — хотя и ведущий — из компонентов высказывания. Следовательно, в первом случае мы рассматриваем языковой знак в системе (парадигме) других знаков (лексем), во втором случае описывается ситуация, в реализации которой участвует этот знак в одном из своих речевых семантических воплощений.

При описании конкретной АС необходимо поэтому учитывать ряд семантических факторов, о которых говорилось выше. Суммируем их. Во-первых, важно различать трансформативные или нетрансформативные

действия и их отражение в языке с помощью предельных или непредельных глаголов. Это связано с отличием языковых значений от передаваемых через них смыслов — узуальных и окказиональных. Во-вторых, в выражении общего смысла любой АС глагольная словоформа является важнейшим, но не единственным носителем аспектуальной и акциональной семантики: здесь важен учет всех элементов фразы. В-третьих, тюркские глаголы отличаются многозначностью: они обозначают процессы с различной фазовой структурой, и в этом смысле тюркская глагольная «суперлексема» действительно лишена четкой акциональной характеристики, поэтому для тюркологов обычны утверждения, что основа глагола лишена «видовой» семантики и что носителями «видовых» (аспектуальных) идей являются видовременные формы. В-четвертых, необязательность морфологического выражения аспектуальной (акциональной) семантики повышает в тюркских языках роль лексических средств и аспектологического контекста в целом.

Говоря о роли лексических средств выражения акциональных характеристик процесса, следует отметить, что они могут принять на себя основную смысловую нагрузку и тем самым стать семантическими доминантами в акциональной фразе. Здесь нельзя забывать, что именно самостоятельные лексемы являются носителями знаменательной семантики. Знаменательные лексемы «средствами названия или дейксиса. . . выделяют отдельные предметы, признаки, процессы и т. д., которые даже в случае их фиктивности проецируются сознанием вовне, образуя тем самым „воображаемую действительность“» [Кацнельсон 1986, с. 154]. В таком случае они в целом не выступают в языке в качестве периферийных средств выражения коммуникативных смыслов. Однако в рамках высказывания взаимодействие знаменательной и служебной семантики обретает особое содержание: с одной стороны, происходит наложение служебной семантики морфем на знаменательную семантику лексем; с другой стороны, взаимодействуют между собой также и знаменательные лексемы, поэтому распределение коммуникативных смыслов между компонентами высказывания всегда определяется условиями данной категориальной ситуации. И только в таком ракурсе лексические акциональ-

ные средства могут восприниматься как периферийные по отношению к морфологическим средствам.

9. Если видовременные формы признать в качестве носителей аспектной семантики, то выразителями акциональной семантики (прежде всего способов действия) в тюркских языках выступают, как известно, сложновербальные формы, аффиксы и редуцированные формы. Соотношение по разным языкам указанных морфологических репрезентантов не одинаково. Например, в якутском, тувинском и тофаларском языках развиты все три указанных способа репрезентации морфологической акциональности; в узбекском языке аффиксы не используются как активное средство, здесь развиты сложновербальные формы и в отдельных случаях применяется редупликация; в татарском языке в отличие от узбекского представлены две аффиксальные формы, имеющие широкое употребление (они продуктивны); в турецком языке на фоне упомянутых языков ограничено встречаются и сложновербальные формы; в гагаузском языке и они сходят почти на нет; между тем в памятниках древнетюркской письменности способ редупликации и сложновербальные конструкции зарегистрированы в значительном объеме, и многие из тех моделей сохранили активность до наших дней [см.: Насилов 1978; Schönig 1984]. Широкое использование сочетаний деепричастий с вспомогательными глаголами начиная с древнейших тюркских текстов свидетельствует об архаичности данного грамматического явления и позволяет говорить об общетюркском его характере, особенно учитывая параллелизм структурных моделей в других алтайских языках.

Организуя определенные группы или разряды глагольных сочетаний, обладающие типизированным общим значением способа действия, вспомогательные глаголы формируют в сочетании с конкретной лексемой индивидуальное лексическое значение аналитической формы глагола, т. е. «вещественное» содержание определенного акционального типа.

Если в каком-либо из языков отсутствует та или иная вспомогательная лексема, то вместо нее употребляется другая с таким же значением. Например, для выражения исчерпанности и интенсивности проявления действия в ряде языков используется глагол *ташла*- 'бросать' (узб., каракалп., тат., уйг., кумык.,

кирг.), в татарском используется также и глагол *ат-* 'бросать', 'кидать', в тувинском языке выступает глагол *каг-* 'оставлять', 'покидать', а в якутском — *кэбис-* 'бросать', 'кидать', 'оставлять'. Это явление объясняется семантическим развитием глагола в каждом из языков. Глагол *ташла-* восходит к имени *таш* 'камень' + *-ла-* *'производить действие с камнем'. Значение 'бросать', 'кидать' является в нем исторически вторичным и развилось не во всех тюркских языках [Севортян 1962, с. 68—69]. Как раз в тувинском глагол *дашта-* имеет основное значение 'мостить', 'возить камень', а в якутском языке глагол *таастаа-* — 'снабжать камнем', 'оправлять в камень'. Глаголы *ат-* 'стрелять', 'бросать' и *кэбис-* 'бросать' являются древнейшими словами с этой семантикой и известны еще в древнетюркских памятниках, где, однако, во вспомогательной функции они не зарегистрированы. Тувинское *каг-* сопоставляется с монгольским *хайл* 'бросать', 'кидать', 'покидать'. Аналогично соотносятся также выражающие завершенность узб. *чиқ-*, каракалп. *сыз-*, тат. *чык-* 'выходить' и тув. *ун-*, як. *табыс-* в тех же значениях.

Из этих примеров видно, что в глаголе должно развиться достаточно обобщенное значение, чтобы он мог выступать в роли вспомогательного [ср.: Бирюкович 1980].

Иными словами, при сочетании двух глаголов возникало уточненное по способу протекания значение процесса. Видимо, только впоследствии из ряда образований с одним и тем же конечным компонентом могло развиться определенное обобщенное значение, узуально приписанное к некоему семантическому классу слов, который можно определить как способ действия. Даже сейчас часто прослеживается самостоятельное значение у второго компонента сочетания, но для более ранних периодов развития следует предполагать сочетание вполне самостоятельных семантически элементов.

Так, тюркский глагол *уч-* 'летать', характеризующий определенный способ движения, не информирует о направлении этого специфического движения. Присоединение к нему глагола *кет-* 'уходить', который, в свою очередь, передает только общую идею движения, хотя и с указанием на исходную точку всякого движения, позволяет выразить в сочетании и направление движе-

ния — *уч-* + *кет-* → *учиб кет-* 'улетать' ~ 'улететь'; противоположное направление можно охарактеризовать с помощью глагола *кел-* 'проходить' — *уч-* + *кел-* → *учиб кел-* 'прилетать' ~ 'прилететь'. Сходным образом можно объяснить возникновение центростремительных и центробежных значений в сочетаниях с глаголами *ал-* 'брать' и *бер-* 'давать'. Сложнее понять сочетания вспомогательных глаголов не с глаголами движения или действия, а с глаголами состояния, проявления или становления признака, глаголами мышления, психического состояния. Сочетания с ними, видимо, являются более поздними, когда уже было сформировано представление об указанных действиях и состояниях как о динамических процессах, сопровождавшихся пространственно-временной характеристикой. Наиболее поздними являются сочетания, передающие такие абстрактные представления, как результативность, процессуальность, эволютивность и т. п. Об этом как будто свидетельствуют, с одной стороны, обилие вспомогательных глаголов, связанных с такими значениями, и разнообразие их по языкам — с другой.

Во всяком случае, в узбекском языке глагол *ташла-* только тогда смог употребляться как вспомогательный, когда в нем затемнилось этимологическое значение и развилось обобщенное значение 'бросание вообще'. Это же доказывает и судьба развития по языкам глаголов состояния для выражения процессуальности (ср.: *тур-* 'стоять' и *йат-* 'лежать') и степень различной их грамматикализации в разных языках [Гаджиева 1975, с. 82—89].

Однако поскольку в тюркологии слабо исследовано семантическое развитие слов в отдельных языках и письменных памятниках, трудно воссоздать конкретный ход исторического становления глагольных сочетаний, а можно только наметить некоторые семантические их модели.

Касаясь сути самих сочетаний двух глаголов, следует признать, что в тюркских языках для модификации по способам действия был использован один из распространенных грамматических способов — способ парных слов, основанный на словосложении [Егоров 1971], о чем уже говорилось выше. Компоненты такого сложного образования объединяются на основе принципа семантической дополнительности.

Морфологической базой глагольных сочетаний этого типа стали впоследствии общетюркские формы деепричастий на *-а* и на *-л*. Обратим внимание на важный факт — в ходе исторического развития тюркских языков менялось соотношение в них указанных форм деепричастий: происходило ограничение сферы распространения деепричастия на *-а* за счет деепричастия на *-л*. Это явление отразилось и в аналитических формах, где на современном срезе чаще выступает деепричастие на *-л*. Сочетания с ним выражают те же значения, которые в древнетюркских языках выражались с деепричастием на *-а*.

То, что данные глагольные словосочетания можно этимологически отнести к классу парных слов, доказывается, видимо, также наличием в ряде тюркских языков, в частности в узбекском, их морфологических вариантов, представляющих собой сочетание не деепричастной формы «основного» глагола, а спрягаемой формы с такой же формой вспомогательного глагола: *ёзиб олди=ёзди олди* ‘записал’, *ўқиб берди=ўқиди берди* ‘прочитал’, *тўзрилаб берди=тўзрилади берди* ‘исправил’, *ёпишиб қолди=ёпишди қолди* ‘прилип’, *кетиб қолди=кетди қолди* ‘ушел’, *айтиб қўйди=айтди қўйди* ‘высказал’, *ёзиб кетди=ёзди кетди* ‘записал’, *ташлаб юборди=ташлади юборди ~ ташлади-ворди* ‘выкинул’, *ёзиб ташлади=ёзди ташлади* ‘записал’, ‘исписал’. Способ сочетания одинаково морфологически оформленных слов, принадлежащих к одной части речи, является типичным для тюркских языков способом слово- и формообразования на основе словосложения.

Представляется, что многообразие выражаемых глаголами-модификаторами способов действия можно свести к трем основным группам:

а) способы, передающие продолжительность глагольного действия; в связи с этим следует обратить внимание на наблюдающийся во многих тюркских языках процесс выработки специализированных грамматических средств для выражения процессуальности, которые втягиваются в видовременную парадигму;

б) способы, выражающие оттенки законченности процесса, реализующие различные этапы завершенности по определенным фазам процесса, включая и начальную;

в) способы, характеризующие (иногда попутно с двумя первыми) пространственную или субъектно-объектную ориентацию действия.

Таким образом, оправдываются следующие тезисы Э. В. Севортяна: «Система глаголообразующих форм. . . любого тюркского языка представляет прежде всего систему типов значений, присущих языку в определенную эпоху его существования, поскольку эта система обеспечивает снабжение словаря глаголами определенных типов значений, . . . зависящих друг от друга и находящихся в строгой исторически преемственной связи. . .» [Севортян 1962, с. 546, 548].

Предстает ли система глаголов-модификаторов в тюркских языках явлением автохтонным, или она есть результат влияния иных языков и типологических сходжений, как предполагают некоторые ученые, — все это задача дальнейших исследований. В данном случае не должна смущать «однотипность» и «равнооформленность» моделей сочетающихся глаголов, так как использование определенного круга вспомогательных глаголов, а также и перечень возможных способов действия являются широкой языковой универсалией [Насилов 1987].

Что касается тюркских языков, то важно подчеркнуть, что в них развитие аналитических форм выражения способов действия необходимо соотносить с синтетическими аффиксальными формами. Можно видеть, что некоторые значения аналитических форм ныне перекрещиваются со значениями аффиксов. Различие между ними состоит в том, что с помощью аффиксов выражаются более абстрактные характеристики процесса, а каждая аналитическая форма специфична для конкретных глагольных основ и синтез семантики основного и вспомогательного глагола создает точную картину протекания данного глагольного действия — его распределенность во времени и в пространстве. Таким образом, задача состоит в том, чтобы понять и объяснить, почему аффиксальная система оказалась менее удобным средством выражения способов действия в тюркских языках и не получила соответствующего общетюркского развития, а аналитические формы как более удобные получили широкое распространение, оттеснив синтетические.

Можно допустить, что выражаемые аффиксами значения со временем потеряли свою четкость, стали расплывчатыми и более общими, вызвав тем самым появление новых грамматических средств, какими и явились вспомогательные глаголы в аналитических формах. Но не связано ли это с общей закономерностью тюркской аффиксальной системы, которая вскрывается в известных работах Э. В. Севортяна по словообразованию, А. Н. Кононова о фузии тюркских аффиксов, Г. Ф. Благовой о тюркском грамматическом плеоназме, а именно — ранним затемнением конкретного значения отдельного аффикса? С другой стороны, если такое предположение оправдано, то не отражает ли данная закономерность более широкие исторические связи тюркских языков с другими алтайскими языками и не удастся ли интерпретировать своеобразие эволюции тюркских аффиксов и аналитических глагольных форм на фоне общих закономерностей алтайских языков? По крайней мере известное подтверждение сказанному могут дать монгольские языки, где также широко развит аналитизм глагольных форм, имеющий много общего с тюркским.

Глава четвертая

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ И МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ АКЦИОНАЛЬНОСТИ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

1. ГЛАГОЛЬНАЯ ЛЕКСИЧЕСКАЯ АКЦИОНАЛЬНОСТЬ И ЕЕ КАЧЕСТВЕННАЯ МОДИФИКАЦИЯ

Акциональный компонент в отдельном глаголе как номинативной единице представлен в его лексическом значении, и поэтому его семантика должна быть отнесена к лексической глагольной аспектуальности (акциональности). На основе анализа такой акциональной семантики можно наметить группировки лексем, которые определяются как акциональные группы или классы, каждый из которых характеризуется своей грамматической спецификой, проявляемой в реализации грамматических значений форм и сочетаемости словоформ, поэтому акциональные классы глаголов оказываются «грамматически значимыми».

С понятием предела связано деление глаголов на предельные и неопредельные как отражающие два принципиально разных вида процессов: одни имеют в своем семантическом содержании какой-либо предел, другие лишены его и демонстрируют, как уже говорилось, лишь срединную фазу процесса вне его внутренних ограничений. Значит, трехчастное представление структуры процесса — возникновение, последующее течение и развитие, а затем и завершение — распространяется не на все возможные процессы, а только на определенный их тип, представленный в лексическом значении глагола.

1. Неопредельные лексемы

Прежде всего остановимся на акциональном классе неопредельных глаголов. Напомним, что группировка

глаголов по признаку предельность / неопределенность соотносится с различением глаголов действия и глаголов состояния, в основе которого лежат признаки, обращенные прежде всего к «вещественному» содержанию лексемы.

Среди акциональной группы неопределенных глаголов в узбекском языке можно наметить несколько семантических подгрупп, оцениваемых с точки зрения «интенционала призначных значений», с которым, в свою очередь, связаны потенции модификации процессов [см.: Насилов 1984, с. 141—156, 161—162].

1. Начать описание неопределенных глаголов следует, видимо, с подгруппы изобразительных, или образных, глаголов, выделяющейся среди глагольной лексики своими сильными не только семантическими, но — что очень важно — и морфологическими признаками. Со стороны семантики различают образные глаголы и звукоподражательные глаголы, или глаголы-идеофоны. Изобразительные глаголы, а также и другие изобразительные слова в лексической системе агглютинативных языков предстают как аномалия в области и семантики, и фонетики, и грамматики.

Изобразительные морфемы принадлежат к числу «мотивированных по своему звуковому облику, по ассоциации звуковой структуры со всевозможными эмоциональными образами» [Мельников 1969б, с. 5]. Изобразительные слова имеют специфическое морфологическое строение, при образовании глаголов используются аффиксы и особые расширители, характерные только для данного типа словообразования, здесь чаще применяются редупликация и фонетическая модификация основы, специфичны и средства выражения способов действия.

Все изобразительные глаголы (особый вид глаголов состояния) объединяет выражение ими в той или иной степени имманентной характеристики субъекта — производителя процесса (действия). Как правило, они являются собой манифестацию имманентных свойств одушевленных и неодушевленных субъектов. Это типичные звуковые, физические и ментальные проявления свойственных живым существам признаков, а также звуковые, световые и физические особенности предметов и явлений природы. Некоторые из этих передаваемых глаголами разновидностей признаков названы

ранее [Насилов 1984], среди них: глаголы соматического состояния (типа *сирқира-* 'мозжить', 'ныть'), глаголы эмоционально-психического состояния (типа *шумшай-* 'дуться', *мўлтай-* 'тосковать'), проявления свойств одушевленных субъектов (типа *пилдира-* 'бегать волчком'), проявления свойств явлений природы и естественных образований (типа *жилдира-* 'журчать', *гулдура-* 'греметь' о громе). Как неопредельные, все указанные семантические разновидности лексем выражают в акциональном плане только срединную фазу процессов, т. е. сам процесс в его совершении.

Изобразительные глаголы мотивируются соответствующими изобразительными словами (некоторые из них вычлняются только этимологически). Производные глаголы, как правило, характеризуются значением определенного типа «выявления / проявления» признака, мотивированного исходным идеофоном: *жаранг* — звукоподражание звону стеклянных предметов → *жарангла-* 'звенеть', 'издавать звон'; *ялт* образное слово, передающее вспышку света, → *ялтыра-* 'сверкать', 'поблескивать'; *дик* — образное слово, указывающее на прыжок, → *дикилла-* 'двигаться прыжками, скачками'; *лов* образное слово, характеризующее интенсивное горение, → *ловулла-* 'пылать', 'сильно гореть'.

Специфические аффиксы, образующие такие глаголы, являются одновременно и маркерами данного структурно-семантического типа глаголов среди других глаголов языка, и маркерами конкретного акционального типа глаголов, неопредельных по своей семантике. Эти форманты — «категоризаторы» — выступают как сигналы принадлежности глаголов к определенной семантической группе, в которой тип «вещественного» значения одновременно связан с соответствующим типом акционального значения, при этом они обслуживают сферу словообразования. Образующие дериваты остаются единицами лексического яруса языка, и все указанные семантические деривации ограничиваются в целом лексической семантикой. Акциональная семантика таких глаголов также принадлежит глагольной лексической семантике.

Среди аффиксов-маркеров изобразительных глаголов должны быть названы следующие.

1) *-илла- ~ улла / -ирла- ~ -урла-* (последние варианты этимологически являются, видимо, первичными [Кононов 1960, с. 248; Қўнғуров 1966, с. 126—127]). Глаголов с этим показателем в узбекском языке более 250. Примеры: *бобилла-* ‘журить’, ‘громко отчитывать’, ‘орать на кого-л.’; *базилла-* ‘орать’, ‘кричать’; *безилла-* ‘ныть’, ‘ломать’ — *Оёқларим безиллаб озрияпти* ‘У меня поют ноги’; *бизилла-* ‘жужжать’; *дирилла-** ‘дребезжать’ — *Салют зарбидан деразаларнинг ойнаси дириллаб кетди* ‘От удара салюта задребезжали стекла в окнах’; *дукилла-* ‘глухо стучать’ — *У секингина ўрнидан турди, юраги дукиллаб, нафаси тиқилганича ташқарига чиқди* (П. Турсун) ‘Она тихонько встала с места, ее сердце глухо стучало и, перехватывая дыхание, выпрыгивало наружу’; *зирилла-* ‘дрожать’, ‘трястись’; *жирилла-* ‘ершиться’ — *Хатонгизни кўрсатса, нега жириллайсиз?* ‘Почему вы ершитесь, когда вам указывают на ошибку?’; *йилтилла-* ‘поблескивать’, ‘лосниться’ — *Эгнида кирланиб, мойланиб йилтиллаган. . . қора камзул* (Ойбек) ‘На нем черный камзол, лоснящийся от грязи и жира’; *карсилла-* ‘хрустеть’, ‘издавать легкий треск’; *лўқилла-* ‘пульсировать’ — *Яра лўқиллаётир* ‘Рану дергает’; *минбирла-* ‘бормотать’, ‘ворчать’ — [*Бой*] *Йўлчининг саломига минбирлаб жавоб қайтарди* (Ойбек) ‘Бай пробормотал ответ на приветствие Юльчи’; *пиқирла-* ‘хихикать’; *пирқилла-* ‘всклипывать’; *сўлқилла-* ‘быть пухлым’ — *сўлқиллаган бола* ‘пухленький ребенок’; *тақилла-* ‘издавать стук’ — *Эшик тақиллади* ‘В дверь стучат’, букв. ‘Дверь стучит’; *тиқирла-* ‘постукивать’; *хурилла-* ‘храпеть’, ‘мурлыкать’; *чафирла-* ‘стрекотать’, ‘щебетать’; *чурулла-* ‘издавать дребезжащий свист’; *шивирла-* ~ *шивилла-* ‘шептать’; *ярқилла-* ‘сверкать’; *қурулла-* ‘квакать’; *қиртилла-* ‘скрипеть’, ‘хрустеть’; *бинбилла-* ‘жужжать’; *бижилла-* ‘кишмя кишеть’ — *Қараса бир кичкина бозор экан, одам бижиллаб ётибди* ‘Видит — маленький базарчик, а [на нем] народ кишмя-кишит’; *зарсилла-* ‘тяжело дышать’ и др.

2) *-кира- ~ -қира-* образует звукоподражательные и образные глаголы от соответствующих образных

* Для многозначных глаголов приводятся не все значения, а только наиболее явно отражающие семантические особенности рассматриваемой группы; все глаголы даются без показателя *-моқ*.

слов: *сирқира-* 'можить', 'ныть' — [У] *уйбонганида суюклари сирқираган ўзини ланж туйди* (Ойбек) 'Когда он проснулся, его кости ныли, и себя он почувствовал вялым'; *зирқира-* 'ныть', 'сильно болеть' — *Ўнг қўлим зирқираб обрияпти* 'У меня сильно ноет правая рука'; *хирқира-* 'храпеть', 'хрипеть' — «*Файтон келиши билан дарров босамиз*», — *деб, хирқиради [Қурбон юзбоши]* (Ж. Шарипов) «Как только подойдет повозка, мы тотчас нападём», — хрипел Курбан-юзбаши'. Таких глаголов насчитывается около 10.

3) *-ай-* используется в образных глаголах, число которых достигает 80. Примеры: *анқай-* 'удивленно смотреть', 'недоумевать' — *Нима қилиб анқайиб турибсиз* 'Что вы таращите глаза?'; *бужмай-* 'сморщиваться'; *бўзрай-* 'смотреть растерянно'; *дўмбай-* / *дўмпай-* 'оттопыриваться' — *Муроднинг қўйнида бир нима дўмпайиб турибди* 'За пазухой у Мурада что-то оттопыривалось'; *жунжай-* 'ежиться'; *иржай-* 'ухмыляться'; *лалай-* 'быть вялым, апатичным', 'бездельничать'; *минжай-* 'дуться', 'быть не в духе'; *серрай-* 'стоять столбом', 'растеряться'; *тумтай-* 'хмуриться'; *тиржай-* 'скалить зубы в улыбке' — *Тантибойвачча. . . аҳмоқча тиржайди қолди* (Ойбек) 'Тантибайвачча. . . по-дурацки расплылся в улыбке'; *чақчай-* 'пучить глаза'; *шумшай-* 'ежиться', 'корчиться', 'хмуриться' — . . . *ўзи эса совуқда қолган етим боладек шумшайди* (М. Исмоилий) ' . . . а сам он съежился, как сирота, оставшийся на холоде'; *қўнқай-* 'стоять прямо', 'торчать'; *бужмай-* 'свернуться клубочком'; *билмай-* 'смотреть искоса'; *хурпай-* 'хохлиться', 'топорщиться', 'насупиться' — *Аравага, ундан бошқа, ярим яланбоч, сочлари хурпайган бир йигит ҳам ўтирди* (Ойбек) 'В арбу, кроме него, сел также полуголый парень с торчащими волосами' и др.

4) *-ла-*, будучи многофункциональным, образует глаголы разных семантических разновидностей, в том числе и предельные. Однако маркером неопредельного характера изобразительного глагола на *-ла-* может выступать специфическая фонетическая структура мотивирующего изобразительного слова, например слог типа СГС с исходом на *-к, -с, -р, -т* и особенно специальные его распространители *-ир ~ -ур, -ил, -нг*. Примеры: *жалангла-* 'недоумевающе смотреть'; *вижирла-* 'щебетать' — *Қиз борар ишига, унга ёмна-ён Атласпўш*

қалдирбоч вижирлаб учар (Х. Расул) 'Девушка пойдет на работу, рядом с ней будет летать щебеча атласная ласточка'; *дирингла*- 'брыкаться' — . . . *уни ҳар ким минолмас эди, минган одамни диринглаб устидан отиб ташларди* (Айни) 'На него (ишака) никто не мог сесть, он, брыкаясь, сбрасывал с себя севшего человека'; *жингирла*- 'звенеть'; *пирпирла*- 'дрожать', 'трепетать'; *портла*- 'взрываться', 'разрываться' — . . . *танк остида бирин-кетин учта граната портлади* (А. Ғаҳҳор) 'Под танком одна за другой взорвались три гранаты'; *вимира*- 'копошиться', 'копаться', 'возиться' — *Чумолилар уялари атрофида вимирлашиб ётар эди* 'Муравьи копошились возле муравейника' и др.

5) Точно так же используется глаголообразующий аффикс *-а-*, который присоединяется к изобразительным словам, как правило, распространенным *-ир- ~ -ур-*, например: *жовра*- 'болтать', 'ворчать', 'бормотать'; *жавдира*- 'сверкать', 'искриться', 'блестеть' (о глазах) — *Болаларнинг жавдираган кўзлари отада* (П. Турсун) 'Сверкающие глаза детей [устремлены] на отца'; *милтира*- 'мигать', 'мерцать', 'поблескивать' — *Унда—мунда юлдузлар хира милтирар, совуқ аччиққина* (Ойбек) 'Там и сям тускло мерцали звезды, пронизывающий холод'; *пирпира*- 'дрожать', 'трепетать' — *Унинг лаблари сўзга келмасдан пирпираб уча бошлади* (О. Ёқубов) 'Его губы, не произнося слов, начали трепетать (дрожать)'; *қалтира*- 'дрожать', 'трястись' — *Ҳаяжондан унинг қўллари қалтирайди* 'У него от волнения трясутся руки'; *қулдура*- 'урчать', 'бурчать' — *У. . . бир нарса дегандай бўлди — гапирдим, ичи қулдурадими — билиб бўлмади* (А. Ғаҳҳор) 'Нельзя было понять, то ли он как будто что-то сказал, то ли бурчало у него в животе' и др. Глаголов с аффиксом *-а-* около 40.

6) В качестве словообразовательного маркера может рассматриваться также и аналитическая модель образования изобразительных глаголов: «редуплицированная форма изобразительного слова + глагол *қил-* 'делать' или *эт-* 'то же'». Эта модель выражает одновременно один из количественных способов действия — репетитив, т. е. неоднократное последовательное повторение однородных ситуаций в определенный период времени [Насилов 1985б, с. 68; 1984, с. 162—163]. Такая семантика реализуется только в тех случаях,

когда процесс может быть понят как состоящий из отдельных «порций», «квантов». Если же он так не членится, то глагол с повтором передает непрерывный процесс, границы которого не обозначены, т. е. срединную фазу в чистом виде, ср.: *без-без қил-* 'ныть', 'ломить'. Иначе говоря, в случае с квантовым процессом мы имеем дело с «аналитически-итеративным макросостоянием» [Сильницкий 1983, с. 61], с неопредельной семантикой, т. е. только с срединной фазой сложного процесса. Примеры:

бидир-бидир қил- 'тараторить' — *Ҳа деб бидир-бидир қилаверма!* 'Да не тараторь без умолку!'; *ва-бир—вуфур қил-* 'шуметь', 'галдеть'; *дук-дук эт-* 'глухо стучать', 'бухать'; *жимир-жимир қил-* 'рябить', 'мерцать' — *Сув юзи жимир-жимир қилар, . . сувда ой акси ўйнарди* (Ж. Шарипов) 'Поверхность воды рябила, . . . на воде играло отражение луны'; *қарс—қарс қил-* 'хрустеть', 'издавать хруст'; *лапанг-лапанг қил-* 'неуклюже покачиваться' — *Айиқ лапанг-лапанг қилиб юради* 'медведь ходит вразвалку'; *пирс-пирс қил-* 'шипеть' — *Жиққа ҳўл ўтин ёлғиз пирс—пирс қилиб заҳар тутун буруқтиради* (Ойбек) 'Совершенно сырые дрова только шипят и распространяют едкий дым'; *хур-хур эт- ~ қил-* 'храпеть' — *Соқи бобо . . хур-хур этиб, хуррак тортиб узлаб ётибди* 'Соки-бобо . . . храпел и выводил рулады'; *қисир-қисир қил-* 'хрустеть', 'трещать' — *Ер қимирлаганда, синчлар қисир-қисир қилиб турди* 'Во время землетрясения трещали деревянные основы зданий' и др.

В узбекском языке по указанной модели можно образовать около 150 изобразительных глаголов.

Таким образом, в узбекском языке свыше 500 лексем, входящих в большую подгруппу изобразительных глаголов, совершенно однозначно — и формально-морфологически и семантически — характеризуются как неопредельные.

2. Другие подгруппы неопредельных глаголов не имеют четких формальных примет акциональной принадлежности, но последняя может однозначно определяться и сильными семантическими факторами: явные и недовусмысленные вещественные значения достаточны для отнесения глаголов к типу неопредельных. Здесь возможно указать на следующие семантические объединения глаголов.

1) Наиболее отдаленными от семантически темпоральных границ являются реляционные глаголы, характеризующие «наиболее общие свойства и качества предмета, его количественные и качественные определения в отношениях с другими предметами» [Маслов 1984, с. 54]. Смысловым эквивалентом большинства таких глаголов выступает выражение «иметь», «быть у/в» [Бенвенист 1974, с. 214—215; Гак 1977б, с. 245—252]. Специфика вещественной семантики таких глаголов показана в приведенном определении Ю. С. Маслова: они отражают отношения между вещами, и именно данный фактор определяет свойства этих лексем. Что касается их акциональной структуры, то она характерна для многих глаголов состояния, поскольку представлена только медиальной фазой типичного процессива (по Г. Г. Сильницкому). Следовательно, и лексемы данного семантического типа имеют совершенно определенную фазовую структуру, поскольку, как было подчеркнуто выше, глагольный процесс не бывает не структурированным фазово. Поэтому, видимо, критически следует отнестись к мнению о «нефазовом» характере предикатов — глаголов отношения, которое высказала Т. В. Булыгина, ссылаясь на замечание Э. Вендлера [Семантические типы 1982, с. 45—46]. Здесь Э. Вендлер определенно не различает не трансформативность реального действия и его отражение в неопределенном глаголе, совмещая реальное время события и языковую семантику процесса с его «внутренним временем».

В узбекском языке глаголов отношения очень мало, предикаты этого семантического типа выражаются в нем именами в сочетании с глаголом-связкой или окказионально связочными глаголами, а также описательно. Например: «соответствовать» = *мос бўл- / кел- / туш-* (букв. 'соответствующий' + 'быть' / 'прийти' / 'упасть'), *тўғри кел-* (букв. 'прямой', 'правильный', 'точный' + 'прийти'); «содержать» = *ўз ичига ол-* (букв. 'брать в себя'), *эга бўл-* (букв. 'быть хозяином'); «зависеть» = *қарам / тобе бўл-* (букв. 'зависимый', 'подчиненный' + 'быть'), *измида бўл-* (букв. 'быть в чем-либо подчинении'); «принадлежать» = *қарашли бўл-* (букв. 'имеющий отношение', 'принадлежащий' + 'быть'), *эга бўл-* (букв. 'быть хозяином'); «граничить» = *чегардош бўл-* (букв. 'быть сопредельным'), *ёндаш*

бўл- (букв. 'быть с общим боком / стороной'); «весить» = *овриликка эга бўл*- (букв. 'обладать весом'), *кел*- 'прийти', *чиқ*- 'выйти' — *Юк 20 кг келди (чиқди)* 'Груз весит (букв. 'пришел / вышел') 20 кг' и т. п.

К реляционным принадлежат следующие глаголы: *ўхша*- 'походить', 'уподобляться'; *яраш*- 'подходить', 'годиться', 'соответствовать'; *яра*- 'годиться', 'быть пригодным'; *фарқлан*- 'разниться', 'отличаться'.

2) Большая группировка глаголов состояний одушевленных и неодушевленных субъектов также реализует значения, которые не предполагают ограничение процесса в передаваемой ситуации. Эти типично непредельные глаголы отмечаются в большом числе языков, представляя тип квалификационных предикатов [см.: Семантические типы 1982; Маслов 1984 [1948]; см. также: Бенвенист 1974, с. 214; Авилова 1976, с. 61 сл.; Шелякин 1978, с. 55—56]. Семантически они отличаются от реляционных глаголов, поскольку характеризуют качественные признаки, а не отношения. Качественные признаки предстают как свойства субъекта, хотя они могут и проявляться под влиянием внешних воздействий или направляться от субъекта вовне, например состояние «бояться» чаще опосредовано внешними причинами, «сердиться» и «злиться» также связаны с отношением субъекта к определенному объекту, состояние «страдать» может быть обусловлено и внутренними причинами, и находящимися вне субъекта. Некоторые из глаголов указанной семантической группировки приведены нами в упомянутой работе [Маслов 1984, с. 144—147]. Сюда могут быть отнесены глаголы: *ноли*- 'сетовать', 'хныкать', 'роптать', 'плакаться' — *ўз тақдиридан нолимоқ* 'роптать на свою судьбу'; *зорлан*- 'жаловаться', 'сетовать' — *ҳавонинг паст келганидан зорланмоқ* 'жаловаться на плохую погоду'; *зориқ*- 'остро нуждаться', 'испытывать затруднения' — *У ҳеч нарса зориқмади* 'Он ни в чем не нуждался'; *қайбур*- 'горевать', 'печалиться', 'заботиться'; *хўмрай*- 'хмуриться', 'смотреть исподлобья'; *эркалан*- 'ласкаться' — *У онасига эркаланиб қаради* 'Он ласково смотрел на свою мать'; *завқлан*- 'наслаждаться', 'восторгаться'; *собин*- 'скучать', 'тосковать'; *афсуслан*- 'огорчаться', 'сокрушаться' — *Афанди камбағаллигидан афсусланарди* 'Афанди сокрушался по поводу своей бедности'; *нафратлан*- 'презирать', 'пи-

тать ненависть' — *Шербек йигитнинг ювсиялигидан нафратланди* 'Шербек питал ненависть к наглости юноши'; *сўзла-* 'говорить' — *Ўзбек тилида ўн икки миллиондан ортиқ одам сўзлашди* 'На узбекском языке говорит более двенадцати миллионов человек' и др. Известный слой таких глаголов составляют рассмотренные выше изобразительные глаголы.

Следует отметить, что предикаты выявления конкретных цвето-световых признаков типа «белеть», «темнеть», «чернеть» в узбекском языке передаются описательной конструкцией с глаголом *кўрин-* 'виднеться', 'быть видимым': «белеть» = *оқариб кўрин-* — *Узоқда бир нима оқараб кўринади* 'Вдали что-то белеет', *оқар-* — глагол, производный от прилагательного *оқ* 'белый', со значением 'становиться белым', 'становиться бледным'; «краснеть» = *қизариб кўрин-* — *Мактаб биносида байроқ қизариб кўринади* 'На здании школы краснеет флаг' (*қизар-* 'делаться красным', 'покрываться румянцем').

3) Близки к рассмотренной группировке глаголы с классификационным значением, но показывающие род занятий, деятельности субъектов, профессиональной способности или привычных поступков и действий типа «проказничать», «сапожничать», «служить», «бодаться» и т. п. Примеры: *ишла-* 'работать', 'действовать'; *шубулла-* 'заниматься'; *тилан-* 'клянчить'; *овла-* 'охотиться'; *боқ-* 'ухаживать', 'пасти' — *пода боқмоқ* 'пасти стадо'; *теп-* 'брыкать(ся)', 'биться' — *Отни тепмайди дема, итни қопмайди дема* 'Не думай, что лошадь не будет лягать, а собака не будет кусать', *Юрак тепади* 'Сердце бьется'.

В узбекском языке есть специальная модель, по которой образуются составные глаголы с вспомогательным глаголом *қил-* 'делать', 'осуществлять', — «название профессии (=имя с аффиксом *-лик* — *этикдўзлик* 'сапожничество', *дурадгорлик* 'столярничество') + *қил-*»: *этикдўзлик қил-* 'сапожничать'; *дурадгорлик қил-* 'столярничать'; *қоровуллик қил-* 'сторожить'; *лаганбардорлик қил-* 'угодничать', 'раболепствовать'; *тунқезарлик қил-* 'полуночничать'; *судьялик қил-* 'судить (матч)'; *бетакаллик қил-* 'фамильярничать' и т. п. Такая модель — формальная примета данных глаголов.

4) Четкой семантикой обладают и неопределенные глаголы с экзистенциальным и локальным значением, показывающие способ нахождения субъекта в пространстве, например: *уяла-* 'гнездиться'; *ўрнайш-* 'располагаться'; *тур-* 'стоять', 'находиться', 'располагаться', 'проживать', 'обитать', 'пребывать', 'обретаться'; *ўс-* 'произрастать'.

5) Очень малочисленна группа глаголов с модальными значениями, сильная, однако, в семантическом отношении, например: *иста-* 'желать', 'хотеть'; *хогла-* 'желать'; *ишон-* 'надеяться'; *урин-* 'пытаться'; *интил-* 'стремиться', 'порываться'.

Неопределенные глаголы, отображающие нетрансформативные события, реализуют один-единственный тип «качественной» аспектуальности, обладают одинаковой фазовой структурой — они носители только медиальной фазы процесса. Объединяясь акционально, они, однако, разнятся по своим вещественным значениям, передавая разнообразные оттенки признаков, которые хотя и характеризуют всегда «собственные манифестации субъекта» (В. Г. Гак), в своем проявлении зависят тем не менее от активности субъекта: наименее активен он при глаголах отношения, экзистенциальных и модальных, при глаголах других групп активность его возрастает. Наиболее она явна в следующей группе (6) глаголов — неопределенно-моторных, передающих пространственное перемещение субъекта, но это перемещение предстает как занятость или как свойство субъекта, с качественной стороны не отличаясь от других проявлений свойств последнего. Здесь выделяются глаголы *юр-* 'ходить', 'ездить'; *уч-* 'летать', 'парить'; *кез-* 'бродить', 'раскажывать'; *чоп-* 'бегать', 'скакать'; *юмала-* 'кататься' — *обриқдан юмаламоқ* 'кататься от боли'; *адаш-* 'бродить', 'странствовать', 'блуждать' — *Ойлар бўйи адашди* (Х. Олимжон) 'Он скитался месяцами'; *депсин-* 'топтаться'.

Дополнительной акциональной особенностью не-направленных глаголов является наличие в ряде из них количественной характеристики процессов, в силу чего такие процессы могут оцениваться в рамках макроситуации (высказывания) как сложные: с итерацией или дистрибуцией в совершении отдельных их актов или квантов. Обычно в разнонаправленных глаголах выражается альтернатив, т. е. неоднократное повто-

рение ситуации движения (перемещения) в один период времени, причем перемещения обычно направлены в разные стороны (часто — противоположные). Эти движения может осуществлять один субъект (а) или несколько (б), в последнем случае реализуется семантика дистрибутива, ср.: (а) *Иван унинг сўзи давомида тез-тез қадам босиб уйда нари-бери юриб турди* 'Иван в продолжение его речи быстрыми шагами ходил по комнате [взад-вперед]', *Сен мянгни эголаб ўтирибсан, мен бўлсам ялло қилиб юрибман* 'Ты сидишь и нервничаешь, я же слоняюсь без дела [туда-сюда]'; (б) *Бадамда чумоли ўрмалагандек бўлди* 'Мне казалось, что по телу ползают муравьи [туда-сюда и там и сям]', *Улар таниш-билишларникида дарбадар кезмоқдалар* 'Они скитаются по знакомым'.

Указанные семантические признаки пространственной расчлененности являются сильными показателями принадлежности глаголов к группе неопределенно-моторных и тем самым к непередельным. Именно эти признаки позволяют также различить ненаправленное и направленное значения одной лексемы, например *юр* в значении 'сделать ход (в игре)' — *Пиёда билан юрса, ютқизади* 'Если он сделает ход пешкой, то проиграет'.

Наличие определенных формальных показателей у части непередельных глаголов, а также их семантика позволяют квалифицировать значительное число глагольных лексем в отношении акционального типа. Поэтому подтверждается мнение Л. Юхансона о возможности анализировать семантику, в том числе и акциональную, отдельно взятой тюркской лексемы без обращения к контексту или тестированию. Видимо, невозможно отрицать то положение, что лексическая семантика в основном и определяет функционирование лексемы в том или ином контексте и в той или иной форме. Когда описывается определенная ситуация, то, как мы знаем, только некоторые ее смысловые составляющие связаны непосредственно с глаголом и его лексической семантикой, и в целом набор смыслов, передаваемых в ситуации, конечно, значительно сложнее и богаче, чем те, которые взаимодействуют со значением глагола. Смысл «акциональной фразы», или «аспектуальной (акциональной) ситуации», как показывают исследования, характеризуется своими дополнительными признаками, перекрывающими акциональ-

ное содержание лексемы. Так, Х. Мелиг, используя классификацию глаголов З. Вендлера, показал для русского языка, что «во многих случаях только тип ситуации, с которой соотносится данный глагол, определяет, какое значение принимает признак „состояние“» [Мелиг 1985, с. 246]. Это значит, что аспектуально-акциональные признаки фразы отличаются от аспектуальных значений лексемы и что последние нельзя полностью отождествлять с фразовыми. Сравнивая высказывания с *юр-* 'ходить' (а) *Соатим тўбри юрди* 'Мои часы шли верно' и (б) *У отни (отдан) юрди* 'Он пошел конем', мы видим, что в (б) реализуется ситуация конкретного, актуального действия, в которой преобразуется и акциональная семантика лексемы (не исключено влияние русского словоупотребления!); изменение фазовой структуры связано с перемещением глагольной лексемы в другой акциональный класс — в класс глаголов действия: в (б) *юр-* управляет уже винительным падежом объекта (т. е. в его медиальную фазу включается семантика каузации [см.: Сильницкий 1983, с. 57—58]). Как в рамках развиваемой концепции можно объяснять подобные случаи (и обратные, когда в процессуальной или квалификационно-признаковой ситуации употребляется глагол действия)? Думается, что решение подсказывается подходом к структуре лексического значения глагола. Для обозначения той или иной ситуации, для передачи определенных смыслов (т. е. описания вещей, их свойств и их отношений) важны, конечно, прежде всего «вещественные» значения, преимущественно ориентированные вне языка, и с их помощью репрезентируются участники ситуации. Представленная грамматически акциональная семантика в глагольной лексеме дополнительна по отношению к «вещественной», поэтому она и наиболее подвижна. Именно «вещественные» значения избираются для обозначения, называния участников ситуации. Акциональные признаки подстраиваются под смыслы, необходимые в данной ситуации. В ряде ситуаций они оказываются адекватными, — например, ситуация отношения или состояния (в узком смысле) постоянно передает неактуальность событий. В необходимых случаях акциональный признак лексемы уточняется внутри акциональной фразы. Как нам представляется, явление смещения акциональной семантики можно

сравнить с явлением конверсии, сменой грамматических парадигм. Напомним еще раз о важности различения смысла и значения. «Бегать», «весить», «любить», «спать», «находиться» — действия нетрансформативные; отражающие их лексемы с явно выраженной акциональностью могут быть отнесены к типу неопределенных, в которых акционально представлена исключительно срединная фаза процесса без внутренних темпоральных границ. Но, как мы уже говорили, в языке акциональная составляющая лексемы не обязательно жестко связана с вещественным значением: фазовая структура может меняться, отражая участие лексемы в реализации смыслов определенного типа; наконец, изменение фазовой структуры может вызываться введением специальных смысловых компонентов, присоединяющих новые дополнительные фазовые смыслы или актуализирующих, акцентирующих определенные фазы в сложном фазовом процессе; эти смыслы репрезентируются тогда морфологическими показателями. По-другому такой процесс мы называем образованием способа действия.

2. Способы действия неопределенных лексем

Как отметил Ю. С. Маслов, нетрансформативные действия начинают не с целью их окончания [Маслов 1984, с. 57]; естественно, что и в неопределенном глаголе какие-либо ограничения процесса не детерминируются его внутренней природой, поскольку срединная фаза не обрамлена двумя другими возможными пределами. Для таких процессов всякие ограничения возможны как внешние границы их протекания: особо может выделяться момент их возникновения, прерывания, остановки, возобновления и окончания, т. е. подобные ограничения исходят не из преобразования присущих данному процессу внутренних фазовых элементов, а продуцируются только добавлением новых акциональных смыслов, которые могут обрамлять все ту же медиальную фазу, или сам процесс. Эти дополнительные смыслы могут быть введены либо в лексическое содержание глагола (деривация глагола), либо добавлены в акциональную фразу как отдельные единицы.

В первом случае мы получаем глагольную морфологическую акциональность (способ глагольного действия), во втором — неглагольную лексическую акциональность (уровень обстоятельств и т. п.).

Способы глагольного действия, представленные в узбекском языке как модификаторы лексического значения неопределенных глаголов (глаголов состояния), охарактеризованы нами [Насилов 1978; 1984], а также в других работах [Юлдашев 1965; Ҳожиёв 1966; Нурмухамедов 1978]. Остановимся на формах с точки зрения особенностей модификации фазовой структуры неопределенных лексем.

1. Сначала рассмотрим формы выражения возникновения, начала процесса. Если придерживаться в рассмотрении фазовой структуры процесса точки зрения Г. Г. Сильницкого, то следует подчеркнуть, что в случае неопределенных глаголов точнее следовало бы говорить не о начальной фазе и какой-либо ее модификации, поскольку здесь фаза вообще не представлена (даже имплицитно), а о способе выражения возникновения процесса как целого явления. Однако не будем придавать такому уточнению решающего значения и, как это принято в аспектологии, сохраним наименование «начинательные» способы действия (СД), используя выражение «начальная фаза» и для данного случая.

Сама семантика начинательности может варьироваться. Для обозначения типов начинательности будем применять термины и их толкования, предложенные В. П. Недеялковым [Недеялков 1986; Теория грамматики 1987, с. 188—195]. Он различает три типа: инхотив, ингрессив, инцептив. Инхотивная начинательность связана с классом мутативных глаголов, т. е. изменения состояния-признака, и выражает постепенное нарастание признака вплоть до его становления: «стареть», «киснуть». Ингрессив обозначает наступление не состояния, но какого-либо действия, связанного чаще всего хотя бы с минимальной активностью субъекта, или же проявление психофизиологических состояний: «запеть», «зацвести», «залаять», «захохотать», «завертеть (ручку)». Он соотносится с неопределенными действиями, переход к которым совершается чаще как скачок «от отсутствия» процесса. Наконец, инцептив — это как бы глобальное обозначение начинательности

безотносительно к семантическому типу глагольной лексемы: «начинать спать», «начинать засыпать», «начинать цвести», «начинать гложуть», «начинать кистнуть». Значение инцептива, следовательно, может сочетаться с инхоативным и ингрессивным, что говорит о другом уровне признаков начинательности. Установление трех типов семантики начала процесса позволяет более точно описывать это явление в языках разной типологии, и схема В. П. Недялкова с этой точки зрения представляется весьма перспективной. В связи с использованием схемы В. П. Недялкова следует по-иному интерпретировать ряд СД в узбекском языке [ср.: Насилов 1984].

В. П. Недялков подчеркивает, что семантика начинательности в языках бывает осложнена другими акциональными значениями: интенсивности, полноты исполнения («приоткрыть») или быстроты [Недялков 1984]. Выше указывалось, что, как нам представляется, эти акциональные компоненты отражают разные стороны развития любого процесса и поэтому могут взаимно сочетаться при его характеристике. И начинательные смыслы соотносятся со сложными явлениями объективной действительности.

1) В узбекском языке представлены лексический и морфологический способы обозначения начала действия. Использование «аналитических формантов» (А. А. Юлдашев) как морфологических средств выражения рассматриваемых СД, можно считать, нашло последовательное отражение в тюркологических работах. Известные сомнения и споры вызывает аналитическая конструкция с глаголом *бошла*- 'начинать': можно ли считать сочетание «деепричастие + *бошла*» сложным формантом с грамматической семантикой начала процесса? А. А. Юлдашев пишет, что такое образование может «в лучшем случае рассматриваться как промежуточное явление синтаксического характера, а не как собственно морфологическая единица» [Юлдашев 1977]. С таким мнением следует согласиться. Действительно, в данном случае мы имеем лексический способ выражения начала, представленный знаменательной лексемой, семантика которой, правда, совпадает с семантикой морфологических аналитических показателей. Выше уже указывалось, как важно различать не содержание, а способ его представления в языке — через отдельную

самостоятельную лексему или через грамматический показатель (служебную морфему, в том числе и лексему). Глагол же *бошла-* является самостоятельной лексической единицей со значением «начать». Заметим, что «начать» — трансформативное действие и глагол *бошла-* принадлежит к предельным, поэтому и в данном сочетании с другим непредельным глаголом он обозначает достижение «началом» определенной точки, за которой реализуется результирующая консеквентная фаза «начала». Значение сочетания с *бошла-* А. А. Юлдашев определяет как «обозначение исчерпанности начального этапа действия, выраженного первым его компонентом» [Юлдашев 1977, с. 115], т. е. переход («скачок») процесса «начала» имеет своим результатом некоторое состояние, названное деепричастием другого глагола; в нашем случае это процесс только в его совершении, который обозначен непредельным глаголом, ср.: *толчиллай бошламоқ* 'начинать накрапывать'; *ўқий бошламоқ* 'начинать учиться'; *қимирлай бошламоқ* 'начинать шевелиться'; *эса бошламоқ* 'начинать дуть' и пр.

В обозначении начала разных непредельных процессов *бошла-* является наиболее универсальным лексическим средством. Сам тип выражения начала должен быть определен, согласно схеме В. П. Недялкова, как инцептив. Вместе с другими глаголами (*кириш-* 'начать', 'приступить'; *туш-* 'спускаться', 'падать'; *тутин-* 'приниматься', 'братся') он входит в синонимический ряд глаголов, выражающих значение инцептива [см.: Нурмухамедов 1976].

2) Модель *-(u)б + кет-* 'уходить' реализует семантику ингрессива (ранее мы ее определяли как инхоатив), указывая на момент возникновения длящегося состояния, которое только названо основным глаголом в деепричастной форме, но более никак не характеризуется. Это специализированный «аналитический формант» ингрессивного СД, который возник в узбекском языке применительно к классу непредельных глаголов. Выражаемая данным показателем ингрессивная семантика сочетается с указанием на интенсивность и внезапность возникновения состояния. Эта форма — одна из распространенных в узбекском языке, используется от разных семантических подгрупп непредельных глаголов, исключая глаголы отношения (встречается форма *ўхшаб кет-* 'уподобляться', чаще в настоящем времени:

Базъан у ўзбекнинг улўвор пахта чановига ҳам ўхшаб кетади 'Иногда оно [здание] уподобляется (~становится похожим) грандиозной узбекской хлопковой корбочке'; *Кўзлари бургутникига ўхшаб кетади* 'Его глаза похожи на глаза беркута'); ср.: *вичирлаб кетмоқ* 'заскрипеть', *яшнаб кетмоқ* 'зацвести', *жунжикиб кетмоқ* 'съежиться', *бўшашиб кетмоқ* 'расстроиться', *чарақлаб кетмоқ* 'засверкать', *қўрқиб кетмоқ* 'испугаться', *севиниб кетмоқ* 'обрадоваться', *эслаб кетмоқ* 'вспомнить', *жаранглаб кетмоқ* 'зазвенеть', *ёниб кетмоқ* 'загореться', *чимирилиб кетмоқ* 'нахмуриться', *гандираклаб кетмоқ* 'зашататься', *кеккайиб кетмоқ* 'заважничать', *айланиб кетмоқ* 'завертеться', *увиллай кетмоқ* 'завыть', *гумбурлаб кетмоқ* 'загремять', *иссиқлаб кетмоқ* 'разгорячиться', *қутуриб кетмоқ* 'взбеситься', 'разбушеваться', *нолиб кетмоқ* 'разбрызжаться', *гердайиб кетмоқ* 'возомнить' и пр.

Акциональные фразы указанного типа К. Шёниг рассматривает как результат преобразования инициально-трансформативной или нетрансформативной фразы в инициальную трансформативную, которое используется для выражения «наступления» сообщаемой основным глаголом фазы состояния. Акциональная спецификация осуществляется за счет обозначения начального предела действия (*Ausdruck der initialen Desinenzphase der Tätigkeit* [Schönig 1984, с. 182]). Действительно, как уже отмечалось, смысл указанного СД состоит в обозначении момента, границы (*Desinenz*), когда начинается процесс, возникает состояние. Семантические группы глаголов, рассматриваемые К. Шёнигом, совпадают с нашими. Так, он приводит примеры: *авырып китү* 'расхвораться', 'разболеться'; *кызыгып китү* 'вдруг заинтересоваться', 'увлечься чем-л.'; *аптырап китү* 'растеряться'; *калтыранып китү* 'вздрагнуть'; *тууып китү* 'озябнуть', 'замерзнуть'; *сөйләшип китү* 'разговориться' и др. Автор обращает внимание на то, что сам глагол *китү* 'уходить', 'уезжать', 'отправляться' реализует инициально-трансформативную семантику [Schönig 1984, с. 229—230], т. е. в его внутренней фазовой структуре является отмеченным antecedентное состояние (*c/c/-c*), фаза начала. Эта семантика вспомогательного глагола, видимо, и сыграла исторически свою роль в общем значении сложного форманта *-(u)б кет-* (тат. *кит-*).

3) Модель $-(u)б + қол-$ 'оставаться' также реализует семантику ингрессива, выявляя момент скачка в состояние, названное деепричастной формой, возникновение состояния, ранее не существовавшего [Насилов 1984, с. 151—153]; ср. *истаб қолмоқ* 'захотеть', 'восхотеть'; *адашиб қолмоқ* 'заблудиться'; *обриб қолмоқ* 'заболеть'; *ўралашиб қолмоқ* 'завертеться', 'закрутиться'; *пайдо бўлиб қолмоқ* 'появиться', 'звестись'; *валақлашиб қолмоқ* 'заговориться'; *ўйланиб қолмоқ* 'задуматься'; *қизиқиб қолмоқ* 'заинтересоваться'; *бетоб бўлиб қолмоқ* 'занемочь'; *шўппайиб қолмоқ* 'сжежиться', 'скорчиться'; *чувалиб қолмоқ* 'перепутаться', 'запутаться'; *ухлаб қолмоқ* 'заснуть'; *ҳовлиқиб қолмоқ* 'засуетиться'; *йўқолиб қолмоқ* 'затеряться'; *оломон ичида кўринмай* (отрицательная форма деепричастия) *қолмоқ* 'затеряться в толпе'; *чай ичгиси келиб қолмоқ* 'захотеть чаю'; *сақлаб қолмоқ* 'избавиться'; *ёқиб қолмоқ* 'полюбиться', 'понравиться' и др.

К. Шёниг, отмечая в татарском языке у аналогичной модели также специализацию в отношении законченности (исчерпанности) вводного (начального) момента процесса, указывает, что в целом фраза с этой моделью становится трансформативной, хотя основной процесс представляется как состояние, следующее за граничным моментом. Он замечает также, что семантика *калу-* 'оставаться' сказывается в использовании модели, подчеркивая статичность наступающего состояния [Schönig 1984, с. 163, 212—215].

4) Модель $-(u)б + юбор-$ 'посылать', 'отправлять' используется для выражения ингрессива от глаголов звукового проявления, дополнительными значениями здесь являются интенсивность, стремительность и внезапность возникновения процесса; ср.: *қичқириб юбормоқ* 'вскрикнуть'; *бақириб юбормоқ* 'закричать', 'заорать'; *ҳанграб юбормоқ* 'зареветь', 'заголосить'; *роса мақтаб юбормоқ* 'расхвалить'; *гапириб юбормоқ* 'разговориться'; *қақақлаб юбормоқ* 'раскудахтаться'; *ийблаб юбормоқ* 'расплакаться'; *кулиб юбормоқ* 'рассмеяться'; *йўталиб юбормоқ* 'закашляться', 'раскашляться' и др.

Указанные три модели с вспомогательными глаголами *кет-*, *қол-* и *юбор-* характеризуют начало проявления неопредельных процессов. Они своей ингрессивной семантикой как бы надстраиваются над срединной фазой основного процесса-состояния, обозначая начальную

границу его существования. Таким образом, модификация процесса сводится к введению в его семантическую структуру темпорального спецификатора, показывающего момент или границу, с преодолением которых начинается течение процесса. Приведенные аналитические показатели являются поэтому морфологическими выразителями *начинательного* способа действия *непредельных* глаголов.

2. Граница *непредельного* процесса может быть дополнительно установлена и «с другой стороны» для указания ограничения длящегося процесса.

Остановимся на грамматических средствах реализации в узбекском языке *способа действия*, который, в отличие от *начинательного*, не получил в аспектологии точного названия, он обозначает временные ограничения совершаемого процесса. Употребляют термины «ограничительный», «финитивный», «терминативный», «детерминативный», «делимитативный» и др. [Маслов 1965, с. 75]. Мы будем использовать термин «лимитативный», так как общим его смыслом является указание на момент (границу, точку) исчерпанности временного периода, отведенного (использованного, необходимого и т. п.) на данный процесс. Этот крайний временной предел искусственно прекращает *непредельный* процесс (правда, в понятие лимита времени должна входить и его начальная точка, но обычно с лимитом связывается представление о «правой» границе явления; в этом смысле и употребляется термин «лимитативный»).

Для выражения *лимитативного* способа действия в узбекском языке используется несколько бивербальных моделей (см. также подробный анализ других синонимичных средств [Ризаев 1981]).

1) Модель *-(и)б + бўл-* 'становиться' передает окончание с некоторого момента проявления определенного состояния, обозначенного *непредельным* глаголом разных семантических подтипов; ср.: *ишлаб бўлмоқ* 'отрабатывать'; *динфирлатиб чалиб бўлмоқ* 'отбарабанить'; *гулдираб (гумбурлаб) бўлмоқ* 'отгреметь'; *сайраб бўлмоқ* 'отпеть (о птицах)'; *ўйнаб бўлмоқ* 'отыграть'; *шовуллаб бўлмоқ* 'отшуметь'; *дежурлик қилиб бўлмоқ* 'отдежурить'; *гапириб бўлмоқ* 'договорить'; *чўмилиб бўлмоқ* 'искупаться'.

2) Модель *-(и)б + чиқ-* 'выходить' используется для указания на окончание процесса, который помещен

в определенные временные рамки с помощью темпоральных уточнителей различных временных обстоятельств, т. е. когда указаны временные границы развертывания всей ситуации в целом. М. А. Шелякин такое значение называет «пердуративным (ограничительно-длительным)» [Шелякин 1983, с. 188]. Наличие обстоятельств времени с семантикой «всю... ночь, неделю...» в таких высказываниях обязательно: *Бемор туни билан йўталиб чиқди* 'Больной всю ночь прокашлял'; *Ит тун бўйи ириллаб ~ хириллаб ~ вовуллаб чиқди* 'Собака пролаяла (по-разному) всю ночь'; *Булбул туни билан сайраб чиқди* 'Соловей пропел всю ночь'; *Бўрон кечаси билан вувуллаб чиқди* 'Буря прошумела всю ночь'; *қишлаб чиқмоқ* 'прозимовать', 'отзимовать'. Вспомогательный глагол, как правило, выступает в форме прошедшего категорического времени на *-ди*.

Та же модель используется и для неопределенно-моторных глаголов, но здесь ограничение процесса какими-либо временными рамками детерминировано тем, что совершаемые субъектом движения охватывают некий объект (объекты — часто расчлененные, пространственные) и после его «освоения» заканчиваются. Поэтому в предложениях обязательно наличие какого-либо пространственного объекта; ср.: *ҳамма ёқни кезиб чиқмоқ* 'обегать все стороны'; *боғнинг ҳамма ерини кезиб чиқмоқ* 'облазить весь сад'; *теварагида айланиб учиб чиқмоқ* 'облететь по кругу'; *боғни айланиб чиқмоқ* 'обойти сад'. В таких фраземах глаголы приобретают определенную целевую установку, но, как представляется, в каждом случае содержание движения заметно не изменяется: полет (по кругу), путешествие (по городу), хождение (по саду) и т. п. Как видно, в некоторых случаях здесь возникает значение дистрибутивности.

3) Наконец, имеется и лексический способ обозначения окончания процесса с помощью самостоятельной лексики *бит-* 'прекращаться', 'кончаться', которая сочетается с деепричастной формой основного глагола: *Печкада ўтин ёниб битибди* 'Дрова в печке прогорели'; *Қишлоқ батамом ёниб битган* 'Кишлак полностью сгорел'.

Модель *-(и)б + бит-*, хотя она последовательно отмечается тюркологами, в речи встречается довольно редко, глагол *бит-* 'кончаться', 'прекращаться' чаще сочетается с процессными именами [Насилов, Ризаев 1983,

с. 89—90; Ризаев 1981]. В то же время эта модель является членом довольно большого ряда синонимических средств выражения окончания неопределенных процессов, включающего «строевые» и «нестроевые» глаголы типа *туга-* 'кончатся', *тин-* 'прекращаться', 'переставать', а также различные фразеологизированные образования [Ризаев 1981].

Как и в случае с *бошла-*, в сочетании с *бит-* также реализуется его самостоятельное лексическое значение, сопоставимое с грамматическим [ср.: Юлдашев 1965, с. 47].

Рассмотренные средства выражения лимитативного способа действия неопределенных глаголов используются в разных временных формах, функционирование которых должно стать предметом специального исследования, связанного с характеристиками типов обобщенных аспектуальных ситуаций: это сфера взаимодействия нескольких временных «планов» — «внутреннего времени процесса», «внешнего времени» (у временной формы), временных планов контекста и т. п.

3. Казалось бы, поскольку неопределенные глаголы семантически репрезентируют только срединную фазу процесса, нет необходимости уточнять этот процесс в его течении. Однако, как тонко подметил Дж. Грубор, «действие, становление и состояние, передаваемые несовершенными глаголами, конечно, длятся, но сами глаголы обозначают не эту длительность, а то, что действие и становление совершаются, что *кто-то (что-то) находится в данном состоянии*; они непосредственно не говорят о длительности, о времени, но указание на эту длительность и на это время может быть им придано» [Вопросы 1962, с. 70. — Курсив мой. — Д. М.]. В узбекском языке существуют морфологические средства для передачи указанного смысла — «длительность неопределенного процесса». Эти специализированные формы показывают, что данным процессом занят определенный промежуток времени, поэтому в высказывании могут быть эксплицированы и внешние границы такого периода (лексическими средствами или обозначением события с временными границами, типа «зима»). Рассматриваемый способ действия обозначим как *дуративный* (или *длительный*).

1) Модель *-(u)б + тур-* 'стоять' показывает длительность проявления процесса-состояния в каких-то вре-

менных рамках (очень часто — небольших), которые или эксплицированы формально, или имплицированы всем высказыванием (контекстом). Примеры: *У хонада бир оз юриб турди* 'Он немного походил по комнате'; *театрларга бориб турмоқ* 'походить по театрам'; *Болага энага қараб туради* 'За ребенком будет смотреть няня'; *Соат қағири бир неча минут лиқиллаб турди* 'Маятник качался несколько минут'; *Тишим лиқиллаб турибди* 'У меня шатается зуб'; *Прибор стрелкалари титраб туради* 'Стрелки на приборах дрожат'; *Эрта-лабдан ёмғир тоғчилаб турди* 'С утра накрапывал дождь'; *Тонг отиши олдидан юлдузлар бирмунча вақт йилтираб туриб сўндилар* 'Перед зарей звезды некоторое время блестили и погасли'; *Қағир бир муддат қимирлаб туриб, тўхтаб қолди* 'Маятник покачался некоторое время и остановился'; *У эшик олдидан бир-мунча вақт депсиниб турди* 'Он немного потоптался у двери'; *У бир оз ўжарлик қилиб турди-да, кейин боришга рози бўлди* 'Он чуть поупрямился, но потом согласился пойти'.

2) Модель *-(и)б + юр-* 'ходить' несет ту же семантику дуративного способа действия: длительность проявления процесса во временных рамках (в этой модели отмечается проявление семантики вспомогательного глагола, поэтому ею представлены процессы с большей активностью их субъектов); ср.: *Шунча вақтдан бери нима иш қилиб юрдинг?* 'Что ты делал все это время?'; *Кун бўйи теварак атрофда айланиб юрдим* 'Я целый день бродил (пробродил) по окрестностям'; *кун бўйи шаҳарда югуриб юрмоқ* 'пробегать весь день по городу'; *Болалар кун бўйи бовда қий-чув қилиб ўйнаб юришди* 'Дети весь день шумно играли (проиграли) в саду'; *У икки соат машинада айланиб юрди* 'Он два часа ездил на машине'; *Биз кечгача кўчада тентираб юрдик* 'Мы до вечера толкались (протолкались) на улице'; *Лат еган жой бирмунча вақт оғриб юрди, лекин тезда тузалиб кетди* 'Ушиб поболел [немного], но скоро прошел' (Л. Толстой); *бассейнда бирпас сузиб юрмоқ* 'немного поплавать в бассейне'; *бировни таҳқирлаб юрмоқ* 'поиздеваться над кем-либо'; *курашиб юрган кезларида* 'в периоды борьбы'.

Как ни проявляется в образованиях самостоятельное значение *юр-*, их все же следует классифицировать как средства выражения дуративного способа действия:

лексическое значение глагола «ходить», «ездить» не совпадает с грамматическим (служебным) значением длительности (дуративности) проявления неопредельного процесса. То же подчеркивает К. Шёниг на материале татарского языка [Schönig 1984, с. 236—241], обращая внимание на отблески самостоятельной семантики используемых в качестве служебных глаголов статики. По-видимому, глагол *тур-* в силу своей семантики более легко переходит к функциям служебной лексемы, к тому же сами неопредельные глаголы в соответствующих контекстах свободно реализуют смысл «длительность» без формальной поддержки.

3) Модель *-a/-u + бер-* 'давать' (стяженная форма *-a/-ивер-*) подчеркивает непрерывность процесса, реализуя смыслы «продолжать», «без перерыва», «все еще» и т. п.; ср.: *яша бермоқ* 'продолжать жить', 'все еще жить'; *ўтира бермоқ* 'продолжать сидеть', 'сидеть'; *кула бермоқ* 'беспрестанно смеяться', 'продолжать смеяться'; *ёта бермоқ* 'продолжать лежать'; *юра бермоқ* 'ходить без перерыва', 'продолжать ходить'; *Тўйда ара-лашиб-қуралашиб юраеради киши* (Ойбек) 'На свадьбе человек не жеманится'; *ишлай бермоқ* 'продолжать работать' и др.

Коннотативные наслоения могут сопровождать и эту форму, в частности значение «непринужденного исполнения» субъектом осуществляемого процесса: *ишлай бермоқ* 'продолжать работать ~ работать себе и работать'; *айта бермоқ* 'продолжать говорить', 'рассказывать ~ говорить себе и говорить'. Таким образом, указанная аналитическая форма, передавая дуративность процесса, т. е. специально актуализируя заполненный данным процессом определенный временной промежуток, вместе с тем выражает дополнительные грамматические значения непрерывности процесса и часто непринужденность его совершения субъектом высказывания (здесь характеристики относятся к самому процессу и к его исполнителю).

Рассмотренные три вида модификации срединной фазы процесса также не затрагивают его внутренней структуры, а относятся к внешним условиям его осуществления: это тоже внешняя временная характеристика, «накладываемая» на процесс. Она используется тогда, когда необходимо акцентировать заполненность процессом обозначенного периода времени. Употребле-

ние глагола *давом эттир* — 'продолжать' относится к лексическим средствам выражения длительности.

Таким образом, для непредельных глаголов мы имеем три возможности модификации (спецификации) обозначаемого ими процесса: фиксация момента его возникновения; его прекращения, окончания; актуализация длительности проявления в период времени. Морфологические показатели часто сопровождаются коннотациями, касающимися особенностей дополнительных характеристик представления процесса в ситуации и его отношения к участникам последней (внезапность, интенсивность становления состояния, особенности ограничения временными рамками или пространственными типа «все время» ~ «все пространство», дистрибутивность и т. п.).

Ранее такие характеристики мы отнесли к первому уровню модификации процессов, как наиболее связанные с его фазовой структурой. Они принадлежат к «качественной аспектуальности», как ее определил Ю. С. Маслов [Маслов 1978]. Но непредельные процессы могут получать дополнительные количественные и пространственные характеристики, на которых следует остановиться отдельно. В то же время мы знаем, что некоторые семантические признаки входят в лексическое значение немодифицированного глагола, например многоактность макропроцесса («махать», «влиять», «дрожать», «трещать» и пр.). Наличие их в семантической структуре лексем не влияет на образование трех основных способов действия непредельных глаголов.

3. Предельные лексемы

Семантические подтипы предельных глаголов весьма разнообразны. С точки зрения «вещественных» значений они принадлежат к глаголам «действия», а также «развития». «Предельные глаголы обозначают активные, целенаправленные и контролируемые субъектом действия» [Шелякин 1978, с. 48], глаголы этой группы показывают действия «с одной степенью свободы», «результантные» [Холодович 1979, с. 138], все они реализуют смысл «делать так, чтобы наделить объект свойством или оказать на него воздействие способом, мотивированным основой глагола». Со стороны фазовой

структуры они представляют, как уже говорилось выше, внутренне расчлененное развернутое фазовое строение, в котором обязательно выделяется конечная, консеквентная фаза, т. е. реализованное или потенциальное «результатирующее» состояние [Сильницкий 1983, с. 59]. Поэтому акциональная структура предельных лексем является более сложной и разнообразной, но в целом все предельные глаголы объединяются тем типом акциональности, в котором наличествует результативное состояние, достижение процессом конечной фазы развития после преодоления границы, вершины (Desinenz), или предела. Представленность в предельном процессе не только медиальной фазы, но и других ее «обрамляющих» позволяет модифицировать каждую из них, что в языке предстает бóльшим числом способов действия, чем мы наблюдаем у непредельных глаголов.

1. В семантическую структуру предельных процессов, как показал Г. Г. Сильницкий, обычно входит «каузирующее состояние воздействия», которое может быть актуализованным в разной степени (ср.: *озолотить, бить, пáрить*) [Сильницкий 1983, с. 57—58]. Существующая в тюркских языках морфологическая формообразовательная категория каузатива может быть использована при определении акционального класса глаголов: ее формальные выразители являются, как правило, маркерами принадлежности лексемы к классу предельных.

1) В узбекском языке продуктивными аффиксами каузатива являются *-тир-/-дир-*, *-(u)t-*, обладающие широкой сочетаемостью: в словарях зафиксировано около 1000 глаголов с *-тир-/-дир-* и более 600 глаголов с *-(u)t-* [Кунгуров, Тихонов 1969]. Примерно 60 глаголов отмечено непродуктивными показателями каузатива: *-газ-/-гиз-/-каз-/-киз-*, *-ар-/-ур-/-из-* [Там же; Кормушин 1978, с. 12—53]. Таким образом, свыше 1600 глаголов оказываются формально отмеченными как предельные. Примеры: *Азир ким сени йўлдан адаштирди?* (Ойбек) 'Кто же тебя сбил с пути?'; *Совуқ бизни роса дилдиратди* 'Холод заставил нас сильно подражать'; *Аллақандай гумонлар юрагимни ёндирмоқда* (Ҳамза) 'Какие-то подозрения сжигают мою душу'; *Яна душман бирдан пулемётдан ўқ ёбдирди* (Ж. Ташенов) 'Вдруг враг снова открыл [ураганный] огонь из пулемета'; *Биз экинга сувни жилдиратиб оқиздимиз* 'Мы пустили

воду на посевы тонкой струей'; *Бўлмазур гаплар билан мени лақиллатмоқчисан?* 'Ты что, хочешь одурачить меня всякими небезлицами?'; *Муздек сув тишини сирқиратади* 'От холодной, как лед, воды ломит зубы'; *Бўлди энди, бас қил гул юзингни ҳасрат, алам билан сўлдирма!* (Уйбун) 'Довольно, перестань, не допускай того, чтобы твое цветущее лицо увяло от скорби и печали'; *Энди қамоқда чиритмоқчимисиз?* (Ойбек) 'Теперь вы хотите сгноить [брата] в тюрьме?'; *Вой шайтонлар, роса ўхшатибди қизга!* (Ойбек) 'Ну и дьяволы, здорово они сделали его похожим на девушку!' и др.

2) Среди предельных выделяется подгруппа глаголов, которые передают «постепенное возникновение состояния» (А. А. Потебня); их называют иногда глаголами развития, становления, или мутативными. Часть из них является дериватами от имен прилагательных, некоторые образуются с помощью аффикса *-ай-/-й-*, а также аффикса *-а-/-и-*. Эти словообразовательные модели могут сигнализировать о предельности глаголов. Примеры: *тарвай-* 'раздаваться (вширь)', 'расходиться', 'расширяться'; *кенгай-* 'расширяться', 'увеличиваться'; *гердай-* перен. 'возноситься', 'устремляться вверх'; *озай-* 'уменьшаться', 'убывать' — *Дарёнинг суви озайди* 'Вода в реке убавилась'; *сулай-* 'ослабевать', 'изнемогать' — *Раққослар ҳолдан тойиб сулайдилар* 'Танцоры, выбившись из сил, изнемогли'; *камай-* 'уменьшаться' — *Маҳсулотнинг таннархи беш процент камайди* 'Себестоимость продукции уменьшилась на пять процентов'; *қорай-* 'темнеть ~ чернеть' — *Унинг кўз олди қорайди* 'В глазах у него потемнело'; *улғай-* 'вырастать'; *уза-* 'удаляться'; *узай-* 'удлиниться'; *бўша-* 'пустеть', 'освободиться'; *юмша-* 'смягчаться'; *бойи-* 'богатеть' и др.

Таких глаголов насчитывается в узбекском языке около 50.

В эту же семантическую подгруппу входят несколько глаголов (около 30), образованных аффиксами *-ар-/-ир-*; ср.: *ўзгар-* 'изменяться'; *қизар-* 'краснеть', 'горячиться'; *кўкар-* 'зеленеть', 'принимать зеленую окраску'; *ёшар-* 'молодеть'; *юмшар-* 'размягчаться'; *қисқар-* 'укорачиваться'; *оқар-* 'белеть', 'бледнеть'; *кексар-* 'стареть'; *эскир-* 'устаревать'.

Интересно, что указанные глаголообразующие аффиксы используются также и при образовании изобразительных глаголов (см. выше).

Оба рассмотренных словообразовательных типа позволяют и на формальном уровне подчеркнуть предельную семантику глаголов становления, но и без этой поддержки она сама по себе является достаточно показательной, чтобы выявить содержательный и акциональный тип глагола. Отметим только, что глаголы становления, хотя и являются предельными, реализуют иной тип «вещественной» семантики, чем большинство предельных глаголов «действия». Они, по терминологии Г. Г. Сильницкого, относятся к «процессивам», т. е. в их структуре не представлено каузирующее состояние. Они характеризуют поэтому только самого субъекта действия, и мутации его признаков-состояний могут быть сопоставлены с неизменяемыми признаками субъектов, отражаемыми в глаголах состояния. Все это позволяет говорить об особом типе «качественной аспектуальности», реализуемой глаголами данной подгруппы, и рассматривать такие глаголы как переходную ступень от глаголов состояния к предельным [Насилов 1984, с. 156—161]. В. П. Недялков, как и Ю. С. Маслов, называет такие глаголы «инхоативами»: инхоативы — это как бы ингрессивы, приспособленные для выражения спонтанных изменений [Недялков 1986, с. 124; Теория грамматики 1987, с. 189]. Как представляется, их определенная соотносительность с глаголами состояния (с точки зрения характеристики субъекта различие — в статичности и динамичности признака) является причиной того, что глаголы развития признака в узбекском языке имеют для выражения начинательного способа действия те же формальные средства, что и глаголы состояния, в частности модели с вспомогательными глаголами *кет-* и *қол-*, наполняемые, однако, несколько иным содержанием (см. ниже). В то же время «градуальность» признака в медиальной фазе вызвала к жизни особый способ ее актуализации.

2. Помимо приведенных выше «характеризованных» глаголов развития в узбекском языке много и «нехарактеризованных» (т. е. без особых примет), среди них: *сўн-* ‘гаснуть’, ‘угасать’, ‘меркнуть’ — *Юлдузлар хиралашиб, жимгина сўнар* (Ойбек) ‘Звезды тускнеют и медленно угасают’; *хиралаш-* ‘тускнеть’, ‘бледнеть’; *сўл-* ‘блекнуть’; *ўнг-* ‘линять’, ‘выцветать’; *уйбон-* ‘пробуждаться’, ‘просыпаться’ — *Ишчилар, уйбон, уйбон, этишди сенга ўқурба замон* (Ҳамза)

‘Проснись, проснись, проснись, рабочий, пришла пора тебе учиться!’; *улублан*- ‘возвеличиваться’; *нура*- ‘осыпаться’, ‘рассыпаться на мелкие кусочки’; *қалинлаш*- ‘утолщаться’; *қуюқлаш*- ‘густеть’, ‘сгущаться’ — *У ҳам севди, мен ҳам, / Табора қуюқлашди бизнинг ишқимиз* (С. Жўра) ‘И она любила, и я, / Постепенно наша любовь росла’; *пиш*- ‘зреть’, ‘спеть’, ‘жариться’ — *Пишган овқатнинг умри қисқа* ‘У готовой пищи жизнь коротка’; *пиши*- ‘становиться готовым’, ‘доходить до зрелости, совершенства’ — *У ёши бўлса-да, халқ революцияси тўлқинида пишиди* (Н. Сафаров) ‘Хотя он и молод, он созрел в волнах народной революции’; *ўс*- ‘расти’ и т. п.

Перейдя к чисто семантическим признакам предельных глаголов, продолжим ряд глаголов «действия» следующими их «вещественными» разновидностями.

1) Очевидным воплощением целенаправленного трансформативного действия является конкретный результат, воспринимаемый как изменение свойств объекта («наглядный результат»). Лексемы, отражающие такие действия, также обладают явной предельностью процесса [Насилов 1984]. Приведем примеры группировок таких лексем.

а) Глаголы «созидания и разрушения»: *буз*- ‘разрушать’, ‘ломать’; *емир*- ‘разрушать’, ‘ломать’, ‘крушить’, ‘низвергать’; *чақ*- ‘дробить’, ‘колоть’, ‘раскалывать’; *ажрат*- ‘отделять’, ‘разлагать (на части)’; *эрит*- ‘растворять’; *майдала*- ‘размельчать’, ‘крошить’, ‘дробить’; *йўқот*- ‘уничтожать’; *ёр*- ‘раскалывать’, ‘колоть’, ‘рубить’; *туз*- ‘составлять’, ‘формировать’; *яса*- ‘мастерить’, ‘создавать’, ‘производить’; *ула*- ‘соединять’, ‘связывать’, ‘сцеплять’; *сол*- ‘строить’, ‘сооружать’, ‘класть’, ‘устраивать’; *қўш*- ‘соединять’, ‘объединять’, ‘прибавлять’; *тик*- ‘сажать’, ‘сшивать’ и др.

б) Глаголы разнообразного воздействия на объект с целью изменения его свойств — внутренних и внешних — путем применения определенных операций, инструментов, веществ и т. п.: *совунла*- ‘мыть’; *теш*- ‘дырять’, ‘пробивать’; *ёп*- ‘закрывать’, ‘покрывать’; *оч*- ‘раскрывать’, ‘открывать’; *ёндир*- ‘жечь’, ‘сжигать’, ‘поджигать’; *андавала*- ‘штукатурить при помощи мастерка’; *арт*- ‘вытирать’, ‘обтирать’, ‘очищать’; *беза*- ‘украшать’, ‘наряжать’, ‘оформлять’; *бела*- ‘пачкать’, ‘обваливать’; *бос*- ‘давить’, ‘жать’, ‘печатать’, ‘топ-

тать', 'подавлять', 'усмирять'; *бобла*- 'обвязывать', 'привязывать', 'запруживать'; *гўнгла*- 'унаваживать'; *елпи*- 'веять', 'провеивать'; *исит*- 'греть', 'нагревать'; *ковла*- 'копать', 'рыть', 'ковырять'; *кўм*- 'закапывать', 'зарывать', 'хоронить'; *оксидла*- 'окислять', 'подвергать окислению'; *пурка*- 'опрыскивать', 'прыскать'; *сирла*- 'красить', 'окрашивать', 'покрывать глазурью', 'покрывать амальгамой'; *тамбала*- 'подпирать дверь палкой, шестом'; *тақала*- 'ковать', 'подковывать'; *ур*- 'бить', 'колотить', 'избивать'; *чанди*- 'стягивать', 'обвязывать'; *чапи*- 'смазывать', 'намазывать'; *шил*- 'обдирать', 'лущить', 'обирать'; *эш*- 'вить', 'скручивать', 'прясть'; *яссила*- 'сплющивать', 'сглаживать'; *қирқ*- 'подрезать', 'стричь', 'урезывать'; *хўпла*- 'глотать жидкость', 'поглощать' и пр.

в) Глаголы приобретения, передачи, отчуждения, образуя самостоятельную ядерную группу, своими периферийными членами активно соприкасаются с другими семантическими типами глаголов: *ал*- 'брать', 'взимать', 'получать'; *бер*- 'давать', 'отдавать', 'подавать', 'передавать', 'представлять'; *сот*- 'продавать'; *сотиб ол*- 'покупать'; *ўбирла*- 'красть'; *бўл*- 'делить'; *айир*- 'отделять'; *танла*- 'выбирать', 'отбирать', 'выделять'; *топшир*- 'вручать'; *мукофотла*- 'награждать', 'премировать'; *эгалла*- 'овладевать', 'захватывать', 'занимать' и пр.

г) Большую подгруппу составляют глаголы, обозначающие воздействие на природу человека и других живых существ, оно может затрагивать физическую, физиологическую, психическую, духовную деятельность: *азобла*- 'истязать', 'мучить', 'пытать'; *қийна*- 'мучить', 'изводить', 'пытать', 'истязать', 'притеснять'; *зўрла*- 'насиловать'; *сава*- 'стегать прутом, плетью'; *ўксит*- 'наносить обиду'; *ўқит*- 'обучать', 'наставляя'; *қўрқит*- 'пугать'; *ачит*- 'вызывать чувство жжения', 'жечь', 'щипать'; *ачинтир*- 'вызывать скорбь'; *тушунтир*- 'разъяснять', 'объяснять'; *ишонтир*- 'убеждать'; *ўргат*- 'обучать', 'приучать' и пр.

д) Близи к подгруппе (г) и глаголы побуждения типа *бур*- 'приказывать', 'велеть'; *тайинла*- 'поручать', 'наказывать', 'приказывать'; *сўра*- 'просить'; *ялин*- 'умолять', 'упрашивать', 'молить'; *ёлвор*- 'упрашивать'.

Разнообразие трудовой и социальной деятельности человека, осуществляемой целенаправленно для достижения конкретных результатов, порождает большое количество лексем, ее отражающих. Здесь возможна очень детальная классификация типов человеческой деятельности, зафиксированной в «вещественных» значениях глаголов [см., например: Оразов 1983], однако для целей акциональной характеристики процессов такие дробные рубрикации не обязательны. Важно только учитывать возможности сочетания глаголов с обстоятельствами как средствами выражения неглагольной аспектуальности, что определяется в значительной мере «вещественной» семантикой лексем. Семантический признак предельности процесса и с неодинаковой степенью четкости и наглядности выраженная идея «результантности» действия останутся непререкаемыми компонентами лексических значений глаголов данной и других рассматриваемых подгрупп.

2) Предельны также глаголы, обозначающие перемещение объекта, изменение его пространственного положения по отношению к другим предметам, участникам ситуации; ср.: *жилдир*- 'двигать', 'сдвигать с места', 'приводить в движение'; *юмалат*- 'перекатывать', 'катить'; *афнат*- 'валять', 'катать'; *ўрнат*- 'поместить'; *ил*- 'прицеплять', 'вешать'; *тўбрила*- 'выпрямлять', 'выправлять'; *силжит*- 'сдвигать', 'двигать'; *қўпор*- 'выкорчевывать'; *қайда*- 'прогонять', 'изгонять'; *қуй*- 'ставить', 'класть'; *қуй*- 'лить', 'вливать'; *от*- 'бросать', 'кидать', 'метать', 'швырять', 'стрелять'; *қўчир*- 'переводить', 'перемещать', 'переносить', 'переселять'; *торт*- 'тащить', 'вытаскивать', 'притягивать'; *тит*- 'ворошить', 'разгребать' и др.

3) Предельными являются также однонаправленные глаголы движения и определенно-направленного перемещения в пространстве субъекта, в семантике которых наличествует «консеквентное состояние», реализующее смысл «местонахождения» [см.: Сильницкий 1983, с. 57—58]. Их особенностью является принадлежность к классу «процессивов» (без каузативной семантики), т. е. они реализуют процесс, осуществляемый только одним субъектом. Как мы видели, такие глаголы могут тоже относиться к предельным. Здесь укажем такие лексемы: *чиқ*- 'выходить', 'отправляться'; *кир*- 'входить', 'заходить', 'въезжать', 'заезжать'; *кел*- 'прихо-

дять', 'приезжать', 'прибывать'; *кет-* 'уходить', 'уезжать', 'идти куда-либо'; *кеч-* 'переходить вброд', 'переправляться', 'проходить'; *йт-* 'проходить', 'проезжать', 'миновать'; *бот-* 'погружаться', 'тонуть', 'идти ко дну'; *жйна-* 'отправляться', 'направляться'; *ет-* 'доходить', 'доезжать', 'добираться', 'достигать'; *жил-* 'двигаться', 'сдвигаться с места'; *туш-* 'спускаться', 'слезать', 'сходить'; *қоч-* 'убегать', 'ускользать', 'сбежать'; *мин-* 'садиться верхом', 'садиться на транспортное средство'; *кўтарил-* 'подниматься'; *яқинлаш-* 'приближаться'; *узоқлаш-* 'удаляться'; *йироқлаш-* 'отдаляться'; *қайт-* 'возвращаться'; *бор-* 'отправляться', 'идти'; *тисарил-* 'пятиться', 'подаваться назад' и др. [см. также: Тенишев 1961, с. 232—293; Халиков 1967].

И снова для модификации акциональной семантики этих глаголов используется модель *-(и)б қол-*, как и при глаголах состояния. Тем самым в класс предельных глаголов по внутренней организации процесса объединяются глаголы развития и глаголы однонаправленного движения, имеющие в своей медиальной фазе особое развитие процесса — нарастание признака или постепенное изменение параметров в пространственной ориентации субъекта (постоянное удаление—приближение к конечной точке, пространственному пределу). Этот формальный момент единства в способах акциональной модификации указанных двух подгрупп лексем, отмечаемый в языке иной типологии, подтверждает, с нашей точки зрения, правомерность анализа фазовой структуры таких лексем, который представлен в моделях Г. Г. Сильницкого [Сильницкий 1983; 1986].

4. Способы действия предельных лексем

Предельность и «результантность» рассматриваемых глаголов оказывают существенное влияние на их аспектуальные потенции. Семантическая наполненность всех фаз процесса, а также их смысловая сложность — присутствие каузативного компонента — способствуют тому, что акциональная составляющая может получать в высказывании, в акциональной фразе, разную специализацию для передачи тонких оттенков развертывания процесса. Особенно это касается его заключитель-

ной фазы, раскрывающей способ достижения процессом результативного состояния. Видимо, далеко не случайно в разных языках отмечается наличие ряда разновидностей результативных способов действия, представленных целым набором морфологических средств.

1. а) Как и для других групп глаголов, для предельных также возможна модель *-а/-й + бошла-* 'начинать', которая используется в качестве средства выражения инцептива. О семантико-грамматическом статусе этой модели говорилось выше. Мы рассматриваем ее как лексический способ реализации значения начала процесса, хотя она структурно совпадает с «аналитической морфемой». Сочетание с *бошла-* является универсальным средством представления обобщенного начала любого процесса, в том числе и предельного, причем факт его возникновения не сопровождается какими-либо коннотациями. Примеры: *Биз уй қура бошладик* 'Мы начали строить дом'; *Орадан кўп ўтмай у смена топшириқларини бажара бошлади* 'Через некоторое время он начал выполнять сменные задания'; *Солижон жинчироқ ёқиб хатни қижжилаб ўқий бошлади* (Ж. Шарипов) 'Солиджон, засветив копилку, начал по слогам читать письмо'; *Қўнғирча эса унинг ҳаёт йўлини қайтара бошлаган эди* (Жорқинбоев) 'И Кунгырча начала повторять ее жизненный путь'; *Тонг ота бошлади* 'Начало светать'.

б) Конечно, предельные процессы ориентированы прежде всего на достижение заключительной, консеквентной фазы, реализующей возникшее состояние, поэтому и семантический акцент обычно делается на эффективности результата действия. Эта особенность находит отражение в узбекском языке в том, что для предельных глаголов не характерны бивербальные формы, с помощью которых актуализируется начальная фаза процесса (ср. неопредельные глаголы). Однако среди предельных глаголов выделяется группа глаголов становления, развития, для которых используется модель *-(и)б + кет-* 'уходить', передающая значение ингрессива, как его определяет В. П. Недялков [Недялков 1986, с. 129; Теория грамматики 1987, с. 190—191], но с той поправкой, что это значение связывается с инхоативными глаголами — глаголами становления. Как мы знаем, та же модель используется и для глаголов состояния (см. с. 143—144).

Рассматриваемая модель показывает начальный момент интенсивного возникновения развивающегося признака: признак возникает или выходит за рамки «нормы» и затем продолжает однонаправленное (в сторону увеличения или уменьшения проявления) развитие [Насилов 1984, с. 158]. Эта грамматическая семантика поддерживается неглагольными лексическими средствами типа «изрядно», «еще», «опять» (*табинда* 'еще', 'опять'; *анча* 'изрядно'). Примеры: *Кийимларим ёмбирда ивиб кетди* 'Моя одежда намокла под дождем'; *Москва сизга ёқибди шекилли жуда ўсиб кетибсиз-ку, Ойтўти, мана қаранг-а, менга этиб қолибсиз* (Ойдин) 'Видно, Москва вам на пользу, вы очень выросли, Ойтути, смотрите-ка, меня догнали'; *Қобоз қалин бўлса, китоб қалинлашиб кетади* 'Если бумага будет толстой, то и книга потолстеет'; *Солдатлар йўл-йўлакай бири-бири билан жуда қалинлашиб кетди* (З. Фатхуллин) 'Солдаты постепенно очень сблизились друг с другом'; *Кун ботиш пайтда осмон қизариб кетди* 'Во время заката небо покраснело'; *Бола қулоғи қизариб, ранги бўзариб кетса зам, ун чиқармас эди* (М. Исмоилий) 'Хотя ухо у мальчика покраснело, а сам он побледнел, он не издавал ни звука'.

в) В смысловом отношении с глаголами развития, как представляется, сближаются глаголы однонаправленного действия. В узбекском языке, действительно, возможны их сочетания с *кет-*, однако квалификация этих сочетаний вызывает споры. В них направление развития признака совпадает с направлением движения, обозначаемого глаголом *кет-*, и в целом сочетание нередко воспринимается как соединение глаголов, уточняющих друг друга, поэтому А. А. Юлдашев в таких случаях отмечает отсутствие полной десемантизации второго компонента [Юлдашев 1977, с. 126], в то же самое время он обращает внимание и на тот факт, что в этой модели реализуется единое грамматическое значение «исчерпанности периода обострения процесса» [Юлдашев 1965, с. 86]. С нашей точки зрения, это совершенно верное уточнение, которое позволяет признать, что в любом случае в этой модели реализуется одно и то же акциональное значение ингрессива с оттенком интенсивности. Именно совпадение векторов основного и вспомогательного глаголов позволяет говорить о единстве акциональной

семантики модели, при которой «вещественные» оттенки направления движения отступают на второй план.

В обогащенном акционально лексическом значении сложного глагола возникает семантика реализованности предела начальной фазы, тем самым «запускается» семантика направленного перемещения у «основного» глагола, но эта направленность всегда однозначна в своей реализации, определяемой «вещественным» значением лексемы. Так, глагол «отправиться» не может выражать ничего иного, кроме указания на движение от исходного пункта в одну, определенную сторону. Модификация его акциональной части с помощью *кет-* позволяет передать и начало отправления (момент возникновения процесса) и дополнительно его интенсивное — и поэтому акцентированное — возникновение. Именно таким образом оказывается семантически отмеченной начальная фаза процесса «отправиться». Иное дело в сочетаниях *кет-* с неоднаправленными глаголами, когда лексические значения обоих глаголов оказываются противоречащими друг другу и содержательно, и акционально: «летать в разных направлениях» — неопредельный глагол, «уходить» — одинаправленный и предельный. Их сочетание позволяет выразить направленность движения и одновременно его стремление к пределу, привнесенному акциональной семантикой вспомогательного глагола: «улетать» = «двигаться в одном определенном направлении от исходной точки до реализации пространственно-временного предела нового местонахождения».

Конечно, и в данном случае нельзя забывать о возможной фразеологизации и лексикализации бивербальных конструкций, а также о совпадении последних со свободными сочетаниями; ср.: *Тери чиқиб кетди* 'Он вспотел' (букв. 'Вышел его пот') — *Араванинг билдирафи чиқиб кетди* 'Колесо арбы соскочило' — *Арава дарвозадан чиқиб кетди* 'Арба выехала из ворот'. Интересны сочетания с глаголом *юр-* 'ходить', который, как мы уже знаем, реализует семантику одно- и разнонаправленных действий. Первыми значениями Толковый словарь признает значения одинаправленных действий: 1) 'Двигаться вперед шагом, отправляться шагая'; 2) 'Осуществлять движение

в определенном направлении, отправляться с одного на другое место' (о транспортных средствах); 3) 'Вообще отправляться от какого-либо места' (ИЛ I, с. 472). Отсюда возможны формы: *юриб кетмоқ* 'пойти [пешком]'; *Бола юриб кетди* 'Ребенок начал ходить [пошел]'; *Соат юриб кетди* 'Часы пошли'; *Мотор юриб кетди* 'Мотор пошел (заработал)'. Во всяком случае, и для узбекского языка важно учитывать разнообразие лексической семантики глаголов движения, сочетающихся с *кет-*, на что обратил внимание К. Шёниг, анализируя сходную модель в татарском языке [Schönig 1984, с. 195—199]. Примеры: *От хуркиб сапчиб кетди* 'Испугавшись, лошадь бросилась в сторону'; *Меҳмонлар кеча жўнаб кетишиди* 'Гости уехали вчера'; *Сиз кечикдингиз, поезд жўнаб кетди* 'Вы опоздали, поезд уже отправился'; *Отлиқлар чопишиб кетишиди* 'Всадники умчались'; *Қўйлар, бўри теккандай тўзиб кетди* 'Бараны разбежались, словно на них напал волк'; *Кўп вақт ўтиб кетди* 'Много времени утекло [с тех пор]'.

Вспомогательный глагол *кет-* сочетается, таким образом, только с «процессивами», т. е. с глаголами, семантика которых связана с самим субъектом процесса. Сочетания с глаголами каузативной семантики в узбекском языке не употребляются, в противном случае *кет-* или реализует свое самостоятельное значение — *У отни эгарлаб, чоптириб кетди* 'Он оседлал лошадь и уехал, пустив ее вскачь', или же выступает в фразеологизированном сочетании — *Ўбирлаб кетмоқ* 'стащить', 'утащить'; *судраб олиб кетмоқ* 'оттащить'.

2. а) Возможны в узбекском языке модификации срединной фазы предельных глаголов. Отметим, что и здесь используются средства, уже известные по неопредельным глаголам, — модели с *тур-*, *юр-*, *ўтир-* и *ёт-*, но эти модели не являются широко распространенными, видимо, потому, что медиальная фаза, сама сложная по семантической структуре, в этих глаголах актуализируется редко, ибо их функциональным ядром выступает все-таки конечная фаза. Как уже указывалось ранее, названные вспомогательные глаголы реализуют семантику дуративного способа действия, показывающего длительность процесса, представленного глаголом. Эта длительность говорит о том, что предельный процесс еще только направля-

ется к своему пределу, к разрешению «консеквентного состояния», т. е. способ действия сигнализирует, что определенный временной промежуток занят процессом и данный промежуток ограничен имплицитно представленной фазой начала (длится ведь только начавшийся процесс) и обязательно достигаемой через какое-то время конечной фазой (предельной точкой процесса). Ясно, что указанная модификация возможна только для тех процессов, медиальная фаза которых сама является длительной, в противном случае в модели реализуется итеративная семантика, принадлежащая сфере количественной аспектуальности (ср.: 'шить' — 'сшить', 'кончать' — 'кончить', но 'прыгать' — 'прыгнуть', 'толкать' — 'толкнуть') [Сильницкий 1983, с. 57; см. также: Johanson 1971, с. 197; Schönig 1984, с. 39, 64; Теория грамматики 1987, с. 144—145]. Примеры на дуратив: *Сен укангни ўйнатиб тур* 'Ты поиграй с младшим братом'; *У аввало халқ қўшиқларини ижро этиб юрди, кейин ўзи тўқиган қўшиқларни куйлай бошлади* 'Сначала он исполнял народные песни, а потом начал петь песни, сочиненные им самим'; *Болтоев обрўйимни тутдек тўкиб ўтирибди-ю, сиз уни: «Қўй обзидан чўп олмаган» деб юрибсиз* (С. Абдуқаҳҳор) 'Болтаев топчет мой авторитет, как ягоды тутта, а вы говорите о нем, что он мухи не обидит'; *Дадам поездга чиқаётганида бизларни бафрига босиб туриб йиғлаб юборди* (У. Ҳакималиев) 'Когда отец садился в поезд, он, прижимая нас к своей груди, расплакался'.

б) Постоянство действия, т. е. отсутствие в его течении перерывов, передается известной уже моделью *-а/-и + бер-* 'давать' (*-авер-*): *Деразадан тушиб турган ёрублик аста-аста сўниб, уй ичи қоронбилашаверди* (С. Аҳмад) 'Падающий из окна свет постепенно мерк, и внутри дома темнело'; *«Хат борми?» — десам, — «Йўқ», — деб кетаверади* (И. Раҳим) 'Я спрашиваю: «Письмо есть?», — а он отвечает: «Нет» — и идет дальше'.

в) Особенностью срединной фазы глаголов становления (или развития, мутативных) является та акциональная семантика, которая говорит о динамике признака, т. е. его изменении в направлении предела со знаком нарастания или ослабления. Этот семантический момент в узбекском языке может подчерки-

ваться специальной моделью $-(u)б/-а- \sim -й + бор-$ 'идти от... и до...', эксплицирующей этап развития признака после его возникновения. Обращает на себя внимание использование в качестве вспомогательного глагола *бор-*, который сам реализует семантику поступательного движения, поэтому и в этом случае можно говорить о близости самостоятельной и служебной семантики, передаваемой лексемой. И все же предпочтительнее считать, что модель предназначена для выражения определенной акциональной семантики, которая способна сочетаться (наслаиваться, «гибридизироваться») с акциональностью любой глагольной лексемы, относящейся к группе мутативных. Наличие специальной формы, направленной на актуализацию «градуальности» срединной фазы таких глаголов, позволяет видеть здесь особый способ действия, который можно назвать эволютивным способом действия глаголов становления или курсорным. Примеры: *Қиз ҳаёти янги воҳеа, янги мазмун билан бойиб борди* (С. Абдуқаҳҳор) 'Жизнь девушки [постепенно] обогатилась новыми событиями, новым содержанием'; *Мусажон билач Алиқулнинг савдо-сотик иши революциядан сўнг бирдан синмаса ҳам, аста — секин сўниб борди* 'Торговое дело Мусаджона и Аликула после революции хотя и не прогорело сразу, но постепенно угасало'; *Қуриб бораётган лабларини ялайдилар* (Ойдин) 'Они облизывали пересыхающие губы'; *Социализмнинг моддий-техника базаси тобора ўсиб бормоқда* 'Материально-техническая база социализма постепенно растет'; *Товушлар тобора мендан узоқлаша борди* 'Голоса постепенно удалялись от меня'.

Морфологическая акциональная форма поддерживается лексическими средствами: *муттасил* 'беспрерывно', 'непрерывно'; *тўхтовсиз* 'безостановочно'; *тобора* 'чем дальше, тем больше'; *бора-бора* 'постепенно' и др.

Таким образом, при модификациях срединной фазы предельных глаголов оказывается значимым и качество отражаемого в ней процесса, что особенно заметно на примере глаголов развития. Данное обстоятельство еще раз свидетельствует о том, что акциональная семантика теснейшим образом связана с общей семантикой лексемы и что взаимодействие грамматической

и лексической семантики покоится на ономаσιологическом фундаменте.

3. Особенно рельефно указанная связь проявляется при модификации конечной фазы предельных процессов, когда процесс доходит до временной точки, преодоление которой приводит к возникновению консеквентного состояния. В узбекском языке существует целая серия глаголов-модификаторов, по-разному характеризующих завершение предельного действия. Фактор «результантности» проявляет себя в том, что для акциональной модификации (т. е. использования того или иного вспомогательного глагола) оказывается существенной и семантика объекта, к которому прилагается «воздействие» обозначаемого глаголом процесса. Именно этим обстоятельством объясняется то, что в качестве модификаторов здесь используются также предельные глаголы и к тому же, как правило, переходные [Насилов 1984, с. 138—141]. Все бивербальные формы передают значение реализованного предела процесса, они эксплицируют ту семантику, которая заложена в лексическом значении глагола, и передают в целом более сложную акциональную семантику, чем ее несет простой, немодифицированный глагол. Субъект во всех случаях выступает как активный, заинтересованный производитель действия (еще точнее — воздействия).

а) Как обычно, начнем с модели, в которой вспомогательный глагол реализует свое самостоятельное значение, идентичное грамматическому значению законченности: *-(u)b + битир-* ‘кончать’, ‘заканчивать’. Глагол *битир-* следует отнести к собственно строевым финитивным глаголам узбекского языка. Это «типовое», «строевое» средство (Л. В. Щерба), в котором значение прекращения и окончания процесса представлено в чистом виде, без наращения дополнительных оттенков [Насилов, Ризаев 1983, с. 89—90], но статистически модель редко используется в языке. Нетрудно видеть, что *битир-* является каузативной формой от *бит-* ‘кончатся’, используемого при глаголах состояния. Примеры: *Колхозимиз. . . шартномада кўрсатилган миқдор ерга йигирма иккинчи апрельда юз фоиз чигит экиб битирди* (А. Қодирий) ‘Наш колхоз. . . двадцать второго апреля закончил сев хлопка на сто процентов на площади, указанной

в договоре' (пример А. Ходжиева); *У қаламни ёзиб бити:ди* 'Он исписал карандаш'.

В качестве глаголов с самостоятельной семантикой завершения могут использоваться и такие, как *туғат-* 'исчерпывать', 'заканчивать'; *тамом қил-* 'кончать' (Ризаев 1981).

б) Аналитический аффикс *-(и)б + бўл-* 'становиться' реализует значение законченности с достижением результата, причем объект, на который направляется воздействие, семантически не ограничивается. По наблюдениям А. Ходжиева, модель с *бўл-* является наиболее универсальной для обозначения результативности процесса [Ходжиев 1966, с. 85—87]. Она свойственна не всем тюркским языкам, а только узбекскому, каракалпакскому, киргизскому и туркменскому [ЭСТЯ 1978, с. 187].

Здесь обращает на себя внимание использование в качестве вспомогательного непереходного глагола, в то же время это вполне объяснимо для аналогичной формы у глаголов состояния. Мы высказали предположение, что в случае предельных глаголов, имеющих сложную составную семантическую структуру отражаемых процессов (У. Чейф, Г. Г. Сильницкий), семное согласование основного глагола и модификатора может проходить либо по линии переходного действия (воздействия), либо по линии процесса. Последнее и позволяет использовать предельный, но не переходный глагол *бўл-*, который обозначает переход в какое-либо состояние, т. е. и своей лексической семантикой акцентирует возникновение нового состояния. С исторической точки зрения возможно иное объяснение данного феномена. Нельзя ли предположить, что в указанных языках отразилась монгольская модель с глаголом *боли-* (монг. *болих*, бурят. *болихо*) 'переставать', 'прекращать', который контаминируется с тюркским глаголом *бол-* 'становиться' (узб. *бўл-*). Монгольский глагол — переходный и сочетается как с именами, так и с различными глагольными функциональными формами. Возможно, с заимствованием модели и связан тот факт, что она не имеет статуса общетюркской (тогда в Этимологическом словаре не уловлена предполагаемая контаминация значений у *бол-*).

Примеры с *-(и)б + бўл-* немногочисленны, но по-

сколько здесь реализуется общее значение завершенности результативного процесса, то можно говорить об общерезультативном способе действия предельных глаголов, в зависимости от вещественного значения которых проистекают особенности возникновения и наличия результата. Дополнительные оттенки, характеризующие ход действия, здесь не отмечаются. Однако можно признать, что модифицируются чаще глаголы, обозначающие действия, которые, по определению Ю. С. Маслова, «связаны с постепенным достижением результата: каждая частица действия непосредственно отлагает в объекте соответствующую частицу результата» [Маслов 1984, с. 61]. Ср.: *Аёл пахтасини тўқиб бўлгунча, Фуломжон унга ер остидан разм солиб турди* (И. Исмоилий) 'Пока женщина не кончила ссыпать свой хлопок, Гуламджан осторожно наблюдал за ней'; *Анна бинтни бойлаб бўлди* (Х. Шайхов) 'Анна надожила бинт'; *Биз бувдойни янчиб бўлдик* 'Мы закончили обмолот пшеницы'; *Жанубдаги колхозлар ерларини ҳайдаб бўлдилар* 'На юге колхозы уже закончили пахать'; *экиб бўлмоқ* 'отсеять', 'закончить сеять'; *янги фильмни суратга олиб бўлмоқ* 'закончить съемки нового фильма'; *корректурани ўқиб бўлмоқ* 'прочитать корректуру'; *Оркестр вальсни чалиб бўлди* 'Оркестр сыграл вальс'.

в) Другие средства выражения особенностей завершенности предельного процесса и достижения его результата характеризуются дополнительными семантическими наслоениями, поэтому применительно к ним можно говорить, как это принято в славянской аспектологии, о специальнорезультативных способах действия предельных глаголов. Каждая из этих форм, реализуя общее значение достигнутого результата, сообщает об особых условиях достижения последнего, связанных или с характеристикой реализации конечной фазы, или с особенностями объектов.

Здесь прежде всего можно указать на модель *-(и)б + ташла-* 'бросать', подчеркивающую полноту проявления результата, быстроту и интенсивность его достижения. Эта интенсивность сказывается, естественно, и на воздействии на объект, который должен претерпеть быстрое и сильное преобразование. Момент интенсивности иногда создает импликацию «вдруг». Такой способ действия можно назвать «интенсивно-результативным».

тативным». Примеры: *Нега далани тилик-тилик кесиб ташлаяписиз?* 'Почему не разделяете поле на полосы?'; *Эски қудуқни кўйиб ташладим* 'Я засыпал старый колодец'; *Йигит шаҳардаги ҳамма гуналар қириб ташлади* 'Юноша уничтожил всех ящериц в городе'; *У хатни йиртиб ташлади* 'Он разорвал письмо'; *Ўтти босиб ташламоқ* 'измять траву'; *парча-парча қилиб йиртиб ташламоқ* 'изорвать в клочья'.

г) Более нейтральной в отношении дополнительных характеристик (но применяемой также в сфере количественной спецификации процессов) является модель *-(у)б + қўй-* 'ставить', 'класть', используемая при глаголах действия. С ее помощью эксплицируется консеквентное состояние как результат завершения процесса. Указываемые вторичные импликации, как представляется, связаны с значениями отдельных модифицируемых лексем [ср.: Ҳожиёв 1966, с. 134—144; Schönig 1984, с. 96—105]. Примеры: *Сиз катта соғза тайёрлаб қўйган экансиз* (Ойбек) 'Вы, оказывается, приготовили для меня большой подарок'; *Чайнаб турган сақичингни обзингдан олиб қўйганини билмайсан* 'Ты даже не заметишь (не узнаешь), как из твоего рта он вытащит (возьмет) жвачку'; *Назарнинг гапи уни бир жиҳатдан чўчитган бўлса, иккинчи жиҳатдан қизиқтириб қўйган эди* (Э. Усмонов) 'Слова Назара, с одной стороны, и утрашили его, но, с другой, и заинтересовали'; *Ғўзаларимизни ширинча ва ўргимчаккана еб қўйяпти* (Б. Даминов) 'Наш хлопчатник съели паутинный клещик и ржавчина'; *Биз бир неча ариқни ўтаб қўйдик* 'Мы пропололи несколько гряд'; *Узининг қўполлиги билан у ҳаммани ўзига қарши қилиб қўйди* 'Своей грубостью он всех восстановил против себя'; *қуруқ барглари хаскаш билан тўглаб қўймоқ* 'нагрести (собрать) граблями кучу сухих листьев'; *Мақсад-маслакисиз ҳаёт уни маънавий қашшоқ қилиб қўйди* 'Бесцельная жизнь духовно обеднила его'; *У хабардор қилиб қўйилмаганми?* 'Разве он не осведомлен?'

д) Модель *-(у)б + чиқ-* 'выходить' показывает полноту свершения действия над объемным аффицированным объектом [Ҳожиёв 1966, с. 89—96]: *«Фотон»даги журналларни синчиклаб ўқиб чиқинлар* 'Внимательно прочтите журналы на «Фотоне»'; *Уларни ҳар*

куни неча мартадан санаб чиқар эдим 'Сколько раз каждый день я их (деньги) пересчитывал'; *Атрофга диққат билан кўз югуртириб чиқди* 'Он внимательно осмотрелся (букв. заставил глаза обежать) вокруг'; *Кўл ёзма бетларига номер қўйиб чиқдик* 'Мы пронумеровали страницы рукописи'.

е) Модель *-(у)б + юбор-* 'посылать' реализует значение исчерпанности действия, сопровождающегося оттенками интенсивности, скоротечности [Там же, с. 152—158]. Акцент в данном словосочетании делается на особенностях завершения именно самого действия, предполагающего повышенную активность субъекта и совершенного им действия, что мотивируется семантикой модификатора «отправить ~ послать от исходной точки до конечного пункта», — ср.: *беморни касалхонага юбормоқ* 'направить больного в больницу'; *Мени сизга юбордилар* 'Меня направили к вам'. Поэтому здесь имплицитно актуализован ингрессивный смысл: действие возникает и проявляется во всем его объеме — отсюда интенсивность и исчерпанность, достижение результата предельного действия, направленного на объект. Эту семантику интересно сопоставить с той моделью у глаголов состояния, где модификатором выступает *кет-* 'уходить', и с такой же моделью у глаголов становления. Примеры: *Рустам «чамодон» ўртасидаги катта тугмани босиб юборди* 'Рустам нажал большую кнопку в середине «чемодана»; *Охиригача ишиб юборди* 'Он выпил (жидкость) до дна'; *Лайлак бақани тириклайин ютиб юборди* 'Аист живьем проглотил лягушку'; *Бурганқудуқда бу тартибни бузиб юбордик* 'В Бурганкудуке мы нарушили этот порядок'; *Челакнинг қирраси сонимни шилиб юборди* 'Край ведра ободрал мне бедро'.

ж) Модели *-(у)б + ол-* 'брать' и *-(у)б + бер-* 'давать' указывают на направленность и предназначенность действия соответственно в пользу субъекта или объекта действия, т. е. реализуют значения эготива и адресива, но поскольку оба глагола-модификатора предельны, эти модели реализуют также обязательно и значение достижения результата, т. е. исчерпанности и тем самым завершенности процесса. Примеры: *Отамни топиб олдим* 'Я нашел отца'; *У юзини газета билан тўсиб олди* 'Он закрыл свое лицо газетой'; *Бошини кўрпага буркаб олди* 'Он голову укутал в одеяло'; *Юк*

машинасини ариқдан кўплашиб базўр чиқазиб олдиқ
'Грузовую машину мы общими усилиями еле выта-
щили из канавы'; Бу чол рости билан ҳам менинг
ота-онамни топиб беради 'Этот старик и вправду
найдет моих родителей'; Сенга янги кийим тикиб бе-
ради 'Она сошьет тебе новую одежду'; Уларга. . .
бир қаватли гўзал биноларни қуриб бериш мумкин
'Им. . . можно построить красивые одноэтажные зда-
ния'.

з) Как известно, к предельным принадлежат гла-
голы становления (мутативные), обозначающие раз-
вивающийся процесс в направлении преодоления им
предела и достижения конечной фазы и нового со-
стояния. Это возникшее состояние равносильно ис-
чезновению предшествующего развития с накоплением
признаков. Однако само развитие в каждой своей
точке порождает нечто новое в носителе, поэтому
этот факт может найти закрепление в определенной
форме.

Модель $-(u)б + қол-$ 'оставаться', 'переставать' фик-
сирует момент перехода развивающегося качества в «не-
относительное состояние», т. е. с помощью этой модели
устанавливается в любом месте на линии накопления
признака какая-то граница, на которой это развитие
воспринимается как абсолютная точка по отношению
либо к исходной точке, либо к «нормальной», которые
находятся всегда слева от нее по линии развития.
По Чейфу, это утверждение семантики абсолютива
[Чейф 1975, с. 147]. Таким образом, данная модель
обозначает некий уровень «накопления признака»,
выявляемый в момент его фиксации. Так, если боль-
ной после болезни крепнет, становится бодрее (*те-
тиклач-*), то в предложении *Бемор анча тетикланиб
қолди* 'Больной заметно окреп' отмечен факт извест-
ной крепости, бодрости больного именно в момент его
фиксации (например, в момент следующего посещения
врача), здесь отмечается не относительный уровень
накопленного признака («стал более крепким»), а его
абсолютный уровень («стал достаточно крепким», «на-
копил энное количество крепости»). Дополнительным
семантическим моментом здесь является отмеченный
исследователями момент внезапности [Ҳожиёв 1966,
с. 37], так как говорящий фиксирует тем самым, что
в предшествующий период накопление признака про-

исходило и к данному времени (периоду сообщения) его уже накоплена известная мера, и такое явление может быть интерпретировано как неожиданный факт (при первом посещении врача больной «был слаб» или «только начал крепнуть», а теперь «столь окреп» → «вдруг такой крепкий»). Примеры: *Қишлоқ четига чиққанимда қош қорайиб қолди* 'Когда я вышел за кишлак, завечерело ~ стемнело'; *Анча семириб қолибди* 'Он сильно потолстел'; *Беморнинг аҳволи вазминлашиб қолди* 'Состояние больного ухудшилось'; *Яйловдаги ўтлар қувраб қолган* 'Травы на пастбищах выгорели'; *У касалликдан кейин анча хунуқлашиб қолибди* 'Она после болезни заметно подурнела'; *Қоп яримлаб қолибди* 'Мешок уменьшился наполовину'.

Как видно, факт фиксации определенной меры признака не исключает того, что нарастание признака может продолжаться и после этого, т. е., например, больной будет крепнуть и далее или, как в последнем примере, содержимое мешка будет уменьшаться еще более. Здесь велика роль контекста и знания об импликации признака в момент наблюдения: так, наречие *ачча* 'дозвольно много', 'изрядно', сигнализирует о возможности дальнейшего развития признака. В то же время, например, предложение 'травы выгорели' может просто фиксировать момент абсолютного уровня признака (этому способствует также форма перфекта в сказуемом).

Итак, предельные глаголы действия могут, как видно, получать различные акциональные модификации. Их предельность и результатность оказывают существенное влияние на аспектуальные потенции лексем. С другой стороны, оказывается значимым и характер объекта воздействия. Это понятно, так как с ним связано возникновение конкретного результата данного воздействия. Семантическая емкость глаголов действия выделяет эти глаголы среди прочих семантических групп узбекского глагола, способствует формированию многих морфологических акциональных средств (особенно в сфере модификации заключительной фазы).

Две группы акциональных типов лексем — предельные и предельные — строятся на основе различий в фазовой структуре обозначаемых лексемами процессов, а также на базе тех существенных особен-

ностей отражения явлений действительности, которые откладываются в «вещественных» значениях лексем. Все рассмотренные акциональные характеристики лексем и способы их морфологической модификации (актуализации, специализации) действительно связаны с внутренними свойствами процессов, и в этом смысле все они принадлежат к сфере качественной аспектуальности, которая занимает первую ступень в ранговой соотнесенности признаков любого процесса, выраженного отдельной лексемой узбекского языка. Однако указанные модификации не затрагивают существа модифицируемой лексики, оставляя ее семантическое ядро в целостности, поэтому присоединение акциональных средств следует квалифицировать как лексеоизменение, а в морфологическом плане — как формообразование. В этом отношении, как представляется, изменение семантики глагольной лексики, снабженной показателем способа действия, вполне сопоставимо с изменением семантики имени при присоединении к нему аффикса падежа.

II. РЕЗУЛЬТАТИВ КАК ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЗВЕНО В РАЗВИТИИ ПРЕДЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Рассматривая возможности модификации предельных лексем в отношении актуализации их предела и обозначения наступления конечной (консеквентной) фазы, следует обратить внимание на формальное представление в узбекском языке именно конечной фазы как возникшего нового свойства субъекта через обозначаемый глаголом процесс. Здесь передается результативный смысл, т. е. завершение предельного процесса после преодоления предела последнего ведет к новому, измененному в результате воздействия состоянию предмета / субъекта. Указанный результат, вытекающий из реализованной консеквентной фазы, может быть актуализован в языке с помощью специальных грамматических и лексических средств. Типология его представления на материале разных языков описана в коллективной монографии «Типология результативных конструкций», здесь же даны теоретические основы их описания и показана взаимосвязь с родственными и смежными категориями, от этого

и будем отталкиваться в дальнейшем изложении. Важно подчеркнуть, что результивная семантика самым теснейшим образом связана именно с предельностью глагольных лексем, потому что результив как определенная форма «сообщает одновременно о состоянии предмета и о предшествующем ему действию, результатом которого явилось это состояние» [Типология 1983, с. 7]. Данные семантические факторы детерминированы семантикой, отображаемой только предельными лексемами. Как раз в этом плане проявляется интересная семантическая связь и соотносительность между способами действия, модифицирующими конечную фазу предельного процесса, и результивом как особым типом самобытия возникшего состояния, или «вторичного состояния», как его определил Ю. С. Маслов [Маслов 1973, с. 75; 1983, с. 44].

На указанной семантической базе происходит тесное взаимодействие акциональности и собственно аспектуальности как способа «оценки» исхода развивающегося предельного процесса. Будучи более широким понятием, «аспектуальность объединяет по признаку сходства содержания разноуровневые и разноплановые средства языка» [Маслов 1984, с. 8]. Но и здесь, как и в любом другом случае соотношения содержания и формы, для конкретных языков действует упомянутый выше «закон избирательности». Если в узбекском языке модификация конечной фазы осуществляется на уровне способов действия, представленных прежде всего бивербальными формами, то в передаче «вторичности» состояния действуют залоговые и видовременные формы [Насилов 1983]. В то же время для отдельных процессов «вторичное состояние» может быть реализовано и на лексическом уровне. Этот факт также демонстрирует взаимопроникновение морфологических и лексических средств при выражении одного семантического задания. С другой стороны, в области результивных значений совершенно однозначно проявляется функциональная зависимость лексической и морфологической семантики, подчеркивающая взаимоориентированность лексических единиц и морфологических показателей.

1. В узбекском языке результивный смысл регулярно представлен в синтаксических структурах, сказуемое которых выражено следующими формами.

а) Глаголом в пассиве и в форме перфекта на *-ган*: (1) *Чопон энглари шимар-ил-ган* 'Рукава халата засучены'; (2) *Полга гиям тўша-л-ган* 'На пол постелен ковер'.

б) Отглагольным прилагательным на *-(и)к ~ (-лик)*: (3) *Деразалар ёпиқ* 'Окна закрыты'; (4) *Деворда қўшоғиз осиқлиқ* 'На стене повешена двустволка'.

Сказуемые в данных примерах обозначают состояние предмета-подлежащего, возникшее в результате предшествующего действия и соотношенное с объектом этого действия, т. е. здесь имеет место объектный результатив. Предложения, аналогичные (1) и (2), формально являются пассивными дериватами от соответствующих исходных структур с активными глаголами действия, они регулярно образуются от последних по определенным правилам, например для (1): *шимар-* 'засучить' → *шимар-ил-* 'быть засученным' → *шимар-ил-ган* 'засучен'; для (2): *тўша-* 'постелить' → *тўша-л-* 'быть постеленным' → *тўша-л-ган* 'постелен'. Таким образом, на синтаксическом уровне эти результативные дериваты совпадают с пассивными. Их различие основывается на семантическом анализе, т. е. на установлении соответствия результативных структур определенным семантическим параметрам, а также на анализе контекстных условий их употребления.

Отглагольные прилагательные на *-(и)к ~ (-лик)* в современном языке относятся к непродуктивным образованиям, они заданы списком: это — лексические результативы (см. с. 187), поэтому ограничены и возможности формирования их на основе структур с результативным значением типа (3), (4).

Исследователи узбекского языка, не употребляя терминов «результатив», «результативный стив», «стив» и т. п., отмечают фактически указанное выше значение у соответствующих структур с пассивными глаголами-сказуемыми в форме перфекта на *-ган*. Значения результативов описывают обычно в разделах, посвященных характеристике семантики перфекта на *-ган*. Так, в примере «... *сандал атрофига* ... *кўрпачалар тўша-л-ган*, ... *ёстиқлар қўй-ил-ган*, *дастурхон* ... *чап-чап*, *патир*, *бўқирсоқлар билан зеб бер-ил-ган* 'Вокруг сандала разложены ... курпачи, положены ... подушки, стол уставлен (букв. укра-

шен). . . всякими лепешками' . . . выделенные глаголы характеризуют предметы, находящиеся в состоянии, которое явилось результатом действий, выраженных этими глаголами» [Коклянова 1963, с. 81; ср.: Хожиев 1973, с. 132—133]. Подчеркивается также, что перфектные пассивы передают «конкретный результат недавнего действия»: «Значение *состояния* в относительном употреблении формы на *-ган* . . . грамматически тождественно соответствующему значению имен в предикатном их использовании» [Иванов 1959, с. 39. — Курсив автора].

Если объективный результатив опирается на специализированную регулярную форму выражения, то субъективный результатив (т. е. когда субъект состояния соответствует субъекту действия) представлен в узбекском языке равнородными средствами. Так, смысловая оппозиция глаголов типа «сесть» — «сидеть», «лечь» — «лежать», «встать» — «стоять», «гаснуть» — «погаснуть», «стареть» — «постареть», «обедать» — «пообедать», «бриться» — «побриться» и т. п. формально не различается, и значения репрезентируются одной и той же лексемой, т. е. соответственно *ўтир-*, *ёт-*, *тур-*, *ўч-*, *қари-*, *овқатлан-*, *қирин-*. В этих случаях значима роль контекста. Возникшее состояние субъекта может быть также передано другими средствами.

а) Сочетанием основного глагола в форме деепричастия на *-(и)б* и вспомогательного глагола *қол-* 'остаться': *Девор қийшайиб қол-ибди* 'Стена покосилась' (*қийшай-* 'покоситься', 'искривиться'); *Бу дарслик эскир-иб қол-ган* 'Этот учебник устарел' (*эскир-* 'устаревать') (здесь участвует результативный способ действия; см. выше разбор модели *-иб қол-*, с. 170).

б) Составным сказуемым по модели «имя прилагательное + *бўл-иб* (деепричастие на *-иб* от *бўл-* 'стать') + *қол-* 'остаться': *Қиш келди, дарахтлар яланғоч* ('голый, раздетый') *бўл-иб қол-ди* 'Пришла зима, деревья оголились'; *Икки қўли шол* ('парализованный') *бўл-иб қол-ибди* 'Обе его руки парализованы'.

в) Отглагольными прилагательными на *-(и)к*: *Гўза бўлик, ҳосил мўл* 'Хлопчатник уродился' (*бўл-* 'уродиться' об урожае), урожай обильный'; *Осмон шишадек тиниқ* 'Небо прозрачно (*тин-* 'отстояться' о жидкости), как стекло'.

г) Формой перфекта в его статальном значении: *Бола мажмағил бўлиб ўс-ган* 'Ребенок вырос хилым'; *Қиз . . . оқ матрос кофтаси билан қисқа оч кул ранг юбка кий-ган* 'На ней была (кий- 'надевать на себя') белая матроска. . . и светло-серая юбка' (Н. Островский).

д) Именным сказуемым: *Келганлигиниз учун жуда хурсандман* 'Я очень рад вашему приходу'; *Мен ундан хотиржамман* 'Я за него спокоен'.

2. В основе объектного результата в узбекском языке лежит пассивная деривация. Формальными показателями пассива являются алломорфы $-(u)л \sim -(u)н$, введенные в исходный глагол. Показатель $-(u)н$ регулярно присоединяется к основам глаголов с исходом на *-ла*, *-л* и встречается в части основ на гласный; в остальных случаях показателем выступает аффикс $-(u)л$: *аррала-* 'распилить' → *аррала-н-* 'быть распиленным', *сол-* 'положить' → *сол-н-* 'быть положенным', *бела-* 'запачкать' → *бела-н-* 'быть запачканным, измазанным', *ёп-* 'закрыть' → *ёп-ил-* 'быть закрытым'.

К результату имеет отношение пассивная деривация двух- и трехактантных структур, построенных на базе переходных глаголов [Насилов, Храковский 1972, с. 42—45]. В таких структурах отмечается полная элиминация любой конкретной информации о субъекте действия.

Особенностью структур с объектным результатом в узбекском языке является то, что глагольное сказуемое в них обязательно выступает в форме перфекта на *-ган*, поскольку одним из значений этого времени является указание на состояние, «наступившее в результате прошлого действия и приуроченное ко времени речи или основному временному фону повествования» [Кононов 1960, с. 218]. Показатель перфекта *-ган* присоединяется непосредственно к основе глагола в форме пассива: *шимар-ил-ган* 'засучен', *тўша-л-ган* 'постелен', *ёп-ил-ган* 'закрыт'. В этой форме наличие результата соотносено с планом настоящего времени, потому такие формы включаются в контекст в соседстве с формами настоящих времен или с именными сказуемыми в настоящем времени; например: *Эшикдан кираберишда ўнг қўлда эркак кишининг костюми осиглиқ тур-иб-ди* (настоящее время). *Стол устида бир даста китоб тахлоглиқ* (именное

сказуемое). *Бир ён деворга оплоқ чойшаб тут-ил-ган* (результатив, *тут-ил-* 'быть натянутым' + *-ган*) 'У самого входа справа висит мужской костюм. На столе стопка книг . . . На боковой стене натянута белая простыня'.

Если высказывание употребляется в системе относительных времен, то перфект на *-ган* заменяется формой «давнопрошедшего времени», или плюсквамперфекта, на *-ган* + *эди* (*-ган* + связка **э-* 'быть' в форме прошедшего времени на *-ди*) [см.: Кононов 1960, с. 222—224; Коклянова 1963, с. 85—87]. Использование плюсквамперфекта характерно для контекстов, содержание которых отодвинуто в плоскость прошлого по отношению к моменту повествования, например: [У] . . . *бизни миқ этмасдан уй томон бошлади. . . уй жуда эски бўлиб, деворлари нураб кет-ган, ҳовлиси эса йўқ эди. У . . . юқорига ўрлаб кет-ган сўқмоқ йўл бўйига қур-ил-ган эди* . . . Не говоря ни слова, [он] повел нас к дому . . . Дом был очень старый, стены осыпались, а двора у него вообще не было. Он . . . был построен у тропы, поднимавшейся в гору'.

В данном контексте повествование относится к прошлому ('он повел', прошедшее время на *-ди*), к этому же временному плану относится и описание дома. Здесь именные сказуемые, естественно, стоят в прошедшем времени (связка *эди*: 'был старый', 'не было двора'), поэтому имеют также форму плюсквамперфекта (*-ган эди*) непереходный глагол, показывающий состояние (статив) 'осыпались' (*нураб кет-ган эди*), и результатив 'построен' (*қур-ил-ган эди*).

В объектном результате могут выступать глаголы только определенной семантики. Прежде всего это глаголы активного действия. Выраженное ими действие должно приводить к возникновению конкретного результата, влекущего за собой появление нового состояния у предмета, подверженного данному воздействию. Как известно, такую семантику могут реализовать лишь предельные глаголы действия. Кроме того, состояние, в которое приведен неким действием предмет, должно у него в чем-то проявляться, ибо результат прежде всего виден через наличествующие признаки. Поскольку носителем состояния в результате выступает объект ситуации, то предполагается, что действие способно вызвать изменения в объекте; такие

действия передаются переходными глаголами. Значит, результативность и предельность, транзитивность, статичность (признаковость) являются фундаментальными смыслами, связанными с объектным результативом.

Результатив в узбекском языке предстает окказиональным значением конкретной глагольной формы — перфекта пассива, которая образуется от определенной группы глаголов, отвечающих указанным семантическим параметрам. Поскольку эти параметры достаточно жестки, оказывается возможным составить списки глаголов, которые способны в перфекте пассива репрезентировать результативный смысл.

3. Обращаясь к семантике упомянутых глаголов, следует отметить, что они содержат указание на активную деятельность производителя действия (как правило, это бывает человек), направленную на конкретный объект и имеющую конечной целью заставить этот объект принять новое состояние, которое может быть обратимым или необратимым, т. е. перейти в новое качество предмета-объекта. Здесь важно подчеркнуть, что изменение объекта или наличие у него нового состояния или качества должно иметь наглядный характер, явно проявляться; только в этом случае в узбекском языке может быть реализован результативный смысл в перфекте пассива от данных глаголов. Такая особенность определяется тем, что результатив в этом языке является с м ы с л о в о й категорией.

1) Исходные основы имеют значение «созидания» или «разрушения» объекта: *аррала-н-* 'быть распиленным', *буз-ил-* 'быть разрушенным, испорченным', *бурдала-н-* 'быть разорванным на куски', *елимла-н-* 'быть склеенным', *емир-ил-* 'быть разрушенным (о берегах)', *ишла-н-* 'быть исполненным, сделанным', *йир-ил-* 'быть разодранным', *йирт-ил-* 'быть разорванным', *кавала-ла-н-* 'быть смотанным в моток', *нимтала-н-* 'быть разделенным пополам' (о туше), *нешлат-ил-* 'быть наставленным, наваренным в кузнице', *синдир-ил-* 'быть разломанным' (о хлебе), *сўк-ил-* 'быть распоротым' (об одежде), *тиликла-н-* 'быть разрезанным на куски' (о дыне), *тил-ин-* 'быть разрезанным продольно', *тилимла-н-* 'быть разрезанным на доли', *тўбра-л-* 'быть искрошенным' (об овощах), *ушат-ил-* 'быть разломанным на мелкие куски' (о хлебе), *увала-н-* 'быть искрошенным', *чокла-н-* 'быть спитым швом', *чақ-ил-*

‘быть расколотым’ (об орехе), *янч-ил-* ‘быть смолотым’ (о перце), *яса-л-* ‘быть изготовленным’, *ўр-ил-* ‘быть заплетенным’ (о косе), *қий-ил-* ‘быть отрезанным’, *қиймала-н-* ‘быть нарезанным на мелкие куски’, *қур-ил-* ‘быть построенным’. Примеры: *У пойтахтимизнинг серқантов манзилида қур-ил-ган . . . Унга назарингиз тушгач, бевфарқ қарай олмайсиз* [Музей] построен на людном месте. . . Бросьте на него взгляд, и вы не сможете безразлично смотреть на него’; . . . *кўзларидан бири шишадан яса-л-ган* ‘Один глаз у него сделан из стекла’; *Унинг қўнғир узун сочлари чиройли қилиб ўр-ил-ган эди* ‘Капитановые волосы были собраны в тяжелый жгут’ (Н. Островский).

2) Исходные основы со значением преобразования объекта, изменения его свойств путем совершения определенных операций или воздействия определенными предметами: *арчи-л-* ‘быть очищенным от коры’, *бекит-ил-* ‘быть запертым’, *бич-ил-* ‘быть скроенным’, *бос-ил-* ‘быть устланым’, *бурка-л-* ‘быть укутанным’, *бур-ил-* ‘быть загороженным’ (о дороге), *дазмолла-н-* ‘быть выглаженным’, *ёз-ил-* ‘быть исписанным’, *ёп-ил-* ‘быть закрытым’, *ёр-ил-* ‘быть треснутым’ (о руках), *жиловла-н-* ‘быть взнузданным’, *жилозла-н-* ‘быть обставленным, оборудованным’, *занжирла-н-* ‘быть запертым на цепочку’, *ифлосла-н-* ‘быть запачканным’, *йигир-ил-* ‘быть спряденным’, *йўракла-н-* ‘быть спеленым (о ребенке)’, *каллакла-н-* ‘быть с отрубленной верхушкой’, *кемир-ил-* ‘быть обглоданным’, *кишанла-н-* ‘быть спутанным’, *михла-н-* ‘быть пригвожденным к чему-л.’, *музат-ил-* ‘быть замороженным’, *муҳрла-н-* ‘быть опечатанным печатью’, *оч-ил-* ‘быть открытым’, *пармала-н-* ‘быть просверленным’, *пиш-ил-* ‘быть окунутым в воду’, *рандала-н-* ‘быть строганным’, *совур-ил-* ‘быть просеянным’, *сува-л-* ‘быть оштукатуренным’, *супур-ил-* ‘быть подметенным’, *сурка-л-* ‘быть натертым’, *сурт-ил-* ‘быть натертым, намазанным’, *тамбала-н-* ‘быть подпертым подпоркой’ (стена), *танги-л-* ‘быть забинтованным’, *торт-ил-* ‘быть натянутым куда-л.’, *туташи-тир-ил-* ‘быть примкнутым, присоединенным к чему-л.’, *тўк-ил-* ‘быть пролитым’, *тўлдир-ил-* ‘быть наполненным’, *чоп-ил-* ‘быть окученным’, *шил-ил-* ‘быть ободраным’, *шимар-ил-* ‘быть засученным’, *эгарла-н-* ‘быть оседланным’, *эговла-н-* ‘быть опиленным напильником’, *эз-ил-* ‘быть измятым’, *яма-л-* ‘быть залатан-

ным' (об одежде, обуви), *қулфла-н-* 'быть запертым на замок', *қўй-ил-* 'быть положенным' и др. Примеры: *Уларнинг аксарияти . . . бир қарич миҳлар билан беркитиб ташла-н-ган* 'Большинство из них (окон) закрыто дюймовыми гвоздями'; *Деворлари, шиплари ургимчак инлари, ипир-ипир қора ислар билан қола-н-ган* (Ойбек) 'Стены и потолки [дома] покрыты паутиной и хлопьями копоты'; *Бартонинг қабулхонаси оддийгина жиҳозла-н-ган эди* 'Приемная [проф.] Барто была обставлена очень просто'; *Хирмонларда пахта тоғ-тоғ қилиб уй-ил-ган* 'На хирманах хлопок сложен горами'.

3) Исходные основы со значением воздействия на объект с целью изменения его внешнего вида или свойств путем применения определенных веществ, материалов: *безат-ил-* 'быть украшенным чем-л.', *бежа-л-* 'быть наряженным', *бронзала-н-* 'быть покрытым бронзой', *бела-н-* 'быть испачканным обо что-л.', *буя-л-* 'быть окрашенным', *дудла-н-* 'быть копченым', *ёвла-н-* 'быть намазанным жиром', *олтинла-н-* 'быть золоченым', *оқла-н-* 'быть побеленным', *совунла-н-* 'быть намыленным', *сирачла-н-* 'быть намазанным клеем', *чап-ил-* 'быть смазанным' и др. Примеры: *Қора Аҳмаднинг юзига қон аралаш лой чап-ил-ган эди* (Ойбек) 'Лицо Кара Ахмеда было заляпано грязью, смешанной с кровью'; *Тегирмончининг замма ёғи унга бела-н-ган эди* 'Мельник был весь в муке (букв. все стороны мельника были измазаны в муку)'; *Деворий газета яхши бежа-л-ган* 'Стенная газета хорошо оформлена'; *Агит-пункт шиор ва плакатлар билан безат-ил-ган* 'Агит-пункт украшен лозунгами и плакатами'.

Включение названия орудия (средства), вещества воздействия в семантическую структуру как исходного, так и производного пассивного глагола делает лишним введение в предложение с результативом косвенного дополнения для обозначения инструмента. Ср.: *қулф-ла-н-* 'быть запертым на замок' (*қулф* 'замок'), но *бекит-ил-* ~ (*бек-ла-н-*) 'быть запертым, закрытым' (ср. *бек* ~ *берк* 'закрытый'); например: *Эшик қулф-ла-н-ган* 'Дверь заперта на замок' — *Яшик қопоқ билан бекит-ил-ган* 'Ящик закрыт крышкой' (ср.: *эшикни қулф-ла-б бекитмоқ* 'закрыть дверь на замок' — использование обоих глаголов); *муҳр-ла-н-* 'быть опечатанным печатью' (*муҳр* 'печать'), *дуд-ла-н-* 'быть

копченным на дыму' (*дуд* 'дым', 'чад'), но *ис-ла-н* 'быть копченым' (*ис* 'запах'); *мой-ла-н* 'быть смазанным маслом, жиром' (*мой* 'масло') и *ёб-ла-н* 'быть намазанным салом, маслом' (*ёб* 'жир'); *эгов-ла-н* 'быть опиленным напильником' (*эгов* 'напильник') и др.

4) Исходные глаголы со значением изменения пространственного положения объекта относительно другого предмета (адресата) или помещения объекта в определенное место. Объект по отношению к адресату называется «либо внутри него, либо на нем, либо в каком-нибудь другом контактном положении» [Недялков и др. 1974, с. 238]. Конкретно это могут быть сосуды-емкости-полости (в том числе и создаваемые непосредственно в процессе данного действия), различного вида плоскости — горизонтальные и вертикальные (пол, стена, поле, улица и т. п.), точки или участки разных поверхностей (конец чего-л., поверхность чего-л.). При образовании из исходных структур результата дополнения-адресаты в синтаксических структурах сохраняются без изменения; они указывают точку приложения действия и оформляются чаще всего аффиксом дательного-направительного падежа *-га* (~ *-ка*) или — значительно реже — местного падежа *-да*. В этой семантической группе могут быть указаны такие трехактантные глаголы: *биркит-ил* 'быть прикрепленным к чему-л.', *ёз-ил* 'быть расстеленным на что-л.', *ёпиштир-ил* 'быть приклеенным' (марка на конверт), *ётқиз-ил* 'быть уложенным на что-л.' (асфальт на улицу), *ил-ин* 'быть повешенным, нацеленным куда-л.', *тик-ил* 'быть водруженным куда-л.', *тўша-л* 'быть постеленным куда-л.', *ўра-л* 'быть завернутым во что-л.' и др. Примеры: *Айвон олдига чодир тут-ил-ган*. *Айвонда сандал* 'Перед айваном натянут полог. На айване — сандал'; *Ерга катта чодир ёз-ил-ган*. *Чодирга баланд тоблар расми шила-н-ган* 'На земле расстелен большой занавес. На занавесе нанесен рисунок высоких гор'; *Кўчага сув қалин сеп-ил-ган* 'Улица обильно залита водой'.

Если глагол в исходной форме имеет несколько значений, то от каждого из них может быть образована синтаксическая структура и далее от нее может быть произведен соответствующий и независимый от другого результатив. Так, например, трехактантный глагол *ўра* имеет два значения: 1. 'намотать, навить что-л.

на что-л.'; 2. 'закутать что-л. во что-л.' От них образуются два результата: *Шарф бўйнига ўра-л-ган* 'Шарф намотан на шею'; *Бўйни шарфга ўра-л-ган* '[Ее] шея закутана шарфом'.

В обоих результатах объект приведен в соответствие с подлежащим, дополнение-адресат в преобразованиях не участвует.

4. Одной из важнейших семантических характеристик объектного результата в узбекском языке является наглядный характер проявления привнесенного состояния предмета-подлежащего. Именно в этом случае форма перфекта пассива в полной мере репрезентирует результативный смысл. Например, глагол *ёз-* и его синоним *бит-* 'писать' только в том случае могут образовать результативную структуру, если имеется в виду, что существуют наличные результаты данного действия, т. е. на бумаге есть текст, надпись и т. п. Здесь глаголы *ёз-* и *бит-* реализуют значение 'исписать': *Азизов бунди . . . космограммадан пайқа-ди. Космограммада . . . ушбу совуқ сатрлар бит-ил-ган эди* 'Азизов это узнал из космограммы. В космограмме . . . были написаны эти неприятные строки'; *Шу газетани сизга бер-а-ман . . . Шу хотиннинг сўзи ёз-ил-ган* 'Эту газету я даю тебе. . . [В ней] написаны слова этой женщины'. К этим глаголам примыкают также *тер-ил-* 'быть набранным (о печати)', *бос-ил-* 'быть напечатанным', *таъсирла-н-* 'быть изображенным, нарисованным' и т. п.

В узбекском языке объектный результатив не может быть образован от глаголов, обозначающих состояния, не вызванные физическим, активным воздействием; например, формальные пассивные дериваты *боъ-ла-н-* 'быть привязанным' < *боъла-* 'привязать', *тугат-ил-* 'быть оконченным, исчерпанным' < *тугат-* 'закончить', 'исчерпать', *ўрган-ил-* 'быть изученным' < *ўрган-* 'изучить', *ўра-л-* 'быть окруженным' < *ўра-* 'окружить' и т. п., выступая в форме перфекта на *-ган*, передают не результативный смысл, а имеют иное значение, в частности статива, т. е. состояния, при котором связь с предшествующим действием нерелевантна, или же указывают на проявляющийся признак-состояние, т. е. пассивный дериват от глагола действия приобретает значение глагола состояния. Ср.: *Тил тафаккур билан бевосита боъла-н-ган* 'Язык непосредственно связан с мышлением' ('связан' = 'имеет связь').

Естественно, что объективный результатив не может быть образован в принципе как от непереходных глаголов, так и от неопредельных. Однако и не все предельные глаголы употребляются в результативных структурах. Там, где падает наглядность результата действия, а возникшее состояние не воспринимается как обусловленное предшествующим воздействием, семантика структур с перфектом пассива теряет результативность, такие структуры передают скорее стативное значение или используются как процессные перфекты, показывая завершенность, исчерпанность предшествующего действия, т. е. они отвечают не на вопросы «каков стал объект?», «в каком состоянии он находится?», «в какое состояние он переведен?», а на вопросы «что произошло с объектом?», «какое над ним совершено действие?». Так, не воспринимаются как результативные структуры с глаголами *ўлдир-ил-* 'быть убитым', *бўб-ил-*, *бўбиб ўлдир-ил-* 'быть задушенным', *осиб ўлдир-ил-* 'быть повешенным' и др. Эти предельные глаголы со значением «лишить жизни», «сделать мертвым» в форме перфекта указывают на доведение действия до его естественного предела, после которого оно исчерпывает себя, лишается смысла, а новое состояние объекта (и без того ясное!) оказывается нерелевантным (смысл результата как раз в информации о вызванном и а л и ч н о м состоянии). В то же время эти глаголы в их значениях материального изменения объекта свободно образуют результативы; ср.: *ўлдир-ил-* 'быть стуженным (об овощах)', *ботир-ил-* 'быть погруженным (в жидкость)', *бўб-ил-* 'быть запруженным', *ос-ил-* 'быть подвешенным где-л.' и пр.

Таким образом, объективный результатив в узбекском языке строго ограничен семантикой глаголов, а при многозначных глаголах — их отдельными конкретными значениями.

5. Поскольку в узбекском языке формально не различаются объективный результатив и перфект пассива, следует указать, помимо приведенных выше семантических критериев, на некоторые контекстуальные особенности использования структур, реализующих результативный смысл. Результатив передает наличное состояние, временные рамки проявления которого оказываются весьма широкими — они соотносятся с временным планом высказывания, поэтому он употребля-

ется в определенных типах контекста, которые способствуют реализации данного смысла. Для результата типичны контекст о п и с а н и я (серия одновременных действий) и контекст п о в е с т в о в а н и я (серия последовательных действий). Эти контексты в то же время диагностичны для результата, так как замена его другой формой глагола нарушает целостность контекста.

Контекст о п и с а н и я наиболее естествен для результата. Типичными описаниями являются характеристики каких-либо устройств, механизмов, изображение, описание ситуаций, свойства которых не локализованы в данном временном периоде повествования, т. е. описание событий-снимков действительности, а также характеристики естественных объектов.

Индикаторами пассивного употребления формы являются также обстоятельства времени, которые свободно вводятся в пассивную, но не в результативную структуру. Они локализуют действие, обозначенное сказуемым (результатив выражает не локализованное во времени состояние); поэтому сказуемое передает совершившийся в определенный период факт и обозначает, что было произведено над подлежащим (результатив показывает, в какое состояние приведено подлежащее).

Качественная характеристика объекта-подлежащего свойственна результативу также и в контекстах с рядом п о с л е д о в а т е л ь н ы х действий. Здесь передается состояние, которое соотносится с отдельными событиями и в то же время «выключено» из этих действий, служит фоном для каждого из них.

6. Результатив в атрибутивном употреблении. Поскольку пассивное преобразование причастий, выступающих в определительной функции, происходит по общим правилам пассивизации [Насилов, Храковский 1972, с. 46—47], то им же подчиняется и преобразование определительных конструкций с результативным значением; ср.: *Отам милтиқни бурчакка суяб қўй-ди* 'Отец прислонил ружье в угол' → *Милтиқ бурчакка суяб қўй-ил-ган* 'Ружье прислонено в угол' → *бурчакка суяб қўй-ил-ган милтиқ* 'ружье, прислоненное в угол'.

Атрибутивные результативные конструкции по правилам тюркского синтаксиса всегда предшествуют определяемому слову. В такие обороты также не может быть

введено обозначение агенса действия. Примеры: *Қовур-ил-ган ғйитнинг мазали ҳиди димоғларига урил-ди* (Ойбек) 'В нос им ударил приятный запах жареного мяса'; *Дарахт булоқларига маҳкамла-н-ган ёки ил-ин-ган тартибсиз қур-ил-ган . . . уйчалар* 'Домики. . . беспорядочно построенные и укрепленные или подвешенные на ветках деревьев'; *Уртада дид билан ясат-ил-ган стол* 'В середине стол, украшенный со вкусом'.

Высказывается мнение, что атрибутивная функция причастий в форме пассива является весьма показательной для актуализации результитивного значения, ибо их введение в состав определительного оборота, «характеризующего по своей природе, оказывается позицией, которая предполагает наличие у [причастий] оттенка качественности и связанной с ним актуализации данности» [Болсохоева 1977, с. 12].

Особенностью использования атрибутивных структур по сравнению с деривацией самостоятельных предложений является более широкое семантическое наполнение определяемого. В приведенных примерах оно обозначает объект. В таких производных косвенные дополнения-адресаты не изменяются, сохраняя формы исходной структуры. Однако определение может обозначать и адресат, который выражается именем в основном падеже [Иванов 1959, с. 66—67], например: *пашиша тутииш учун атайлаб асал сурт-ил-иб қўй-ил-ган тарелка* (А. Ҳаҳҳор) 'тарелка, специально намазанная медом для ловли мух'. В самостоятельном результитивном предложении адресат ('тарелка') не может быть переведен на позицию субъекта без преобразования всей структуры. Еще пример: *китоб тахла-н-ган тоқча* (П. Турсун) 'полка, на которой сложены книги' (пример С. Н. Иванова).

В атрибутивной позиции оказываются снятыми те свойства причастия на *-ган*, которые связаны с его сказуемостной функцией: здесь выступает перфект на *-ган*. Поэтому вопрос о различении временной соотнесенности пассива в перфекте и результиativa для данной позиции формы *-ил-ган* снимается. Временное содержание ее в данном случае относительно (к временной семантике сказуемого предложения), и форма *-ил-ган* от предельных глаголов обозначает всегда действие, предшествующее действию сказуемого предложения [Иванов 1959, с. 42—46], например: *Дарахтларга*

богла-н-ган ҳар хил латта-лутта. . . кечки шабада тебран-арди 'Привязанные к деревьям различные тряпочки развевались от . . . вечернего ветра' ('были привязаны [и висели], когда развевались').

■ Определительные обороты с причастиями могут соседствовать с обычными прилагательными, поскольку их объединяет признак качественности: *мой сурка-л-ган-дай йилтироқ соч* 'словно намазанные маслом блестящие волосы'.

В атрибутивной позиции форма *-ил-ган* (результатив) противостоит форме на *-ил-аётган* со значением действия, совершающегося параллельно действию главного сказуемого, и форме на *-ил-адиган* со значением действия обычного, длительного или возможного на фоне действия главного сказуемого: *Деворга ёпиштирил-ил-ган лозунгни қара-ди* 'Он смотрел на лозунг, прикрепленный к стене' — *Деворга ёпиштирил-ил-аётган лозунгни қаради* 'Он смотрел на лозунг, который вешали (~ вешаемый) на стену' — *Деворга ёпиштирил-ил-адиган лозунгни қара-ди* 'Он смотрел на лозунг, который обычно вешали ~ должны были повесить на стену'.

Таким образом, эти формы противопоставлены по признаку «статичность — процесс», т. е. наличный результат (*-ил-ган*) — совершаемое действие (*-ил-аётган*, *-ил-адиган*).

Особого рассмотрения требует употребление результатива в отрицательной форме. Она образуется при помощи характерного для глагола аффикса отрицания *-ма-*, который присоединяется к основе глагола и за которым следуют показатели причастия или временных форм; ср.: *тақала-н-ган от* 'подкованная лошадь' — *тақала-н-ма-ган от* 'неподкованная лошадь'.

Может возникнуть вопрос, имеет ли такая форма результативное значение, ибо отсутствует действие, способное вызвать какие-то изменения объекта и, следовательно, создать новое его качественное состояние. Поскольку для отрицательной формы «характерна не констатация отсутствия [действия], а опровержение мысли о наличии [его]» [Фролова 1975, с. 205], то отрицательный результатив акцентирует тот признак, который свойствен объекту из-за отсутствия ожидаемого действия, т. е. в данном примере наличествует признак «неподкованности» лошади. Ср.: *ретушла-н-ма-ган негатив* 'неретушированный негатив', *усти ёп-ил-ма-*

ган уй 'непокрытый дом', қир-ил-ма-ган соқол 'небритая борода', ҳайда-л-ма-ган дала 'невозделанное ~ непаханное поле'. Во всех этих и подобных случаях устанавливается или выявляется соотношение между «создаваемым» и «несозданным» признаком объекта.

7. Как было указано, помимо результата, регулярно образуемого по описанным выше правилам на базе пассивной деривации, — его можно определить как морфологический результатив, — в узбекском языке имеются также структуры, которые формируются на базе словоформ, определяемых как лексические результаты [Холодович 1974, с. 379]. Ср.: *Отам эшик(ни) ёп-ди* 'Отец закрыл дверь' → *эшик ёп-ил-ган* 'дверь закрыта' (морфологический результатив) / *эшик ёп-иқ* 'дверь закрыта' (лексический результатив).

Лексические результативы — это отглагольные прилагательные от тех же транзитивных глаголов с предельным значением, семантические группы которых были представлены выше. Их образование непродуктивно, все такие словоформы являются достоянием словаря, их список фактически закрыт. Они образованы при помощи аффикса *-(и)к ~ -(и)қ* или *-(и)клик ~ -(и)қлик* как от двух-, так и от трехактантных глаголов. Семантические различия между образованиями с этими аффиксами эксплицировать не удастся, функционально они также не различаются. Следует отметить, что для некоторых прилагательных не устанавливается производящая глагольная основа в современном языке (например, *берк* 'запертый'); с другой стороны, от многих исходных транзитивов такие прилагательные не образуются.

На базе отглагольных прилагательных строятся предикативные и атрибутивные синтаксические структуры, передающие результативный смысл. В предикативных структурах прилагательные выступают в функции именного сказуемого. В настоящем времени такое сказуемое не имеет никаких показателей; например: *Идишлар ювиқлик* 'Вся посуда вымыта'. В прошедшем времени используется связка *эди* 'был' (3-е л.): *Идишлар ювиқлик эди* 'Вся посуда была вымыта'. В структуры могут входить дополнения и обстоятельства, обусловленные валентностями производящего глагола: *Деворга сурат қўндан бери осиблик* 'На стену давно повешена картина'; *Эшик ланг очик* 'Дверь открыта настежь';

Дарвозага лўмбоздай қулф осиблиқ эди (Ойбек) 'На ворота был повешен громадный замок'; Ҳамманинг боши букик, кўнгли синиқ эди (Ойбек) 'Головы всех согбенны, сердца всех были разбиты'.

В атрибутивных структурах прилагательное по общему правилу предшествует определяемому: *бузуқ кўприк* 'разрушенный мост'; *йиртиқ этик* 'рваные сапоги'; *қийиқ рўмол* 'платок, сложенный углом и служащий поясом'.

Семантически структуры с лексическими результатами соотносятся с теми глагольными структурами, где выступают производящие глаголы. В них наблюдается та же семантическая деривация, как и при морфологическом результате, и в этом смысле они также производны от исходных структур, однако маркировка этой деривации оказывается «неграмматичной»: образование глагольного деривата является непредсказуемым, такие дериваты задаются списком из словаря [Холодович 1974, с. 378].

Прилагательные по своим семантическим характеристикам не выходят за уже известные параметры: они обозначают статичный, непроцессуальный признак предмета, который связан с наличием предшествующего действия, активного по своей природе.

В современном узбекском языке можно указать следующие отглагольные прилагательные, образованные от соответствующих транзитивов при помощи аффикса *-(u)к ~ -(u)қ*: *бичиқ* 'кастрированный' (*бич-* 'холостить' < 'резать'), *босиқ* 'сдавленный', 'приплюснутый', 'наваленный' (*бос-* 'давить'), *бузуқ* 'разрушенный' (*буз-* 'разрушать', 'ломать'), *букик* 'согнутый', 'поникший' (*бук-* 'согнуть'), *бўбиқ* 'запруженный' (о воде) (*бўб-* 'запрудить'), *ечиқ* ~ *ешиқ* 'развязанный, не на привязи' (о скоте) (*еч-* 'отвязать'), *ёзиқ* 'разостланный' (*ёз-* 'расстилать'), *ёйиқ* 'развешенный' (о белье) (*ёй-* 'развешивать'), *ёпиқ* 'закрытый, запертый' (*ёп-* 'закрыть'), *ёриқ* 'лопнувший' (*ёр-* 'расколоть'), *йиртиқ* 'рванный' (об одежде) (*йирт-* 'рвать'), *йиқиқ* 'сваленный' (*йиқ-* 'валить'), *йибиқ* 'собранный' (о вещах) (*йиб-* 'собрать'), *йибноқ* 'собранный' (*йибна-* 'собрать'), *кемтик* 'щербатый' (*кемти-* 'сделать щербину'), *осиқ* 'повешенный' (*ос-* 'повесить'), *очиқ* 'открытый' (*оч-* 'открыть'), *синиқ* 'сломанный' (*син-* 'ломать(ся)'), *сиқиқ* 'сжатый', 'сдавленный' (*сиқ-* 'сда-

вить', 'сжать'), *соликъ* 'положенный', 'налитый', 'за-
стегнутый' (о пуговице) (*сол-* 'класть'), *сочикъ* 'разо-
бранный' (*соч-* 'рассыпать'), *сѣжикъ* 'распоротый по
швам' (*сѣж-* 'распороть'), *титикъ* 'изодранный в кло-
чья' (*тит-* 'размочалить'), *тортикъ* 'натянутый' (за-
навес), 'занавешенный' (об окне) (*торт-* 'тянуть'),
тугукъ 'завязанный' (*туг-* 'завязать'), *тузукъ* 'исправ-
ный' (*туз-* 'устроить'), *тешикъ* 'дырявый' (*теш-* 'про-
дыривить'), *узукъ* 'оборванный' (*уз-* 'оторвать'), *улоқъ*
'залатанный' (*ула-* 'чинить одежду'), *чѣзикъ* 'растяну-
тый', 'протяжный' (гудок) (*чѣз-* 'растянуть'), *эгикъ*
'склоненный' (*эг-* 'нагнуть'), *юлуқъ* 'вырванный' (*юл-*
'выдернуть'), *юмуқъ* 'закрытый' (о глазах) (*юм-* 'смежить
веки'), *ямоқъ* 'залатанный' (*ям-* 'латать'), *қийикъ* 'сре-
занный' (*қий-* 'срезать'), *қирқикъ* 'срезанный' (*қирқ-* 'от-
резать'), *қисикъ* 'сдавленный' (*қис-* 'сдавить'), *қулфлоқъ*
'запертый на замок' (*қулфла-* 'запереть на замок'),
қѣшоқъ 'спаренный' (*қѣш-* 'соединить').

Следующие прилагательные на *-(и)к* не имеют
соотносительных исходных транзитов: *берк* ~ *бекик*
'запертый' (ср.: *бек-ил-* 'быть запертым'), *пачоқъ* 'би-
тый, разбитый' (о яйцах), 'измятый' (о яблоках),
шалоқъ 'распатанный', 'истрепанный'.

Следующие прилагательные образованы при по-
мощи аффикса *-(и)клик*: *бичикъликъ* 'скроенный' (*бич-*
'кроить' < 'резать', но *бичикъ* 'кастрированный'),
боѣлобликъ 'привязанный' (*боѣла-* 'привязать'), *дамлоб-*
ликъ 'заваренный' (о чае), 'упревший' (о плове) (*дамла-*
'заваривать чай', 'доводить до готовности плов'),
тахлобликъ 'сложенный' (*тахла-* 'сложить стопкой'),
ювуқликъ 'мытый' (*юв-* 'мыть'), *юганлоқликъ* 'взнуздан-
ный' (*юганла-* 'взнуздать'), *ясобликъ* 'украшенный, уб-
ранный' (*яса-* 'изготовить'), *қистириқликъ* 'заткнутый'
(*қистир-* 'заткнуть'), *ѣгиригликъ* 'повернутый' (*ѣгир-*
'повернуть').

Следующие прилагательные выступают в двух фор-
мах — с аффиксом *-(и)к* и с аффиксом *-(и)клик*: *ѣпикъ* ~
ѣпикъликъ 'закрытый' (*ѣп-* 'закрыть'), *осикъ/осиб* ~ *осикъ-*
ликъ 'подвешенный' (*ос-* 'повесить'), *соликъ* ~ *солибликъ*
'положенный' (*сол-* 'положить'), *сѣжикъ* ~ *сѣжикликъ* 'рас-
поротый по швам', *тортикъ* ~ *тортикъ-ликъ* 'натянутый',
тугукъ ~ *тугукликъ* 'завязанный'.

Как видно, прилагательные обозначают признаки,
которые связаны, как и у производящих глаголов,

1) с «созданием» или «разрушением» объекта (*синиқ*: 'сломанный', *пачоқ* 'битый', *тузук* 'исправленный'); 2) с преобразованием свойств объекта (*қулфлоқ* 'запертый на замок', *юганлоқлик* 'взнузданный', *бўвиқ*: 'запруженный'); 3) с внешними изменениями объекта (*ясоблиқ* 'украшенный', *тешиқ* 'дырявый'); 4) с изменением пространственного положения объекта (*ёзиқ*: 'разостланный', *ўгириглиқ* 'повернутый', *солиқ* 'положенный') и т. п.

Приведенные глагольные дериваты, являющиеся по своей природе прилагательными, имеют значение качества, свойства, присущего предмету признака. В прилагательных наиболее стерто глагольное значение динамического признака-действия. Поэтому в структурах с прилагательными на *-(u)к(-лик)* также на первый план выдвигаются свойства, состояния предмета как таковые. И в этом основное отличие данных структур от морфологического результата, где указание на предшествующее активное воздействие на объект входит в его семантическую структуру. Так, *Деразалар оч-ил-ган* 'Окна открыты' — морфологический результат, здесь основа глагола *оч-ил-* 'быть открытым' обозначает активный процесс воздействия на объект, или «процессуальную фазу» [Лённгрен 1970, с. 61—62; Маслов 1973, с. 76], т. е. 'окна открывали' → 'их открыли'. Значение результативности и наличности состояния привносится формой перфекта на *-ган*, в силу чего «процессуальная фаза» (=медialная фаза) перерастает в «результативную фазу» и результат предшествующего действия предстает как качество, т. е. 'окна открыли' → 'они открыты'. Прилагательные не эксплицируют медialную динамическую фазу действия, их грамматическая природа репрезентирует качество как таковое: *Деразалар очиқ* 'Окна открыты', «открытость» — их качество в данный момент и только. И все же, представляется, отглагольные прилагательные нельзя полностью отделить от предшествующего действия, ибо эта связь поддерживается производящей основой глагола, несущей сему переходности, предполагающей агенса и динамику процесса. Однако связь эта представлена только через наличный результат, через состояние-качество.

Указанное различие морфологического и лексического результатов (экспликация/импликация пред-

шествующего действия), а также их семантическую общность как результатов можно показать в оппозиции с отыменными прилагательными, где полностью исключена связь с действием: *юганла-н-ган* от 'взнузданная лошадь' ('лошадь взнуздали, и она взнуздана') — *юганлоқлиқ* от 'взнузданная лошадь' ('она взнуздана в настоящий момент') // *юган-ли* от 'взнузданная лошадь', 'лошадь, имеющая узду', 'лошадь с уздой' (-*ли* — аффикс прилагательного со значением наличия признака производящего слова); ср.: *юганла-н-ма-ган* от 'невзнузданная лошадь' — *юган-сиз* от 'невзнузданная лошадь', 'лошадь без узды' (*юган* 'узда' + *-сиз* аффикс привативного прилагательного); *туг-ил-ган арқон* 'завязанная веревка' ('ее завязывали, и она завязана в настоящий момент') — *тугук/тугуклик арқон* 'завязанная узлом веревка' ('завязана узлом в настоящий момент') // *тугун-ли арқон* 'веревка с узлом, в узлах', 'имеющая узел' (*тугун* 'узел').

Таким образом, аспектуальная семантика результата в узбекском языке реализуется в высказывании на уровне лексики и морфологии. Значит, и для данной категории важно различие средств ее репрезентации в языке.

Результатив входит в ряд сопряженных аспектуальных значений, представляя собой завершающий элемент цепочки, начало которой представлено лексическими значениями глаголов. Еще раз следует подчеркнуть, что он связан исключительно с предельными процессами, а это свидетельствует о том, что они несравненно богаче семантики непредельных процессов. Для последних возможна скорее актуализация семантики в пределах срединной, медиальной фазы, для предельных же — на всем течении процесса, и полная цепочка семантических компонентов, или звеньев, будет иметь вид последовательных этапов от начала процесса через его развитие в медиальной фазе (сложной по составу: процессив + воздействие) с преодолением предела и переходом к конечной, консеквентной фазе и далее — к вторичному результирующему состоянию, отображаемому результативом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Функционально-семантический подход к истолкованию фактов языка способствует изучению коммуникативных функций языка во всем их объеме. Он предотвращает уход от собственно языковой семантики в область «логических смыслов» и замену языкового анализа описанием смыслов, ориентированных на мыслительную деятельность говорящего без учета их коммуникативной ценности. Поэтому в первых главах работы было сконцентрировано внимание на специфике категориального значения глагола — значения процесса и на связях этого значения с аспектуальными признаками процесса, в основе которых лежат отражательные категории временных свойств различных действий и состояний; они представлены фазовой структурой процесса.

Важно было также выделить из общей семантической зоны аспектуальности семантику способов действия, или семантическую зону акциональности. Это самостоятельная языковая семантика, с формальной стороны она обязательно представлена в глагольной лексеме внешними выразителями — грамматическими (морфологическими) показателями. Способы действия в таком понимании служат уточнению семантики процесса, добавляя дополнительные значения к лексическому значению исходного глагола. Следовательно, в рамках единства лексического значения глагола может объединяться глагольная лексическая и глагольная морфологическая (грамматическая) акциональность, противопоставленная неглагольной акциональности, т. е. выраженной за пределами глагольной лексемы.

Анализ внутреннего содержания глагольной акциональности позволяет не только выявить ее особенности (качественная и количественная акциональность), но

и поставить вопрос о стратификации акциональных признаков, в основе которой лежит уровень взаимодействия фазовой и акциональной семантики. Заметим, что два больших класса глаголов — глаголы состояния и глаголы действия — отражают определенные типы процессов, различающихся по своей внутренней структуре, своему фазовому строению. Акциональность связана с актуализацией отдельных фаз процесса, т. е. способы действия изменяют акциональную часть лексического значения глагола, по-разному взаимодействуя с вещественной его частью.

Рассмотрение способов действия невозможно без учета языковой специфики.

В четвертой главе были охарактеризованы функциональные связи лексической и морфологической акциональности только в двух из четырех выделенных областей иерархической организации смысловой зоны аспектуальности, за рамками описания остались средства актуализации интенсивности процесса, а также его пространственной ориентации. Вероятно, существуют и другие семантические компоненты аспектуальности, которые могут получать системное выражение в языке. Однако и проведенный анализ морфологических акциональных средств показывает, как представляется, достаточно ясно исключительно тесную взаимозависимость лексической и морфологической акциональности и строгую взаимоориентированность средств представления служебной информации, средств выражения способов действия и лексической базы глагола. Характерно, что в этом процессе синтезирования семантики доминанция все же на стороне лексической акциональности, и прежде всего «вещественной» составляющей. Элементы категориальной языковой семантики более подвижны, более проникающи, они обладают скорее обратной связью с первой, чем регулирующей направленностью. Они в полной мере иллюстрируют точное определение служебной языковой семантики, данное Е. Д. Поливановым, — это «типично примышляемые» значения. В их типичности проявляется системность в организации языковой семантики, ее прочные парадигматические связи; здесь же заложен и фундамент грамматикализации, завершающий путь от «строеного» средства к выразителю грамматической категории, в рамках которой

наблюдается необходимое единство формы и содержания, что позволяет в то же время конкретному языковому знаку обладать смысловой многофункциональностью.

Вторая часть определения фиксирует момент вторичности грамматической семантики и опять-таки ее предопределенность лексической семантикой. Этот фактор особенно важен для агглютинативных языков с их необязательностью части грамматических категорий, с их принципом «набора» средств репрезентации коммуникативного задания, который предстает обычно как «факультативность» тех или иных грамматических средств. С другой стороны, оказывается, что «выбор» и «набор» осуществляются в агглютинативном языке по строгим правилам согласования «средства» и «функции», заложенным в языковой системе. Эти закономерности проявляются в полной мере и в области аспектуальной семантики, в частности и в возможностях акциональной актуализации процессов, выражаемых глаголами.

Функциональный подход к анализу языкового материала дает возможность проследить указанные глубокие связи между всеми элементами языковой системы. Когда описываются вспомогательные глаголы в том или ином тюркском языке лишь как формальные средства выражения некоей семантики, то внутренние связи и закономерности часто остаются в тени. Тюркология, как и любая частная отрасль языкознания, располагает необходимыми средствами для продвижения к пониманию внутренних закономерностей и правил функционирования разнообразных элементов структуры тюркских языков. Функциональный и системный подходы к анализу категорий тюркских языков помогают раскрыть субстанциональные возможности и сложившуюся систему внутренних связей между элементами разных ярусов языков, прежде всего между лексическими значениями слов и значениями морфологических форм.

Как уже указывалось, аспектуальные смыслы отличаются высоким уровнем отражения реальных характеристик протекания процессов, поэтому и грамматические средства, с помощью которых в высказывании выражаются эти смыслы, отличаются достаточно ясной мотивированностью, однако они принадлежат к морфо-

логическому уровню. В качестве репрезентантов акциональной семантики, которая закреплена за ними в языке, они являются поэтому грамматическими центрами функционально-семантического поля акциональности и шире — одним из центров поля аспектуальности, которое включает и другие категориальные единства, например видовременные формы, не без взаимодействия с другими категориями глагола. Эта связь акциональности и аспектуальности видовременных форм была проиллюстрирована на примере смысловой категории результата.

В акциональной семантике (как и в аспектуальности в целом) ясно прослеживается связь отражательной семантики лексических единиц и отражательных компонентов морфологических показателей, призванных уточнять, дополнять, модифицировать и актуализировать сложное содержание процесса. Отражения в языке его фазовой структуры и качественно-количественных (и иных) характеристик оказываются взаимонаправленными. Поэтому в центр внимания тюркской аспектологии на новом этапе ее развития (этот этап соответствует достигнутому уровню развития общей аспектологии и теории языка) выдвигается изучение структуры поля аспектуальности в целом с его разнородными компонентами, раскрытие системных связей между его составляющими и функциональных потенциалов каждого их элемента. В свою очередь, все это зависит от соотношения языковых и неязыковых (смысловых) содержательных компонентов, представленной системой конкретного тюркского языка.

В данном понимании тюркская аспектуальная семантика и способы ее выражения (при обязательном учете возможностей выразительной техники агглютинативных языков) подчиняются и соответствуют (в рамках тюркского «языкового типа») закономерностям, которые вскрываются и на материале других языков, но вовсе не образуют нечто такое, что выходит за рамки языковой типологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Маркс К. Капитал. Т. 1 // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т. 23. М., 1960.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т. 3. М., 1955. С. 7—544.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг: Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т. 20. М., 1961. С. 4—338.
- Энгельс Ф. Диалектика природы // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т. 20. М., 1961. С. 339—626.
- Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // *Ленин В. И. Полн. собр. соч.* Т. 25. М., 1961. С. 255—320.
- Ленин В. И. Философские тетради // *Ленин В. И. Полн. собр. соч.* Т. 29. М., 1963.
- Ленинский сборник. Т. XII. М.; Л., 1930.
- Авилова 1976 — *Авилова Н. С.* Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
- Адмони 1979 — *Адмони В. Г.* Структура грамматического значения и его статус в системе языка // Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках. Л., 1979. С. 6—36.
- Азизов 1960 — *Азизов А.* Сопоставительная грамматика русского и узбекского языков: Морфология. Ташкент, 1960.
- Ахундов 1982 — *Ахундов М. Д.* Концепции пространства и времени: Истоки, эволюция, перспективы. М., 1982.
- Бабанаров 1981 — *Бабанаров А. Б.* Разработка принципов построения словарного обеспечения турецко-русского машинного перевода: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1981.
- Балин 1969 — *Балин Б. М.* Немецкий аспектологический контекст в сопоставлении с английским. Калинин, 1969.
- Балин и др. 1979 — *Балин Б. М., Бурмистрова Л. А., Колосова Л. П.* и др. Сравнительная аспектология русского и немецкого языков. Калинин, 1979. I.
- Батманов 1934 — *Батманов И. А.* Категории времени сказуемого в турецких языках: Генезис представлений и употребление форм // Сб. научн. тр. Узб. НИИ культурного строительства. Т. I. Вып. 2. Ташкент, 1934. С. 18—65.
- Бенвенист 1974 — *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / Пер. с фр. М., 1974.
- Бирюкович 1980 — *Бирюкович Р. М.* Семантика и формы выражения способов глагольного действия в чувлымско-тюркском языке // Советская тюркология. 1980. № 1. С. 68—77.
- Бирюкович 1981 — *Бирюкович Р. М.* Морфология чувлымско-тюркского языка. Ч. II. Саратов, 1981.

- Богородицкий 1935 — *Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики: Из университетских чтений: 5-е изд., перераб. М.; Л., 1935.
- Бодуэн 1963, I — *Бодуэн де Куртене А. И.* Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. Т. I. М., 1963.
- Болсохоева 1977 — *Болсохоева А. Д.* Предикативное функционирование кратких страдательных причастий прошедшего времени в русском языке XVI—XVII вв.: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. М., 1977.
- Бондарко 1971а — *Бондарко А. В.* Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.
- Бондарко 1971б — *Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола: Значение и употребление. Л., 1971.
- Бондарко 1976 — *Бондарко А. В.* Теория морфологических категорий. Л., 1976.
- Бондарко 1978 — *Бондарко А. В.* Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
- Бондарко 1983 — *Бондарко А. В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
- Бондарко 1984а — *Бондарко А. В.* Функциональная грамматика. Л., 1984.
- Бондарко 1984б — *Бондарко А. В.* Введение: Теория значения в аспектологических исследованиях // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984. С. 5—21.
- Васильев 1981 — *Васильев Л. М.* Семантика русского глагола. М., 1981.
- Васильева 1980 — *Васильева Т. Н.* Глаголы движения в современном чувашском языке: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Уфа, 1980.
- Виноградов 1947 — *Виноградов В. В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947.
- Вопросы 1962 — Вопросы глагольного вида: Сборник / Сост., ред., вступ. статья и прим. Ю. С. Маслова. М., 1962.
- Вопросы грамматики 1958 — Вопросы грамматики тюркских языков: Материалы координационного совещания по проблемам глагольного вида и сложно-подчиненного предложения в тюркских языках. . . 24—27 сент. 1956 г. Алма-Ата, 1958.
- Воронцова 1948 — *Воронцова Г. Н.* О лексическом характере глагола в английском языке // Иностран. яз. в школе. М., 1948. № 1. С. 19—31.
- Гаджиева 1975 — *Гаджиева Н. З.* Проблемы тюркской ареальной лингвистики: Среднеазиатский ареал. М., 1975.
- Гак 1971 — *Гак В. Г.* Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова: Психолингвистические исследования. М., 1971. С. 78—96.
- Гак 1973 — *Гак В. Г.* Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики: 1972. М., 1973. С. 349—372.
- Гак 1977а — *Гак В. Г.* Сравнительная типология французского и русского языков. Л., 1977.
- Гак 1977б — *Гак В. Г.* Сопоставительная лексикология: На материале французского и русского языков. М., 1977.

- Ганиев 1963 — *Ганиев Ф. А.* Видовая характеристика глаголов татарского языка: Проблема глагольного вида в татарском языке. Казань, 1963.
- Ганиев 1971 — *Ганиев Ф. А.* К вопросу о сложном глаголообразовании в тюркских и монгольских языках // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971. С. 377—382.
- Ганиев 1976 — *Ганиев Ф. А.* Суффиксальное образование глаголов в современном татарском языке. Казань, 1976.
- Ганиев 1980 — *Ганиев Ф. А.* Вопросы морфологии татарского языка. Казань, 1980.
- Гарифулин 1972 — *Гарифулин Л. Б.* Акциональный уровень аспектуальности (в плане выражения) // Некоторые вопросы романо-германской филологии. Вып. 5. Челябинск, 1972. С. 17—29.
- Гловинская 1982 — *Гловинская М. Я.* Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Головин 1950 — *Головин Б. Н.* О видовых и внутривидовых грамматических значениях современных русских глаголов // Уч. зап. Вологод. гос. пед. ин-та. Т. 7: Филологический. Вологда, 1950. С. 249—287.
- Горский 1985 — *Горский Д. П.* Обобщение и познание. М., 1985.
- Грамматика 1980, I — *Русская грамматика: В 2 т. Т. I. М., 1980.*
- Грамматика алтайского языка 1869 — *Грамматика алтайского языка / Составлена членами Алтайской миссии. Казань, 1869.*
- Грамматика башкирского языка 1981 — *Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981.*
- Грамматика якутского языка 1982 — *Грамматика современного якутского литературного языка: Фонетика и морфология. М., 1982.*
- Грунина 1975а — *Грунина Э. А.* Индикатив в турецком языке: В сравнительно-историческом освещении: Автореф. дис. . . . докт. филол. наук. М., 1975.
- Грунина 1975б — *Грунина Э. А.* Об изучении семантической структуры временных форм индикатива: Подходы к проблеме // Советская тюркология. 1975. № 4. С. 82—91.
- Гузев 1985 — *Гузев В. Г.* Некоторые вопросы теории тюркского словоизменения в функционально-семантическом аспекте // Советская тюркология. 1985. № 2. С. 3—11.
- Гузев 1986 — *Гузев В. Г.* Система тюркских словоизменительных категорий в функционально-семантическом аспекте: На материале староанатолийско-тюркского языка: Автореф. дис. . . . докт. филол. наук. Л., 1986.
- Гузев 1987 — *Гузев В. Г.* Очерки по теории тюркского словоизменения: Имя (на материале староанатолийско-тюркского языка). Л., 1987.
- Гузев, Насилов 1975 — *Гузев В. Г., Насилов Д. М.* К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках // Вопросы языкознания. 1975. № 3. С. 98—111.
- Гузев, Насилов 1981 — *Гузев В. Г., Насилов Д. М.* Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория» // Советская тюркология. 1981. № 3. С. 22—35.
- Гуревич 1974 — *Гуревич В. В.* К вопросу о предельности действия // Рус. яз. в нац. школе. 1974. № 3. С. 82—84.
- Демин 1983 — *Демин В. Н.* Основной принцип материализма:

- Принцип материальности и его роль в научном познании. М., 1983.
- Дешериева 1979 — Дешериева Т. И. Исследование видо-временной системы в нахских языках: С привлечением материала индосистемных языков. М., 1979.
- Джанашиа 1970 — Джанашиа Н. Н. Исследование по морфологии турецкого глагола. Тбилиси, 1970.
- Джанашиа 1981 — Джанашиа Н. Н. Морфология турецкого глагола. Тбилиси, 1981.
- Дмитриев 1962 — Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962.
- Долинина 1964 — Долинина И. Г. Типология выражения видо-временных категорий на материалах русского, английского и некоторых языков народов Кавказа (карачаево-балкарского, адыгейского, кабардино-черкесского). Нальчик, 1964.
- Драгош 1969 — Драгош Й. К вопросу о «способах действия» (Actionsarten) в русском языке // Studia Slavica Hungarica. Budapest, 1969. Т. XV. N 3—4. С. 195—206.
- Дубровский 1983 — Дубровский Д. Н. Проблема идеального. М., 1983.
- Дэжэ 1983 — Дэжэ Л. Типологические вопросы русской аспектуальности // Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках: Материалы заседания комиссии . . . 9—11 дек. 1981 г. М., 1983. С. 3—10.
- Егоров 1971 — Егоров В. Г. Словосложение в тюркских языках // Структура и история тюркских языков. М., 1971.
- Жубанов 1966 — Жубанов Х. Исследования по казахскому языку. Алма-Ата, 1966.
- Иванов 1959 — Иванов С. Н. Очерки по синтаксису узбекского языка: Форма на -ган и ее производные. Л., 1959.
- ИЛ — Узбек тилининг изоҳли лугати: В 2 т. М., 1981.
- Исаченко 1960 — Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Ч. II: Морфология. Братислава, 1960.
- Калашник 1985 — Калашник Д. М. Выражение ограниченной длительности действия при функционировании глаголов с приставкой по- в современном русском языке: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1985.
- Касевич 1977 — Касевич В. Б. Элементы общей лингвистики. М., 1974.
- Касевич 1986 — Касевич В. Б. Морфонология. Л., 1986.
- Кацнельсон 1965 — Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л., 1965.
- Кацнельсон 1972 — Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Кацнельсон 1986 — Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. Л., 1986.
- Климов 1977 — Климов Г. А. Типология языков активного строя. М., 1977.
- Коклянова 1963 — Коклянова А. А. Категория времени в современном узбекском языке. М., 1963.
- Колшанский 1965 — Колшанский Г. В. Логика и структура языка. М., 1965.
- Колшанский 1975 — Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975.

- Колшанский 1977 — *Колшанский Г. В.* Лингво-гносеологические основы языковой номинации // Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977. С. 99—146 (гл. II).
- Кононов 1960 — *Кононов А. Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960.
- Кононов 1980 — *Кононов А. Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980.
- Кормушин 1978 — *Кормушин И. В.* Каузативные формы глагола в алтайских языках // Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1978. С. 10—87.
- Корсаков 1965 — *Корсаков А. К.* К вопросу о характере глагола в английском языке // Иностранная филология. Вып. 2. Львов, 1965. С. 42—49.
- Кошевая 1972 — *Кошевая И. Г.* Типологические структуры языка: Сфера видо-временных значений. Киев, 1972.
- Кубрякова 1978 — *Кубрякова Е. С.* Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978.
- Кубрякова 1981 — *Кубрякова Е. С.* Типы языковых значений: Семантика производного слова. М., 1981.
- Кузнецов 1956 — *Кузнецов П. И.* К вопросу о перифрастических формах турецкого языка // Краткие сообщ. ИВ АН СССР. М., 1956. Т. 18. С. 19—33.
- Кузнецов 1966 — *Кузнецов П. И.* Категория вида в турецком языке: Видовые аспекты // Иностранные языки: Сб. статей. № 2. М., 1966. С. 213—228.
- Кузнецов 1968 — *Кузнецов П. И.* Категория вида в турецком языке: Видовые разряды // Иностранные языки: Сб. статей. № 4. М., 1968. С. 100—110.
- Кузнецов 1975 — *Кузнецов П. И.* Аспект и акционал в турецком языке: К выходу в свет монографии Л. Йохансона // Советская тюркология. 1975. № 3. С. 68—81.
- Кузнецов 1983 — *Кузнецов П. И.* Система функциональных форм глагола в современном турецком языке: Автореф. дис. . . . докт. филол. наук. М., 1983.
- Кузнецова 1980 — *Кузнецова Э. В.* Русская лексика как система. Свердловск, 1980.
- Кульбакин 1977 — *Кульбакин А. А.* Об универсальной категории аспектуальности: В русском и немецком языкознании // Сб. научн. тр. Вып. 109. М., 1977.
- Кунгуров, Тихонов 1969 — *Кунгуров Р. К., Тихонов А. Н.* Обратный словарь узбекского языка. Самарканд, 1969.
- Кунгуров 1966 — *Кунгуров Р.* Узбек тилида тасвирий сўзлар. Тошкент, 1966.
- Кучкартаев 1978 — *Кучкартаев И.* Семантика глаголов речи в узбекском языке: Автореф. дис. . . . докт. филол. наук. Ташкент, 1978.
- Лённгрэн 1970 — *Лённгрэн Л.* Употребление краткой формы страдательного причастия прошедшего времени в современном русском языке. Uppsala, 1970.
- Ломов 1977 — *Ломов А. М.* Очерки по русской аспектологии. Воронеж, 1977.
- Маманов 1949 — *Маманов И. Е.* Вспомогательные глаголы в казахском языке. Алма-Ата, 1949.
- Маслов 1948а — *Маслов Ю. С.* Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке //

- Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1948. Т. 7. Вып. 4. С. 303—316 [То же // Маслов 1984. С. 48—65].
- Маслов 1948б — *Маслов Ю. С.* Из истории второго причастия германских языков // Язык и мышление. Т. XI. М.; Л., 1948. С. 194—207.
- Маслов 1958 — *Маслов Ю. С.* Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. М., 1958.
- Маслов 1959 — *Маслов Ю. С.* Глагольный вид в современном болгарском литературном языке: Значение и употребление // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959. С. 157—312.
- Маслов 1962 — *Маслов Ю. С.* Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании // Вопросы 1962. С. 7—32.
- Маслов 1965 — *Маслов Ю. С.* Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания. Л., 1965.
- Маслов 1973 — *Маслов Ю. С.* Универсальные семантические компоненты в содержании грамматической категории совершенного / несовершенного вида // Советское славяноведение. М., 1973. № 4. С. 73—83.
- Маслов 1975 — *Маслов Ю. С.* Русский глагольный вид в зарубежном языкознании последних лет // Вопросы русской аспектологии. Воронеж, 1975. С. 28—47.
- Маслов 1977 — *Маслов Ю. С.* Русский глагольный вид в зарубежном языкознании последних лет. II. // Вопросы русской аспектологии. Вып. 2. Тарту, 1977. С. 23—46.
- Маслов 1978 — *Маслов Ю. С.* К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Вып. I. Л., 1978. С. 4—44.
- Маслов 1983 — *Маслов Ю. С.* Результатив, перфект и глагольный вид // Типология результативных конструкций. . . Л., 1983. С. 41—54 (гл. 2).
- Маслов 1984 — *Маслов Ю. С.* Очерки по аспектологии. Л., 1984. Мат. энцикл. — Математическая энциклопедия: В 5 т. Т. I. М., 1977.
- Мелиг 1985 — *Мелиг Х. Р.* Семантика предложения и семантика вида в русском языке: К классификации глаголов Зино Вендлера // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985. С. 227—249.
- Мельников 1969а — *Мельников Г. П.* Языковая стратификация и классификация языков // Единицы разных уровней грамматического строя и их взаимодействие. М., 1969. С. 45—73.
- Мельников 1969б — *Мельников Г. П.* Типы мотивированности языковых знаков // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Л., 1969. С. 3—6.
- Мельников 1971а — *Мельников Г. П.* Принципы системной лингвистики в применении к проблемам тюркологии // Структура и история тюркских языков. М., 1971. С. 121—137.
- Мельников 1971б — *Мельников Г. П.* Семантика и проблемы тюркологии // Советская тюркология. 1971. № 6. С. 3—16.
- Мельников 1974 — *Мельников Г. П.* Типы означаемых языкового знака и детерминанта языка // Проблемы семантики. М., 1974. С. 25—34.

- Мельников 1978 — Мельников Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978.
- Мещанинов 1945 — Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М.; Л., 1945.
- Мещанинов 1948 — Мещанинов И. И. Глагол. М.; Л., 1948.
- Михайлов 1965 — Михайлов М. С. Исследования по грамматике турецкого языка: Перифрастические формы турецкого глагола. М., 1965.
- Мухитдинова 1979 — Мухитдинова Х. С. Глаголы звучания в узбекском языке: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Ташкент, 1979.
- Мышление 1982 — Мышление: Процесс, деятельность, общение. М., 1982.
- Насилов 1960 — Насилов Д. М. К вопросу о перифрастических формах глагола в древнетюркских языках // Вопросы языкознания. 1960. № 3. С. 93—97.
- Насилов 1971 — Насилов Д. М. О способах выражения видовых значений в алтайских языках // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971. С. 366—376.
- Насилов 1976а — Насилов Д. М. К истории вспомогательных глаголов в тюркских языках // Тюркологические исследования. М., 1976. С. 158—167.
- Насилов 1976б — Насилов Д. М. Конструкции -а+туруп в древнеуйгурском языке // Сибирский тюркологический сборник. Новосибирск, 1976. С. 42—48.
- Насилов 1976в — Насилов Д. М. Еще раз о виде: К истории вопроса // Turcologica: К 70-летию акад. А. Н. Кононова. Л., 1976. С. 111—120.
- Насилов 1978 — Насилов Д. М. Формы выражения способов глагольного действия в алтайских языках // Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1978. С. 88—177.
- Насилов 1983 — Насилов Д. М. Стаив и перфект пассива в узбекском языке // Типология 1983. С. 118—123 (гл. 10).
- Насилов 1984 — Насилов Д. М. Аспектуальные значения аналитических образований и разряды глагольной лексики в узбекском языке // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984. С. 128—165 (гл. 6).
- Насилов 1985а — Насилов Д. М. Уровни семантической абстракции и соотношение языковой и внеязыковой семантики в функциональной грамматике // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985. С. 120—131.
- Насилов 1985б — Насилов Д. М. К характеристике количественной аспектуальности в узбекском языке // Советская тюркология. 1985. № 1. С. 64—70.
- Насилов 1985в — Насилов Д. М. Некоторые вопросы изучения видовременной системы в урало-алтайских языках // Урало-алтаистика: Археология. Этнография. Язык. Новосибирск, 1985. С. 188—193.
- Насилов 1986 — Насилов Д. М. Качественная аспектуальность в тюркских языках // Востоковедение. Вып. 12: Филологические исследования. Л., 1986. С. 53—59.
- Насилов 1987 — Насилов Д. М. О грамматической интерпретации бивербальных конструкций // Советская тюркология, 1987. № 3. С. 10—12.

- Насилов, Ризаев 1983 — *Насилов Д. М., Ризаев Б. Х.* Фаза прекращения процесса в узбекском языке // Советская тюркология. 1983. № 4. С. 79—91.
- Насилов, Храковский 1972 — *Насилов Д. М., Храковский В. С.* О пассивной деривации в узбекском языке // Советская тюркология. 1972. № 6. С. 40—49.
- Насилов В. 1947 — *Насилов В. М.* К вопросу о грамматической категории вида в тюркских языках // Тр. Моск. ин-та востоковедения. Т. 4. М., 1947. С. 32—52.
- Недялков 1984 — *Недялков В. П.* Заметки по типологии начинательных конструкций // Прагматика и семантика синтаксических единиц: Сб. научн. трудов. Калинин, 1984. С. 46—54.
- Недялков 1986 — *Недялков В. П.* Основные типы начинательных глаголов: Инхоативы, ингрессивы, инцептивы // Языковое общение и его единицы: Межвуз. сб. научн. трудов. Калинин, 1986. С. 124—134.
- Недялков и др. 1974 — *Недялков В. П., Отаина Г. А., Холодович А. А.* Диатезы и залоги в нивхском языке // Типология пассивных конструкций: Диатезы и залоги. Л., 1974. С. 232—251.
- Нечаева 1982 — *Нечаева А. И.* Проблема грамматической категории вида и функционально-семантическая категория аспектуальности в русском и узбекском языках // Проблемы изучения русского языка в Узбекистане. Ташкент, 1982. С. 145—157.
- Никитин 1983 — *Никитин М. В.* Лексическое значение слова: Структура и комбинаторика. М., 1983.
- Нурмухамедов 1976 — *Нурмухамедов А.* Выражение начинательности глагольного действия в современном немецком и узбекском языках: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1976.
- Оразов 1983 — *Оразов М.* Семантика казахского глагола: Опыт семантической классификации: Автореф. дис. . . . докт. филол. наук. Алма-Ата, 1983.
- Оралбаева 1971а — *Оралбаева Н.* Аналитические формы глагола в современном казахском языке: Автореф. дис. . . . докт. филол. наук. Алма-Ата, 1971.
- Оралбаева 1971б — *Оралбаева Н.* Категория характера протекания действия в современном казахском языке // Советская тюркология. 1971. № 5. С. 95—100.
- Оралбаева 1979 — *Оралбаева Н.* Қазақ тіліндегі етістіктің аналитикалық форманттарының құрылысы мен мағынасы. Алма-Ата, 1979.
- Павлов 1982 — *Павлов В. М.* Понятие лексемы и некоторые спорные вопросы теории словосочетания // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982. Т. X. С. 272—279.
- Павлов 1984 — *Павлов В. М.* Темпоральные и аспектуальные признаки в семантике «временных форм» немецкого глагола и некоторые вопросы теории грамматического значения // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984. С. 42—70 (гл. 2).
- Павлов 1985 — *Павлов В. М.* Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л., 1985.
- Пешковский 1956 — *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении: 7-е изд. М., 1956.

- Поливанов 1928 — *Поливанов Е. Д.* Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928.
- Потебня 1977 — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. IV. Вып. II: Глагол. М., 1977.
- Принципы и методы 1976 — Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
- Реферовская 1948 — *Реферовская Е. А.* Категория вида во французском глаголе // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. Т. 7. Вып. 5. 1948. С. 445—456.
- Реферовская 1977 — *Реферовская Е. А.* Лингвистическая концепция Гюстава Гийома // Вопросы языкознания. 1977. № 3. С. 113—123.
- Реферовская 1984 — *Реферовская Е. А.* Семантика видо-временных форм, предельность / неопределенность и лексические значения глагола // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984. С. 91—109 (гл. 4).
- Реформатский 1967 — *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. М., 1967.
- Ризаев 1981 — *Ризаев Б. Х.* Грамматическое значение фазы прекращения процесса и аналитические средства его выражения в современном немецком языке: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1981.
- Сайкиев 1973 — *Сайкиев Х. М.* Грамматические категории глагола в русском и казахском языках: К проблеме типологических исследований. Алма-Ата, 1973.
- Сейфуллин 1963 — *Сейфуллин М. Г.* О некоторых особенностях глагольного вида как категории грамматики // Филологический сборник. Вып. I. Алма-Ата, 1963. С. 186—197.
- Севортян 1962 — *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке: Опыт сравнительного исследования. М., 1962.
- Севортян 1966 — *Севортян Э. В.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке: Опыт сравнительного исследования. М., 1966.
- Семантические типы 1982 — Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Серебренников 1955 — *Серебренников Б. А.* К проблеме типов лексической и грамматической абстракции: О роли принципа избирательности в процессе создания отдельных слов, грамматических форм и выбора способов грамматического выражения // Вопросы грамматического строя. М., 1955.
- Серебренников 1958 — *Серебренников Б. А.* Проблема глагольного вида в тюркских языках // Вопросы грамматики 1958. С. 12—30.
- Серебренников 1960 — *Серебренников Б. А.* Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960.
- Серебренников, Гаджиева 1986 — *Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: 2-е изд., испр. и дополн. М., 1986.
- Сильницкий 1983 — *Сильницкий Г. Г.* Структура глагольного значения и результатов // Типология 1983. С. 54—65 (гл. 3).

- Сильницкий 1986 — *Сильницкий Г. Г.* Семантические классы глаголов в английском языке. Смоленск, 1986.
- Скрелина 1980 — *Скрелина Л. М.* Систематика языка и речевой деятельности. Л., 1980.
- Скрелина 1981 — *Скрелина Л. М.* Систематика языка и речевой деятельности. Л., 1981.
- Словарь 1965 — Толковый словарь математических терминов. М., 1965.
- Слюсарева 1973 — *Слюсарева Н. А.* Проблемы лингвистической семантики // Вопросы языкознания. 1973. № 5. С. 13—23.
- Слюсарева 1986 — *Слюсарева Н. А.* Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. М., 1986.
- Смирницкий 1954 — *Смирницкий А. И.* К вопросу о слове: Проблема «тождества слова» // Тр. ин-та языкознания АН СССР. М., 1954. Т. IV. С. 3—49.
- Содицова 1975 — *Содицова М.* Фель стилистика. Ташкент, 1975.
- Солнцев 1977 — *Солнцев В. М.* Язык как системно-структурное образование: 2-е изд., доп. М., 1977.
- Солнцева 1985 — *Солнцева Н. В.* Проблемы типологии изолирующих языков. М., 1985.
- Степанов 1978 — *Степанов Ю. С.* Славянский глагольный вид и балтийская диатеза: Проблема общего генезиса и реконструкции / Славянское языкознание. М., 1978. С. 335—362.
- Тенишев 1961 — *Тенишев Э. Р.* Глаголы движения в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 232—293.
- Тенишев 1976а — *Тенишев Э. Р.* Строй саларского языка. М., 1976.
- Тенишев 1976б — *Тенишев Э. Р.* Строй сарыг-югурского языка. М., 1976.
- Теория грамматики 1987 — Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- Типология 1983 — Типология результативных конструкций: Результатив, стив, пассив, перфект. Л., 1983.
- Тихонов 1964 — *Тихонов А. Н.* Существует ли категория вида в тюркских языках? // Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова: Материалы конференции. . . Т. I. Самарканд, 1964. С. 201—207.
- Тихонов 1966 — *Тихонов А. Н.* К вопросу о видовых значениях прошедшего категорического в тюркских языках // Уч. зап. НИИ при СМ Чув. АССР. Вып. 22: Вопросы чувашской литературы и языка. Чебоксары, 1966. С. 104—112.
- Тихонов 1981 — *Тихонов А. Н.* Изучение видов русского глагола в узбекской школе. Ташкент, 1981.
- Улуханов 1977 — *Улуханов И. С.* Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977.
- Уфимцева 1974 — *Уфимцева А. А.* Типы словесных знаков. М., 1974.
- Уфимцева 1986 — *Уфимцева А. А.* Принципы семасиологического описания лексики. М., 1986.
- Филли 1957 — *Филли Ф. П.* О лексико-семантических группах слов // Езиковецки изследованиа в чест на акад. Ст. Младенов. София, 1957. С. 523—538.

- Фролова 1975 — Фролова И. А. К проблематике утвердительной, отрицательной и неопределенной модальности высказывания // *Československá rusistika*. Praha, 1975. Т. XX. № 5. С. 204—211.
- Халиков 1967 — Халиков К. Глаголы движения в современном узбекском литературном языке. Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Самарканд, 1967.
- Харисов 1944 — Харисов А. И. Категория глагольных видов в башкирском языке. Уфа, 1944.
- Харитонов 1960 — Харитонов Л. Н. Формы глагольного вида в якутском языке. М.; Л., 1960.
- Холодович 1963 — Холодович А. А. О предельных и неопредельных глаголах: По данным корейского и японского языков // *Филология стран Востока*. Л., 1963. С. 3—11.
- Холодович 1974 — Холодович А. А. *Miscellanea Marginalia*: Еще раз о залогах и диатезах // *Типология пассивных конструкций: Диатезы и залоги*. Л., 1974. С. 362—379.
- Холодович 1979 — Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
- Храковский 1980 — Храковский В. С. Некоторые проблемы универсально-типологической характеристики аспектуальных значений // *Аспектуальность и средства ее выражения*. Тарту, 1980. С. 3—24.
- Ҳожиёв 1966 — Ҳожиёв А. Ўзбек тилида кўмакчи феъллар. Тошкент, 1966.
- Ҳожиёв 1973 — Ҳожиёв А. Феъл. Тошкент, 1973.
- Ҳожиёв 1975 — Ҳожиёв А. Феъл // *Ўзбек тили грамматикаси: В 2 т. Т. I: Морфология*. Тошкент, 1975. С. 365—527.
- Ҳожиёв 1979 — Ҳожиёв А. Ҳозирги ўзбек тилида форма ясалиши. Тошкент, 1979.
- Чейф 1975 — Чейф У. Л. Значение и структура языка / Пер. с англ. М., 1975.
- Чхаидзе 1960 — Чхаидзе М. П. Спаренные глаголы в марийском языке. Йошкар-ола, 1960.
- Чхаидзе 1967 — Чхаидзе М. П. Проблема спаренных глаголов: На материале марийского языка и других языков различных типов: Автореф. дис. . . . докт. филол. наук. М.; Тбилиси, 1967.
- Шакирова 1974 — Шакирова Л. З. Научные основы методики обучения категориям вида и времени русского глагола в тюркоязычной (татарской и башкирской) школе. Казань, 1974.
- Шелякин 1975 — Шелякин М. А. Основные проблемы современной русской аспектологии // *Вопросы русской аспектологии*. Воронеж, 1975. С. 5—27.
- Шелякин 1977 — Шелякин М. А. Основные проблемы современной русской аспектологии: 2 // *Вопросы русской аспектологии*. Вып. II. Тарту, 1977. С. 3—22.
- Шелякин 1978 — Шелякин М. А. Предельные и неопредельные глаголы несовершенного вида // *Семантика и функционирование категории вида русского языка: Вопросы русской аспектологии*. Вып. III. Тарту, 1978. С. 43—63.
- Шелякин 1983 — Шелякин М. А. Категория вида и способы действия русского глагола: Теоретические основы. Таллин, 1983.

- Шмелев 1973 — Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
- Щерба 1974 — Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Щербак 1975 — Щербак А. М. К вопросу о происхождении глагола в тюркских языках // Вопросы языкознания. 1975. № 5. С. 18—29.
- Щербак 1977 — Щербак А. М. Очерки по сравнительной грамматике тюркских языков: Имя. Л., 1977.
- Щербак 1981 — Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Глагол. Л., 1981.
- ЭСТЯ 1978 — Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978.
- Юлдашев 1955 — Юлдашев А. А. Категория глагольного вида в башкирском языке // Вопросы грамматического строя. М., 1955. С. 362—387.
- Юлдашев 1958 — Юлдашев А. А. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., 1958.
- Юлдашев 1965 — Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965.
- Юлдашев 1972 — Юлдашев А. А. Принципы составления тюрко-русских словарей. М., 1972.
- Юлдашев 1977 — Юлдашев А. А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. М., 1977.
- Юнусалиев 1959 — Юнусалиев Б. М. Киргизская лексикология. Ч. I: Развитие корневых слов. Фрунзе, 1959.
- Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977.
- Bläsing 1984 — Bläsing Uwe. Die finit indikativischen Verbalformen im Kalmückischen: Untersuchung ihrer Anwendung und ihrer Abgrenzung voneinander. Stuttgart, 1984.
- Dressler 1968 — Dressler W. Studien zur verbalen Pluralität: Iterativum, Distributivum, Durativum, Intensivum in der allgemeinen Grammatik, im Lateinischen und Hethitischen. Wien, 1968.
- Guillaume 1968 — Guillaume G. Temps et Verbe: Théorie des Aspects, des Modes et des Temps. Paris, 1968.
- Jensen 1958 — Jensen H. Рец. на: Seiler H. L'aspect et le temps dans le verbe néo-grec. Paris, 1952 // Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft. Berlin, 1958. Bd XI. N 2—3. S. 274—275.
- Johanson 1971 — Johanson L. Aspekt im Türkischen: Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems. Uppsala, 1971.
- Johanson 1975 — Johanson L. Akzionalphrase und Verlaufsordnung: In margine einer Monographie zur «Aktionalität» im Deutschen // Studia Neophilologica. Stockholm, 1975. V. 47. N 1. S. 120—150.
- Rundgren 1963 — Rundgren F. Erneuerung des Verbalaspekts im Semitischen: Funktionell-diachronische Studien zur semitischen Verblehre. Uppsala, 1963. S. 49—108 (Acta Societatis Linguisticae Upsaliensis. Nova Series. V. I. N 3. 1962).
- Schönig 1984 — Schönig Cl. Hilfsverben im Tatarischen: Untersuchungen zur Funktionsweise einiger Hilfsverbverbindungen. Wiesbaden, 1984.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Предисловие	3
<i>Глава первая.</i> К истории изучения аспектуальных значений в тюркских языках	7
<i>Глава вторая.</i> Семантическая структура глагола и аспектуальность	37
1. Лексические и грамматические значения	37
2. Процессность глагола и аспектуальные характеристики процессов	51
<i>Глава третья.</i> Базовые аспектологические понятия в ономаσιологическом освещении	60
<i>Глава четвертая.</i> Функциональные связи лексической и морфологической акциональности в узбекском языке	127
I. Глагольная лексическая акциональность и ее качественная модификация	127
1. Непредельные лексемы	127
2. Способы действия непредельных лексем	140
3. Предельные лексемы	151
4. Способы действия предельных лексем	158
II. Результатив как дальнейшее звено в развитии предельного процесса	172
Заключение	192
Литература	196